

10.333
1958_{nl}

1

10335
45

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1958

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

59542

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Д. И. ЧХИКВИШВИЛИ. Праздник грузинской культуры	Стр. 3
---	-----------

40 ЛЕТ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР

ПОЭЗИЯ МУЖЕСТВА И ЛЮБВИ. Стихотворения воинов-поэтов Мирзы Геловани, Владимира Убилава, Павла Быкова, Василия Китаева, Александра Соколовского, Святослава Футоровича	7
АНАТОЛИЙ КУЗЬМИЧЕВ. В районе озера Балатон. Главы из романа «Так наступает весна»	13
ШАЛВА ДАДИАНИ. Семья Гвиргвилиани. Роман. (Продолжение).	36
СИМОН ЧИКОВАНИ. Новые стихи	70
КАРЛО КАЛАДЗЕ. Алый мрамор, Папоротник. Стихи.	73
РЕВАЗ АСАЕВ. Шествие весны. Стихи.	76
ЛИДИЯ МАГИСТРОВА. Лирические стихи	77
ИЛЬЯ РУРУА. Бессонная ночь. Из этюдов «Моя деревня»	80
ГЕОРГИЙ ШАТБЕРАШВИЛИ. Нато Вачнадзе. Наше ярмо. Стихи	82
ОТАР МАМПОРИЯ. Грузинский павильон ВСХВ. Когда я пишу. Стихи	85
МУХРАН МАЧАВАРИАНИ. Тот парень... Стихи	87

ГРУЗИЯ НА СТРОЙКЕ

Г. ЗЕДГИНИДЗЕ. Творцы «умных» машин	88
---	----

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

Г. ГАРИБДЖАНИЯН. Петр Арвеладзе — пламенный борец за Советскую власть	93
---	----

(См. на обороте)

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

1958

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- МИХАИЛ ЗАВЕРИН.** Перевод и национальное
своеобразие литературы 101 ✓
ГУРАМ АСАТИАНИ. Поэзия Тициана Табидзе 108 ✓

ПИСЬМА, ДОКУМЕНТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

- МОСЕ ТОИДЗЕ.** В мастерской И. Е. Репина. 115

СРЕДИ КНИГ

- ✓ **Ш. АПХАИДЗЕ** — Благородный труд переводчика; **С. ГВЕЛЕСИАНИ** — Верность идее; **Л. КАЛАНДАДЗЕ, Л. БРАЙЛОВСКАЯ** — Перед восходом солнца; **Б. СОКУРОВ**—Образ девушки-воина; **И. БОГОМОЛОВ**—Рассказы о хороших людях; **Б. АБУЛАДЗЕ**—«Подковы и цветы»; **Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ** — Книга о молодом Горьком 118—127

Редактор **К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ**

Редакционная коллегия:

Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора),
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ

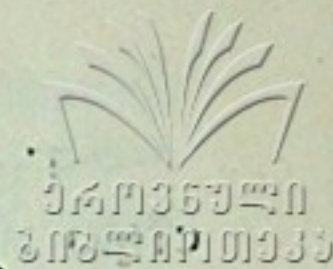
Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

საქართველოს
საბჭოთაო რევოლუციის
მემორიალი

Установление Советской власти в Грузии. Митинг на площади Свободы в г. Тифлисе. 1921 г.
С картины худ. Р. Стурua.

Д. И. Чхиквишвили,
министр культуры Грузинской ССР

ПРАЗДНИК ГРУЗИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Предстоящая Декада грузинского искусства и литературы в Москве — знаменательное событие в культурной жизни грузинского народа.

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла свободу грузинскому народу, открыла ему широкий путь к знанию, дала возможность развернуться народному творчеству.

Под руководством Коммунистической партии, при постоянной помощи великого русского народа Грузия за короткий исторический срок превратилась в одну из передовых республик Советского Союза. Подъем социалистической экономики обусловил неуклонный рост благосостояния грузинского народа и развитие его культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. Сейчас в республике имеется более 4.000 школ и 19 высших учебных заведений (среди них — Государственный университет, Академия художеств, консерватория, театральный институт), много средних специальных учебных заведений, хореографическое училище. Центром научной мысли в республике является Академия наук ГССР.

Советская социалистическая культура проникла во все уголки Грузии. В городах и селениях республики работают тысячи клубов, домов культуры и библиотек, имеется широкая сеть театров, кино, музеев, парков культуры и отдыха. Большими тиражами издаются в республике газеты, журналы, учебники, политическая и художественная литература. Только за один минувший год было выпущено 1.500 названий книг на грузинском и русском языках, общим тиражом свыше десяти миллионов экземпляров.

Грузинская советская литература, являющаяся неотъемлемой частью многонациональной советской литературы, прошла уже большой путь развития. Произведения многих писателей и поэтов Советской Грузии переведены на русский язык и языки братских народов СССР и широко известны советскому читателю.

Годы, прошедшие со времени предыдущей Декады грузинского искусства и литературы, проведенной в Москве в 1937 году, ознаменовались в грузинской литературе новыми серьезными успехами. Можно с удовлетворением сказать, что за последнее время заметно обогатилась проза, много новых поэм и стихов написали наши поэты, успешно поработали драматурги.

Лучшие произведения грузинских писателей издаются в переводе на русский язык. К декаде будут выпущены также монографии, посвященные творчеству крупнейших писателей и деятелей искусств, монографии о театрах Оперы и балета им. З. Палиашвили, им. Руставели, им. Марджанишвили, им. Грибоедова, а также труды грузинских искусствоведов и литературоведов.

Энергично готовятся к декаде наши театры. В Москве будут показаны оперы З. Палиашвили «Даиси», (постановка В. Таблиашвили, дирижер Д. Мирцхулава, художник И. Сумбаташвили), «Орлеанская дева» Чайковского, давно не ставившаяся на сцене и ныне возвращенная к сценической жизни тбилисским театром (постановка М. Квалиашвили, дирижер О. Димитриади, художник К. Кукуладзе). Готовится к постановке опера Д. Торадзе «Невеста Севера» (либретто И. Нонешвили).

Национальный классический балет в Грузии — самый молодой вид искусства, зародившийся в республике уже в годы Советской власти. Однако достижения его сегодня общеизвестны. Тбилисский театр оперы и балета им. З. Палиашвили располагает отличной балетной труппой, возглавляемой выдающимся мастером советской хореографии Вахтангом Чабукиани, воспитавшим целую плеяду молодых талантливых балерин и танцовщиков, среди которых — В. Цигнадзе, И. Алексидзе, Е. Геловани, З. Кикалейшвили, Р. Магалашвили, В. Гунашвили и другие. На предстоящей декаде предполагается показать два балета — «Горда» и «Отелло». «Горда» — национальный балет, в основу сюжета которого положена грузинская народная легенда о Сурамской крепости, «Отелло» — новое хореографическое произведение Вахтанга Чабукиани, созданное по мотивам гениальной трагедии Шекспира.

Балет «Отелло» — большая победа композитора А. Мачавариани, создавшего замечательную музыку, автора спектакля и великолепного исполнителя партии Отелло В. Чабукиани и художника С. Вирсаладзе, прекрасно оформившего балет.

Лучшие свои спектакли представят на декаде и драматические театры республики. Театр им. Руставели покажет в Москве трагедию Софокла «Царь Эдип», пьесу Л. Киачели «Тариэл Голуа», «Оптимистическую трагедию» Вс. Вишневского. В декадном репертуаре театра им. Марджанишвили — «На перепутье» Л. Готуа, «Изгнанник» Важа Пшавела, «Ричард III» В. Шекспира, «Весенний поток» Р. Табукашвили, «Гибель эскадры» А. Корнейчука. Театр им. Грибоедова подготовил спектакли «Киквидзе» В. Дарасели, «Хевисбери Гоча» С. Шаншиашвили (по одноименному произведению А. Казбеги), «Грозовой год» А. Каплера, «Расточитель» Н. Лескова. Коллектив театра работает также над пьесой М. Мревлишвили «Пламенный мечтатель», посвященной последним годам жизни А. С. Грибоедова. В декадных спектаклях наряду с выдающимися мастерами грузинской сцены будет выступать и талантливая молодежь.

Прошлая Декада грузинского искусства и литературы, состоявшаяся в Москве в 1937 году, была по своим масштабам значительно меньше нынешней. Достаточно сказать, что тогда в ней приняли участие только Театр оперы и балета и два ансамбля песни и пляски. Общее число участников составило 820 человек. Теперь же в Москву направляются, кроме четырех театров, восемь исполнительских коллективов. Общее количество участников — около 1.600 человек.

Широко будет представлена на декаде грузинская музыка — симфоническая и камерная. К исполнению подготовлены произведения Ш. Мшвелидзе, А. Баланчивадзе, О. Тактакишвили, А. Мачавариани, А. Чимакадзе, А. Шаверзашвили, С. Цинцадзе, Р. Лагидзе, Н. Гудиашвили и других композиторов.

Государственный симфонический оркестр Грузии (художественный руководитель А. Мачавариани) готовит три программы. Все они поручены молодым дирижерам — Захарию Хуродзе, Джемалу Гокиели и Лилэ Киладзе.

Большую подготовительную работу ведут и другие исполнительские коллективы республики, в том числе Государственный квартет Грузии — лауреат Международного конкурса смычковых квартетов в Праге — в составе Б. Чиаурели, Г. Хатиашвили, А. Бегалишвили и Г. Барнабишвили, Государственная капелла Грузии (под художественным руководством молодого дирижера Д. Кахидзе) и др.

Грузинскую народную песенную и танцевальную культуру будут представлять Государственный ансамбль народного танца Грузии (под художественным руководством И. Сухишвили и Н. Рамишвили), вокальная группа «Швидкаца», а также профсоюзный коллектив рабочих, служащих и студенческой молодежи Грузии в составе 200 человек.

Ансамбль песни и пляски Грузии хорошо известен за пределами Грузии и не раз успешно выступал в Москве. Давно знаком советскому зрителю и зрителям многих зарубежных стран также ансамбль народного танца Грузии. Как известно, недавно он с огромным успехом выступал в Париже. «Швидкаца» — молодой, но уже популярный коллектив — Лауреат VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, удостоенный Золотой медали.

К декаде издается обширная нотная литература. Наряду с произведениями классиков — З. Палиашвили, Д. Аракишвили и М. Баланчивадзе издаются ноты произведений композиторов среднего и младшего поколения.

Союз художников Грузии готовит большую выставку изобразительного искусства. На ней будут экспонированы лучшие образцы живописи, графики, скульптуры, керамики. Всего будет представлено около тысячи работ.

Москвичи познакомятся также с выставками грузинской книги и образцов архитектуры (древней и новой). Много интересных работ будет в экспозиции выставки народного творчества. Она расскажет о том, как ярко и самобытно искусство свободного народа.

Тбилисская киностудия «Грузия-фильм» продемонстрирует на декаде свои лучшие фильмы.

К декаде готовится и Тбилисский Дворец пионеров. Выступления его воспитанников явятся наглядным примером того, как умело и бережно растут у нас юные таланты.

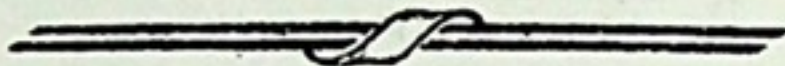
Декадные спектакли и концерты будут проводиться в лучших театральных и концертных залах Москвы — в Большом театре СССР, Малом театре, театре им. Вахтангова и филиале МХАТ, зале им. Чайковского, Большом зале Консерватории, Колонном зале Дома Союзов.

Кроме того, театральные коллективы Грузии будут выступать на московских фабриках и заводах, во Дворцах культуры. Во время декады будет организован ряд встреч грузинских писателей и работников искусств с москвичами. На предприятиях и в клубах Москвы будут проводиться литературно-художественные вечера.

Предстоящая Декада грузинской литературы и искусства в Москве — это большое, волнующее событие в жизни всего грузинского народа, яркая демонстрация торжества мудрой ленинской национальной политики, которую последовательно претворяет в жизнь Коммунистическая партия Советского Союза.

Декада, несомненно, станет важным этапом на пути дальнейшего развития искусства и литературы грузинского народа.

Деятели культуры Советской Грузии, показывая в Москве достижения в развитии грузинской литературы и искусства, выразят горячую любовь грузинского народа ко всем братским народам нашей страны, продемонстрируют непоколебимую преданность Коммунистической партии и Советскому правительству, уверенно ведущим советский народ к коммунизму.

Поэзия мужества и любви

В феврале этого года наша страна и ее многочисленные друзья за рубежом отмечают сорокалетие Советской Армии и Военно-Морского Флота. Сорок лет Советские Вооруженные Силы бдительно стоят на страже славных завоеваний Октября, мирного труда советского народа, его настоящего и будущего. Созданные и воспитанные Коммунистической партией, Армия и Флот нашей державы наголову разгромили всех иностранных интервентов, одержали всемирно-историческую победу в Великой Отечественной войне и сегодня, оснащенные первоклассным оружием и боевой техникой, являются надежной гарантией мира и безопасности Советского государства.

Не только боевой, но и огромной культурной силой называл Советскую Армию великий пролетарский писатель Максим Горький. И действительно, наша армия богата талантами — так же, как она богата героями. Среди солдат, сержантов и офицеров советских войск — сотни поэтов и музыкантов, певцов и изобретателей, танцоров и чтецов. Сегодня мы хотим познакомить наших читателей с творчеством воинов-поэтов. Мы открываем их список именами героев, павших за Родину на поле боя, — именами славных сынов грузинского народа Мирзы Геловани и Владимира Убилава. Их поэтический талант родился в канун Великой Отечественной войны, он рос и креп вместе с их сол-

датской отвагой, вместе с их воинским мастерством. Лучшие свои стихи М. Геловани и В. Убилава написали на поле боя, их героями были советские воины — беззаветные борцы за свободу и счастье родного народа. Поэтам не удалось дожить до славного дня победы: один из них — Владимир Убилава — геройски погиб, освобождая от врага землю Украины, другой — Мирза Геловани — с оружием в руках пал на подступах к Берлину. Но их имена верно хранит память народа, как имена мужественных воинов и талантливых поэтов.

Авторы других стихов, с которыми мы знакомим сегодня читателей, — воины Закавказского военного округа. Майор П. Быков — делегат Третьего Всесоюзного совещания молодых писателей, автор двух книжек стихов — «В пути» и «Под мирным небом», коммунист, участник Великой Отечественной войны. Старший лейтенант В. Китаев — офицер советской авиации, А. Соколовский — военный врач, С. Футорович — ефрейтор, отличник боевой и политической подготовки. Их поэтическое творчество не всегда совершенно, одному удастся лучше, другое — хуже, но всех их объединяет теплота и искренность, умение видеть главное в жизни народа и армии. Герои произведений воинов-поэтов — обыкновенные советские люди, умеющие строить и мечтать, страстно ненавидеть врагов и любить свою Родину.

От Мтацминды до Смоленска

Перевод с грузинского В. Хацкевича

От Мтацминды до Смоленска долог путь,
Он длинней по фронтовой дороге...

Вспомни ночи,

вспомни битвы,

— не забудь

Радости скупые и тревоги.

Вспомни мутные рассветы над Днепром,

Холод утренний и в мокрых тучах выси...

Как тогда согрела нас теплом

Мысль о небе над родным Тбилиси!

Но тебе не вспомнить и не встать;

Суждено в бою погибнуть пшаву,

Будет плакать безутешно мать...

Но ведь сердце жить должно по праву!

Ведь оно по-прежнему в пути,

Ведь оно у каждого солдата.

Это сердце и в моей груди,

А в моей руке — твоя граната!

Владимир Убилава

Все дела вперед

Перевод с грузинского Г. Онаняна

Народ за Отчизну поднялся горой,

В сердцах патриотов единый порыв!

Солдат среди братьев стоял, как герой,

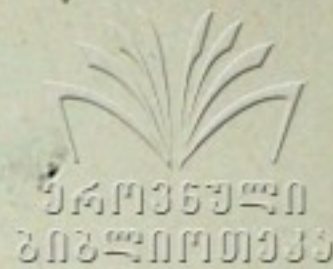
Любимую Родину грудью прикрыв.

Но тяжело на землю сырую упал

Осколком сраженный простой рядовой.

Родной небосвод был задымлен и ал,

Гремела гроза над его головой...

Теряя сознание, вспомнил солдат
 Медовую осень, родные края;
 Вот листья чинары летят на закат,
 Вот вечер приходит, прохладу струя...

Сквозь вой, громыхание, скрежет и лязг
 Солдату почудилось: он далеко,
 Он дома. От глаз материнских и ласк
 Вдруг стало ему хорошо и легко.

Очнулся на койке солдат, среди своих,
 Ему медсестра улыбалась тепло,
 И раненый понял: остаться в живых
 Видение дома ему помогло.

А сколько же дел у него впереди!
 Врага победить, да вернуться в свой дом,
 Земле поклониться и с песней в груди
 Страну врачевать вдохновенным трудом.

Павел Быков.

Армейские будни

РАЗВЕДЧИК

Ручьи сверкали, словно сабли,
 В зазубринах высоких гор,
 И, как свинец, хлестали капли
 По лицам воинов в упор.

Весна гнала остатки снега,
 Вела с зимой последний бой,
 И в закрепление успеха
 Покрыла склоны гор травой.

Солдаты взмокли и устали,
 Ворчали: «Да, погодка — та!»
 И все же скалы оседлали —
 Сдалась отважным высота.

И вдруг роскошный, синеватый
 Цветок увидели в камнях.
 Столпились над цветком солдаты —
 Над искрой вешнего огня.

И удивленные гадают:
 — В ботанике такого нет!
 Как называется — не знают.
 Но наш сержант нашел ответ.

Названья не придумать метче,
 С ним согласились сразу мы:
 — Так это же весны разведчик!
 Расцвел — считай, конец зимы.

МИЛЕЕ НЕТ РОДНОЙ ЗЕМЛИ!

Взлетят советские ракеты,
 Пространство звездное сверля,
 И старой медною монетой
 Блеснет внизу вдали Земля.
 И все ж она довольно ясно
 Видна нам будет среди тьмы:
 На ней бы жизнь давно погасла,
 Когда бы не трудились мы!

Простые люди, а не боги
 Ей дали лучезарный свет,
 И в межпланетную дорогу
 Они пошлют каскад ракет...
 И пусть со временем до солнца
 Домчатся наши корабли —
 Там по Земле и там взгрустнется:
 Милее нет ее — Земли!

В небе Родины

НАД ПЕРЕВАЛОМ

Минута...
Две...
И мы над перевалом,
Что неприступным издавна зовут.
Внизу орлы,
Под ними
Снег да скалы,
А ниже —
Виноградники цветут.
Турбинный гул,
Отстав от самолета,
Дробится эхом гулким о гранит.
И долго вслед нам
Матушка-пехота,
Стирая пот, завистливо глядит.

И, может быть,
Переводя дыханье,
Воскликнет пехотинец:
«Красота!
И сотни верст для них —
Не расстоянье,
И сам Казбек для них —
Не высота.
Нет на тебе подсумка,
Ни лопаты,
Ни пропыленной скатки за спиной...»
А мы,
Как все,
Такие же солдаты,
И нам не легче в выси голубой.

НА СТАРТЕ

Весна идет,
Весна шумит.
И ткет земле зеленый полог...
На стыке двух бетонных плит
Подснежник —
Вешних зорь осколок.
Пол-эскадрильи собралось
Вокруг него —
Земли питомца.
Вот здесь, на старте,
Он, как гость,
Уполномоченный от солнца.
Погладил каждый бы сейчас
Его листки.
Но разве тронешь?
Сердца не грубые у нас,
Да очень грубые ладони.
Не зря крылатой службы дни
Начав с учебного полета,

Назвали словом мы одним
Гражданским, будничным —
«Работа».
Никто не бросит нам в упрек,
Что красоту ценить умеем.
Легко сорвать, сломать цветок,
Но защитить его
Труднее.
...Взвихрив на старте россыпь рос,
Рванемся в небо с новой силой.
За то,
Чтоб и подснежник рос,
И солнце
Ярче бы светило.
За то, чтоб эту тишину
Сверлил бы жаворонок трелью
И чтобы юность и весну
Не взорвала
Война шрапнелью.

Мирные дни

В СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ БУХТЕ

Я город увидал впервые...
Колеблемые на волне,
Его огни сторожевые
Приветливо мигали мне.

Наш теплоход — дворец пловучий,
Заснеженных вершин белей —
Шел мимо строгих и могучих,
В броню одетых кораблей.

Шел тихо, плавно, величаво
Вдоль легендарных берегов,
Где каждый холм увенчан славой,
Под каждым камнем —
Прах врагов.

И с теплохода, рассекая
Установившую тишь,
Лилась мелодия такая,
Что ни за что не усидишь.

Над бухтой темной, полусонной.
Соленый ветер разносил
Тот голос,
 страстно в жизнь влюбленный,
Поющий от избытка сил.

Казалось, песне той — не дело
Витать, где пушки и броня.
Казалось, что красавец белый
Судам военным — не родня.

Но теплоходу — путь знакомый.
Соседи по душе ему.
Он чувствовал себя, как дома,
Огнями озаряя тьму.

Залюбовались им матросы,
И песне в лад звучала речь:
«Не зря мы служим в шторм и грозы!
Есть что любить!
 Есть что беречь!».

* * *

По мостовой проходит строй
В кольце мальчишек неизменном.
Они увлечены игрой.
Они всегда в пылу военном.

Бросая снежные мячи,
Кричат и весело и рьяно,
Подняв картонные мечи
И деревянные наганы,

И на граненое литье
Глядят — не могут наглядеться.
И вспоминаем мы свое
Стремглав промчавшееся детство.

И мы сияли, как они,
И с песнями маршировали,
И мы отцовские ремни
Гордясь, как латы, надевали.

Шумел и в наших головах
Романтики наивной ветер.
Теперь с улыбкой на губах
Глядим на них:
 смешные дети!

Пускай не трогает их грусть,
Как нас не трогала когда-то.
Мы выучили наизусть
И цвет и вкус житья солдата.

И наблюдая за игрой,
Мы автоматы крепче сжали.
Ведь для того проходит строй,
Чтобы, не тронуты войной,
В нее мальчишки
 лишь играли.

Из солдатской тетради

СОЛДАТ И СМЕРТЬ

В бою сказала Смерть Солдату,
Лицом упавшему в траву:
«Пора тебе в мои палаты,
Ты слышишь,
Я тебя зову...
Как ни крути —
Ты мой навеки,
На волоске
Твоя ведь жизнь...».
Солдат с трудом приподнял веки:
«К чертям,
Старуха, отвяжись!».
Но руки Смерть к нему простерла,
Потом
Движением одним
Сдавила грудь,
Взяла за горло —
И захихикала над ним.

Текли
Неудержимо даты —
Так вечный бег
Стремит река.
И Смерть
Забыла про Солдата.
У Смерти память коротка.
Но как-то
Улицею звонкой
Шла Смерть,

Неся с собой беду
В одну квартиру,
Где мальчонка
Метался третий день в бреду.

И вдруг
Она оцепенела,
Потом попятилась назад:
Пред ней,
В рывке застывши
Смелом,
Стоял
Знакомый ей Солдат.

Скользил по бронзе ветер пряткий,
Не гарью пахло,
А весной,
И бронзовая плащнакидка
Была,
Как крылья, за спиной.

Как вкопанная
Смерть стояла,
В себя не веря больше,
Нет!
И прочь пошла...
А с пьедестала
Бессмертье
Ей смотрело вслед.

УШЕДШЕМУ В ЗАПАС

Пусть позади и служба и разлука,
Тебя иные трудности влекут.
Пусть ты отвыкнешь
Трудовую руку
Прикладывать, как раньше,
К козырьку.
Пускай ты снова

Возвратился к домне
И к той,
Что ждать умела долгий час,
Но ты всегда и всюду
Должен помнить,
Что сердце
Не уволено в запас.

В районе озера БАЛАТОН

Гоциридзе встретил Виктора Мазникова неожиданным, грубоватым вопросом:

- Сколько машин угробил?
- Три, товарищ полковник.
- Тоже мне вояка!.. «Тридцатьчетверку» хорошо знаешь?
- Все время на ней работаю. С осени сорок первого.
- Э! Значит, на год почти по штучке приходится?

Виктор улыбнулся:

- Выходит так, товарищ полковник.
- Курсы кончал? Или — что?
- Саратовское училище.
- Саратовское? — Гоциридзе внимательно посмотрел ему в глаза:
- По какому разряду?
- Досрочный выпуск.

Командир полка поднялся из-за стола, достал папиросу, постучал мундштуком по крышке коробки:

- Хор-рошее училище, капитан! А меня по первому разряду выпустили. — Он замолчал, видимо, припоминая свою военную молодость. — Ладно! Завтра с утра принимай роту — у лейтенанта Снегиря...
- Есть! Разрешите быть свободным?
- Постой, не все.

Невысокий, худощавый, легкий, в потертом кителе, на котором по-

Главы из романа-хроники «Так наступает весна», посвященного боям Советской Армии за освобождение Будапешта от немецко-фашистских захватчиков в 1944-1945 гг.

блескивала золотая звездочка, Гоциридзе сделал по комнате несколько шагов отрывисто и резко говоря:

— Запомни, капитан: нытиков и прочих — не терплю. Любителей этого самого, — остановившись на секунду и через плечо глядя Мазникову в лицо, он выразительно пощелкал себя пальцем по шее: — тоже! По медсанбатам — не ходить! Да! Честь мундира превыше всего. В роте — держать образцовый порядок. И дисциплину. Рота должна быть в любую минуту готова двинуться с полным боекомплектом туда, куда будет приказано. Ясно?

Он наклонил голову набок и прищурил глаза. В ярком свете лампочки, присоединенной к аккумулятору, Виктор попытался, но так и не смог как следует определить их цвет. Сейчас они показались ему темно-серыми с холодным, стальным стливом. «Дядя, видать, с характером».

Утром капитан Мазников принимал роту.

Машины стояли неподалеку от сарая, на окраине села, где возвышались припорошенные снегом и спрессовавшиеся от времени стога соломы. Экипажи выстроились каждый возле своего танка и с любопытством поглядывали на нового командира роты, одновременно дружески и уважительно улыбаясь Снегирию.

Народ Виктору понравился. «Как на подбор, — думал он, обходя строй. — Действительно, гвардия!».

Свой, командирский, экипаж Мазников принимал последним — он сделал это с умыслом, чтобы лучше узнать и оценить людей.

Снегирь довольно торжественно представил новому командиру каждого члена экипажа.

— Механик-водитель, гвардии старшина Свиридов Павел Михайлович. Бог вождения.

Перед Мазниковым стоял плотный, почти квадратный парень с несколько угрюмым выражением лица и с клоком соломенно-желтых волос, торчавших из-под засаленного шлема.

— Бог вождения? Очень хорошо. Давно на «тридцатьчетверке»?

— С двадцать второго июня, товарищ гвардии капитан.

— Ого! Неплохо!

Снегирь представил следующего:

— Командир орудия гвардии сержант Жанабек Кожегулов.

— Ну, раз есть бог вождения, — пусть будет и начальник артиллерии...

— Точно, товарищ гвардии капитан! — очень бойко, с акцентом отозвался Кожегулов. У него были быстрые, горячие глаза, и они, наверно, в бою хорошо видели цель. Небольшой, щупленький, но стройный, он подтянулся, выпячивая грудь и улыбаясь во весь рот. Его широкое скуластое лицо сияло не меньше, чем две отменно начищенные медали «За отвагу», висевшие на левой стороне грязно-синего, промасленного комбинезона.

— За что получил? — кивнул на медали Мазников.

Кожегулов смешался.

— Дали, товарищ гвардии капитан... Не знаем.

— Как так не знаем! — откровенно возмутился Снегирь. — А под Арадом кто «фердинанда» подбил? Под господским двором Эжефи кто из засады немецкую колонну раздолбал? Может — Кожегулов?

— Кожегулов, — согласился «начальник артиллерии».

Последний член экипажа был представлен Снегирем так:

— Радист-пулеметчик Петя Гейченко.

Глаза — вот, что поразило Мазникова в этом человеке, — очень молодым, смутившемся, как школьник. Большие, синие, с длинными мохнатыми ресницами, они, казалось, излучали какой-то трепетно-сияющий свет.

— Сколько времени в экипаже? — спросил Виктор, выдерживая взгляд этих необыкновенных глаз.

— Скоро год, товарищ гвардии капитан.

— Ну что ж — отлично! — Мазников обернулся к Снегирю: — Чем сегодня занимаетесь?

— По плану — работа с матчастью...

— Будем продолжать. Но учтите: рота каждую минуту должна быть готова к маршу. Об этом меня предупредил вчера командир полка.

* * *

В эти январские дни под прикрытием ночной тьмы и снегопада в районе озера Балатон сосредотачивались «тигры» и «фердинанды» четвертого танкового корпуса СС генерала Гилле.

Их были сотни. Они тянулись сюда с северо-запада, из районов Бичке и Естергома, их снимали с короткого отдыха, усиливали пехотными и артиллерийскими частями и сразу же выводили на исходные рубежи. Артиллерийская разведка противника засекала цели на нашей стороне. С более спокойных участков фронта перебазировались сюда полки штурмовой и истребительной авиации.

— Ваш корпус, генерал, будет решать великую задачу, — торжественно сказал Гилле командующий шестой армией Бальк. — Мы не должны упускать момента. На западе пока спокойно... На восточном фронте тоже почти спокойно... У русских, стоящих против вас, слабые тылы, у них за спиной — Дунай. И вы должны пробиться к нему... Не мне объяснять вам, что создание линии обороны по Дунаю высвободит войска для переброски их на берлинское направление... За нашим участком фронта следит лично фюрер... Да благословит вас бог, генерал!

Утром семнадцатого января, за сутки до начала наступления, Гилле подписал приказ № 37/45. Его первый пункт гласил:

«4-й танковый корпус СС 18.1 прорывает позиции противника между озером Балатон и Чор и наносит удар в северо-восточном направлении до реки Дунай, с задачей установить связь с войсками, окруженными в Будапеште. Последующая задача 6-й армии будет состоять в том, чтобы уничтожить противника, находящегося в районе западнее и северо-западнее Будапешта».

Одновременно с этим приказом в части, готовые к наступлению, поступили листовки, тоже подписанные Гилле. «Надо во что бы то ни стало прорваться в Будапешт и спасти окруженных там товарищей», — уговаривал генерал свои войска. В окопах переднего края офицеры вновь читали солдатам приказ Гитлера, уже знакомый тем, кто пробовал пробиться к Будапешту на западе — у Бичке и Естергома в первые дни нового года. В «неблагонадежных» частях с солдат брали письменную клятву умереть или прорваться к окруженным. Специальная радиошифровка предписывала расстреливать всех без исключения русских солдат и офицеров, попавших в плен...

Ночью над передним краем висела тяжелая, зловещая тишина. Не раздавалось ни одного выстрела, не взлетела ни одна осветительная ракета. С черного низкого неба, кружась в безветрии, тихо падали снежинки. Пристально вглядывались во тьму солдаты боевого охранения, не смыкали век наблюдатели, изредка, проверяя связь, прозванивали линию дежурные телефонисты.

Бои шли далеко отсюда, в окруженной венгерской столице. Над нею, как и вчера, как и неделю назад, недвижно стелилось багрово-дымное за-

рево пожаров. На улицах и в переулках Пешта¹ не умолкала трескотня автоматов, били минометы, орудия, поворотливые и точные пушки «тридцатьчетверок». Перед самым рассветом противник был оттеснен к Дунаю — к зданию парламента и главного полицейского управления, на набережные Сечени и Франца-Иосифа. Он еще огрызался, он еще цеплялся за углы разбитых домов и пересекавшие улицы баррикады, когда у него в тылу один за другим, сотрясая землю, тяжело гроыхнуло несколько взрывов.

Надломившись, рухнули в холодную черную воду все дунайские мосты. Остатками вражеских войск овладел ужас: им даже некуда было теперь отступать. Бросая оружие, немцы кидались в Дунай с гранитных парапетов набережной, по которой уже била их артиллерия. Но до Буды добирались немногие — русские пулеметы длинными очередями секли по реке с обоих флангов, прошивая синеву наступающего утра стремительными розовыми строчками трассирующих пуль...

Ни Бальк, ни Гилле еще не знали о падении Пешта, когда отдали своим войскам приказ после артиллерийской подготовки перейти в наступление. Не знали об этом и наши солдаты, первыми увидевшие в то утро «королевских тигров», появившихся в морозном тумане далеко впереди, перед их окопами

Стараясь перекричать грохот снарядов, наблюдатели докладывали командирам по телефону:

— Вижу семь танков...

— Двенадцать танков...

— Двадцать четыре...

— Тридцать...

В штабы, сквозь морозный, взбудораженный гулом начавшегося боя эфир летели по радио голоса радистов — взволнованные и спокойные, звонкие и хриплые, безразличные и тревожные:

— На участке полка — сорок пять танков...

— Бригаду атакуют около восьмидесяти танков.

— На оборону дивизии брошено сто пятьдесят танков...

Сосредоточив на узком участке огромную бронированную мощь, четвертый танковый корпус СС двинулся на северо-восток, и устоять перед этой силой было почти невозможно.

Началось второе, «нижнее», наступление противника на Будапешт.

Вечером, торжествуя, Бальк доложил Гитлеру, что русские отступают. Но командующий шестой немецкой армией ошибался. В этой схватке южнее Балатона были наступающие, но не было отступающих: советские роты, батальоны, полки не отступали — они умирали на своих позициях, и только тогда, когда уже некому было защищать окопы, танки Балька могли двигаться дальше вперед.

На берегах Балатона, на дорогах, ведущих к Будапешту, на голых заснеженных полях, дымя, пылали десятки «тигров» и «фердинандов», на всем пути вражеского танкового тарана, пробивавшегося к Дунаю, горели венгерские деревушки и господские дворы.

Прошли сутки — и темп продвижения четвертого танкового корпуса резко снизился. Ко вторым позициям советских войск он вышел, имея уже значительные потери. В наступление были брошены резервы, к месту главного удара подходили свежие пехотные части.

Девятнадцатого января оперативная сводка Советского Информбюро сообщила:

«...Южнее города Секешфехервар наши войска отбивали атаки круп-

¹ Пешта — левобережная часть Будапешта.

ных сил пехоты и танков противника и после упорных боев оставили несколько населенных пунктов».

Пфедфер-Вильденбрух воспрял духом, хотя официальное уведомление о боевых действиях корпуса генерала Гилле он получил только на другой день утром. Газета окруженных, не без доли мрачного юмора названная «Известиями будапештского котла», поспешила обрадовать своих читателей. «Согласно полученным последним сообщениям, — писала она в номере от 21 января, — продвижение войск, идущих на выручку Будапешта, после перегруппировки, вызванной стратегическими и климатическими причинами, снова протекает успешно. Как видно из всех поступающих донесений, в данном случае речь идет об операции особенно крупного масштаба».

★ ★ ★

Части гурьяновского корпуса заняли заранее подготовленные позиции во втором эшелоне армии, на том направлении, которое непосредственно угрожало Будапешту, и вошли в соприкосновение с противником двадцать второго января на рассвете.

Немецкий танковый клин, устремившийся на северо-восток, попытался с ходу прорвать оборону семнадцатой мехбригады на участке Гардонь — Гроф — господский двор Агг-Сентпетер. Попытался — и не смог.

Гурьянов перенес свой командный пункт и оперативную группу штаба в Мартон-Вашар. В этот день генерал впервые изменил своему правилу — метаться на бронетранспортере из части в часть, большее время оставаясь в той, на участке которой противник наносил главный удар. Сейчас каждый участок был главным, и командир корпуса хотел видеть все и всех. Штабные радиостанции работали без передышки, принимая и отправляя шифрованные радиограммы. Приезжали и уезжали на своих юрких, изворотливых вездеходах офицеры связи. Шоферы автобата отдыхали только тогда, когда их машины нагружались снарядами и патронами на складах и разгружались где-нибудь в лощине или придорожной посадке поблизости от передовой. На отдельных участках небольшие группы немецких танков прорывались в тылы советских частей, и в штабе корпуса не только комендантский взвод, но и все писаря были на всякий случай вооружены противотанковыми гранатами.

День прошел в непрерывных боях, и сюда, в Мартон-Вашар, находившийся километрах в десяти от переднего края, доносился их глухой непрекращающийся гул. Ночью, казалось, было тише, но невидимые днем, на юге и юго-западе низко над горизонтом до самого рассвета трепетали зарева пожаров. И до самого рассвета над главными дорогами в тылу советских войск висели тихходные ночные бомбардировщики противника. Стоило вспыхнуть фаре автомобиля, электрическому фонарику или просто спичке — вниз летела самораскрывающаяся кассета, начиненная мелкими трескучими гранатами.

В середине ночи, получив необходимую информацию от соседей и из штаба фронта, Гурьянов уже смог составить полное представление о сложившейся обстановке, замысел противника прояснился.

Четвертый танковый корпус, усиленный несколькими пехотными дивизиями, артиллерийскими и авиационными частями, наносил главный удар в двух направлениях: на восток — к Дунафельдвару и к Дунапентеле и на северо-восток — по шоссе Барачка — Мартон-Вашар — Эрд, то

есть как раз вдоль бывшего оборонительного рубежа шестой немецкой армии, именовавшегося «Линией Маргариты». Наиболее опасным было первое направление: над дунайскими переправами, коммуникациями и тылами советских частей нависала серьезная угроза. С левого фланга их теснил корпус Гилле, с фронта и справа — активизировали свои действия остальные силы шестой немецкой армии, в тылу — был Будапешт и замерзшая ширь Дуная.

Оторвавшись от карты, Гурьянов повернулся к начальнику штаба Заславскому:

— Помните, Владислав Борисыч, я когда-то говорил вам относительно цветочков? Кажется, во времена Бичке... Теперь я могу сказать, что созревают ягоды... Довольно неприятные ягоды.

— Если противнику удастся прорваться к Дунаю...

— Он прорвется. Я не могу предвидеть, как развернутся события дальше. Но к Дунаю он прорвется.

Начальник штаба поправил пенсне:

— Вы уверены?

— Я не сказал бы этого солдатам, не сказал бы даже любому командиру батальона... Но мы с вами должны знать правду... Очень суровую правду. — Гурьянов швырнул на стол карандаш и поднялся. — Войска на плацдарме сильно обескровлены. Мы теряем больше людей и техники, чем получаем их с той стороны Дуная... И такое же положение с боеприпасами. Героизм наших войск — большая сила. Я прошел всю гражданскую войну — и не видел ничего подобного... Я преклоняюсь перед нашими солдатами. Они все — герои. Но и герою нужны патроны к автомату и боекомплект для орудия «тридцатьчетверки»... И герою, Владислав Борисыч, становится страшно, когда на него, на одного, прет бронированная машина, а в противотанковой батарее, которая должна была бы ему помочь, разбита последняя пушка...

Удивленный красноречием генерала, Заславский молча следил за ним взглядом. Гурьянов ходил по комнате, заложив руки за спину и глядя себе под ноги. Минуту помолчав, он снова вскинул голову:

— Чем весь январь занимается корпус?.. Мы мечемся по плацдарму с фланга на фланг, затыкаем дыры в обороне... И ничего другого пока не придумаешь. Сидеть на том берегу тоже было нельзя: потом, позже, окружение Будапешта обошлось бы нам дороже, чем теперь... Такова обстановка и действовать нужно, только учитывая ее...

За дверью слышался шум шагов и громкий голос начальника политотдела. Соловейчик появился в комнате через минуту, и в воротнике его бекеша еще поблескивали искорки растаявшего снега. Мясистое лицо полковника было красным от мороза и ветра.

— Худо, Иван Никитич, худо, — сказал генералу начальник политотдела, прикрывая дверь.

— Ты где был-то?

— Почти везде. У Горячева, у Мазникова, заскочил к Гоциридзе... Народ держится, воюет, но потери, потери! — Соловейчик снял бекешу, швырнул ее на подоконник и, достав из кармана кителя расческу, пригладил свои реденькие растрепанные волосы: — А в Барачке, уже на обратном пути, видел знакомого офицера связи из штаба армии... Говорит, немцы ворвались в Секешфехервар. Идут уличные бои...

Гурьянов вернулся к разложенной на столе карте. Его мысль сразу стала ясной и Соловейчику и Заславскому. Да, опасения генерала не были напрасными: если противник овладеет Секешфехерваром, на правом фланге корпуса все время будет висеть угроза полуокружения.

— Вероятнее всего, нас в ближайшие дни отведут, — неуверенно про-

говорил Заславский, разглаживая ладонью карту. — Иначе от корпуса останется только...

— Не надо гадать, Владислав Борисыч, — перебил его Гурьянов. Не надо гадать, что будет в ближайшие дни и что останется от корпуса. Пока он воюет и будет воевать. До тех пор, пока ему не прикажут отойти... Второму эшелону штаба выделена радиостанция?

— Я сказал начальнику связи, — поднялся Заславский. — Он обещал выделить.

— Проверьте, пожалуйста. Это очень важно. Обстановка может измениться каждую минуту. — Гурьянов повернулся к начальнику политотдела: — А не напутал что-нибудь этот офицер связи?

Поняв, что с ним разговор окончен, начальник штаба вышел, растерянно поглаживая свою эспаньолку.

— Я сказал еще не все, Иван Никитич. Офицер связи вез в дивизию приказ оставить Секешфехервар.

Генерал остановился:

— Это уже хуже... Да, да, — откликнулся он на громкий и настойчивый стук в дверь.

Вошел оперативный дежурный.

— Шифровка от полковника Гоциридзе, товарищ генерал.

Гурьянов молча взял протянутую ему бумажку, прочитал, положил на стол перед начальником политотдела.

— Хорошо, идите, — сказал он дежурному.

«На участке полка, — радировал Гоциридзе, — замечены танки противника в количестве до тридцати единиц. Основной удар направлен на стык семнадцатой механизированной бригады с левым соседом. Принял решение вступить в бой всеми наличными силами...».

— Наличными силами, — горько усмехнулся Соловейчик, откладывая бумажку. — Вы знаете, каковы эти силы? Одиннадцать машин вместе с танком командира полка. Остальные — или оставлены под Замолью или на ПТРБ¹ в Ловашберени...

Помолчав, Гурьянов подошел к низенькому окошку, завешенному одеялом, наклонил голову, прислушиваясь, и ему показалось, что сюда сквозь ветер и ночь уже доносится грохот начавшегося боя.

— И мне совершенно нечем Гоциридзе помочь, — вдруг очень тихо дрогнувшим голосом сказал он. — Резервов больше нет, ни одной пушки.

★ ★ ★

Холмистый горизонт, поминутно озаряемый мертвенным, холодным сиянием ракет, лихо взлетающих в ночное небо, гремел автоматнo-пулеметной перестрелкой, приглушенными взрывами гранат и снарядов. Пехота вела бой с противником уже пятнадцать минут, и полковник Гоциридзе, молча глядя вперед из открытого башенного люка своей «тридцатьчетверки», старался предугадать, как сложится обстановка дальше.

Немцы снова, как и все эти дни, бросили вперед группу танков. Гоциридзе даже знал, сколько их. «Тигров» было тридцать два — так, по крайней мере, сообщил ему командир того стрелкового батальона, который вот уже четверть часа выдерживает их натиск в четырех километрах отсюда, у дороги с господского двора Тюкреш на Киш-Веленце. И если танки прорвутся...

В распоряжении Гоциридзе на этом участке было всего четыре машины — Мазникова, Овчарова, Снегиря и его самого — «тридцатьчетверка»

¹ ПТРБ — полевая танкоремонтная база.

командира полка. Вступать в бой? Пусть прорвутся даже двадцать «тигров» — и то на экипаж придется по пять машин врага. Отходить? Он не допускал даже мысли об этом. Значит, что? Значит, надо найти такое решение, чтобы победить и понести наименьшие потери...

Вглядываясь вперед и настороженно прислушиваясь, он уловил, наконец, гул танковых моторов. «Итак, прорвались, — сказал он сам себе. — Прорвались и идут на меня».

Грохот на переднем крае медленно угасал. А «тигры», невидимые во тьме беззвездной ночи, не стреляя, шли вперед.

Гоциридзе представил себе, как медленно, словно высматривая добычу, ползут по черному снегу немецкие танки, ползут прямо сюда, на одинокие домики господского двора Сарваш, и постарался по шуму моторов определить, сколько их.

Экипажи «тридцатьчетверок» молчали. Они ждали команды — любой команды, чтобы не переспрашивая, выполнить ее.

Захлопнув люк, командир полка включил внутреннее освещение и повернул рукоятку рации. Башенный стрелок смотрел на него немигающими, ждущими глазами.

— Говорит пятый, — негромко сказал в микрофон Гоциридзе. — Говорит пятый... Огня не открывать. С места не двигаться. Противника пропустить. Ждать моей команды...

Он отключился, не дожидаясь ответа, и чуть-чуть улыбнулся, представив себе, как, услышав его приказание «противника пропустить», пожал плечами капитан Мазников, удивленно замигал золотоволосый красавчик-Снегирь и, наверное, злобно сплюнул Овчаров. «Да, — подумал Гоциридзе, — действительно, командир девятого танкового полка еще ни разу не отдавал такого приказа».

В перископ почти ничего нельзя было разглядеть. Полковник снова приподнял крышку люка. В боевое отделение танка хлынул морозный воздух. Запахло старой соломой, которой экипаж еще днем замаскировал свою машину.

«Тигры» были недалеко, и теперь Гоциридзе смог уже разглядеть их черные, неторопливо ползущие вперед силуэты. Противник не стрелял — значит, он ничего не видел. «Хорошо, очень хорошо!»

Один немецкий танк, повалив низенький заборчик возле соседнего дома, прогромыхал метрах в пятидесяти от машины командира полка. На башне «тигра» был хорошо виден обведенный белым крест и опознавательный знак «Тотенкопфа». Гоциридзе затаил дыхание, проводил противника заблестевшим от ненависти взглядом и стал ждать.

По следу первого, так же медленно, на малом газу, прошли еще три «тигра». «Это только здесь... А всего? Пятнадцать? Двадцать? Двадцать пять? И все крадутся... все крадутся в тылы бригады! Ах, стратеги! Вы хитрые — я тоже хитрый. Даже очень хитрый!».

Гоциридзе закрыл люк и снова подключился к рации.

— Говорит пятый, говорит пятый, — очень тихо начал он, словно опасаясь, что его услышат немецкие танкисты. — Приказываю: пропустить последнюю машину противника. Развернуться. Дать полный свет. Бить по люкам, по гусеницам. Следить за мной.

В этом был его замысел.

— Понял, — коротко ответил Мазников.

— Есть, — сказал Овчаров.

— Есть, — повторил вслед за ним Снегирь.

Минуту спустя командир полка передал по ТПУ¹ своему механику:

¹ ТПУ — танко-переговорное устройство.

— Заводи...

«Тридцатьчетверка» взревела мотором, стряхнув с себя солому, развернулась и кинулась вслед прошедшим вперед «тиграм». Такой же неслучайный маневр проделали остальные экипажи.

Полковник опять приоткрыл люк башни, выглянул наружу. Шум мотора и лязг гусениц не позволял ничего расслышать. Все вокруг скрывала тьма ночи. Лишь едва-едва серели во мгле крыши домиков.

Сев на место, Гоциридзе прильнул правым глазом к окуляру оптического прицела и громко крикнул в микрофон:

— Свет!..

Одновременно это был и приказ открыть огонь.

Голубоватые, сильные, как у прожекторов, лучи танковых фар рассекли черноту безлунной январской ночи, обнажив метрах в двухстах впереди немецкие танки. Ничего не подозревая, «тигры» медленно перебирали гусеницами по прежнему курсу. В свете фар они несколько секунд шли по инерции и вдруг заметались, пытаясь разворачиваться, пробуя увильнуть из полосы света во тьму.

Выстрел чьей-то пушки опередил выстрел Гоциридзе, уже нащупавшего ногой педаль. Синевато-желтый блеск подкалиберного снаряда брызнул у кормы «тигра», шедшего вторым справа. «Овчаров бьет. С первого выстрела. Молодец, дорогой!» — подумал командир полка, нажимая педаль автоспуска пушки.

«Тридцатьчетверка» вздрогнула. В дымном освещении башни сверкнула стреляная гильза. Сладко запахло порохом...

Неожиданность, на которую и рассчитывал Гоциридзе, себя оправдала. Пока противник разобрался в обстановке, пока «тигры» развернулись (а разворачиваясь, они неизбежно подставляли свои борты под снаряды «тридцатьчетверок»), четыре машины уже полыхали на снегу, озаря холмистое поле вокруг себя багрово-оранжевым колеблющимся светом. Но уже через четверть часа немцы оправились и бросились против «тридцатьчетверок».

— Свет гасить! — скомандовал по радио Гоциридзе.

Теперь начинался самый обычный танковый бой, в котором четырем экипажам прославленной гвардейской «Девятки» нужно было выстоять против тринадцати «тигров».

Командир полка нащупал рукой микрофон и, не отрываясь от приборов наблюдения, предупредил:

— Не увлекаться... Смотреть за соседом. Помогать соседу. Все.

* * *

Удар с тыла был для танков противника полнейшей неожиданностью. Враг не имел никакого представления о силах тех, кто нанес этот удар. Но четырех машин, объятых мечущимся во тьме ночи пламенем, было достаточно, чтобы танковая группа немцев стала оттягиваться.

Первым этот маневр заметил Овчаров и немедленно доложил по радио Гоциридзе.

— Преследовать! — одним словом ответил тот.

Его услышал не только Овчаров — все четыре машины кинулись в погоню.

Ночь гремела от выстрелов и лязга гусениц, сверкала вспышками вылетающего из стволов пламени. Было трудно разобрать, где свои, где чужие.

«Следить за соседом. Помогать соседу», — вспомнил Овчаров.

— Коля! Снегирь!.. Как ты?

— Порядок!

— Мазников!..

— Смотри налево, — отозвался командир роты, — налево **смотри!**

Эх!..

Тяжкий, оглушающий удар сотряс машину Овчарова: предупреждение Мазникова опоздало.

«Куда? — сразу спросил себя лейтенант. — Лишь бы не в гусеницу».

«Тридцатьчетверка», судорожно дернувшись, продолжала идти, и это успокоило его. Но она шла теперь как-то странно: виляя то на правый, то на левый борт.

— Бурлак! — позвал командир машины.

В наушниках потрескивала тишина.

— В чем дело, Бурлак? — снова спросил Овчаров.

— Глаза, — сдавленным голосом ответил механик. — В люк попал, сволочь... Н-не вижу...

Овчаров сразу понял все: бронебойный снаряд «тигра» ударил в лоб машины, попал в люк механика, и брызги раскаленного металла ослепили его.

— Стой!

— З-зачем? — прохрипел Бурлак.

— Поднимайся сюда... Я сяду...

— Не к чему!..

— «Тигр» слева! — крикнул командир орудия Лопатин, досылая снаряд и запирая пушку.

Овчаров нажал кнопку. Башня вместе с орудием стала разворачиваться влево.

«Тигр» уходил, отстреливаясь. В рыжих отсветах пламени чьей-то горящей машины Овчаров увидел его тяжелую приземистую громадину, летящий из выхлопных труб дымок и длинный ствол орудия, сверкнувшего в этот миг языками пламени.

Командир танка зажмурился, словно ожидая удара. Машину качнуло. Болванка скользнула по башне и рикошетом ушла в черноту ночи.

Еле видимый в дыму отработанных газов, «тигр» продолжал качаться в панораме прицела. Овчаров чуть повернул рукоятку горизонтальной наводки и надавил педаль. Пушка выстрелила. Над кормой немецкого танка, у самого основания башни, сверкнули термитные искры.

«Хор-р-рошо! Башню наверняка заклинило... Не упускать! Добить», — прошептал Овчаров, выправляя наводку.

В наушниках зашумело, послышался голос Бурлака:

— Товарищ гвардии лейтенант... Вы приказывайте... Куда вести, приказывайте... Я как-нибудь. Только говорите, куда: направо, налево... Я их!..

Овчаров стиснул зубы: ослепший механик не бросал рычагов управления! Он глотнул подступивший к горлу комок, секунду подождал, боясь, что голос выдаст его волнение, потом тихо сказал:

— Давай вперед, Сережа... Вперед.

С полным светом преследуя подбитого, но еще способного двигаться «тигра», Овчаров не видел ничего, кроме тускло поблескивающих, мелькающих звеньев его гусениц и безжизненно свернутой пушки. «Значит, действительно, заклинило... Стрелять по мне он не может...»

— Готово! — доложил Лопатин.

Лейтенант — уже в который раз за эту ночь! — нажал педаль.

Звук выстрела слился со скрежетом и грохотом на левом борту. Овчарова швырнуло к стене башни, в глазах на мгновение потемнело. «Угодил, сволочь! Подкараулил... Другой какой-то...».

Нужно было развернуться, чтобы убрать из-под огня борт.

— Налево, Сережа...

— Есть, — глухо ответил Бурлак.

Он сбросил газ, машину стало заносить правым бортом, и в ту же секунду её потряс новый разрыв снаряда. «Тридцатьчетверка» замерла. Погасло внутреннее освещение. Зазвенев, покатались куда-то стреляные гильзы.

— Точка, — тихо проговорил во тьме командир орудия. — По правому ведущему...

— Точка! — злобно передразнил его Овчаров и позвал: — Бурлак! Сережа...

Механик не отвечал.

— Дай фонарь! — лейтенант нащупал поданный Лопатиным карманный электрический фонарик и скользнул со своего сиденья вниз. Посветив, он увидел Бурлака. Механик-водитель был неподвижен. Всем телом навалившись на рычаги, он, казалось, и в последние мгновения жизни все еще пытался вести подбитую «тридцатьчетверку». Его промасленная ватная куртка дымилась.

Овчаров погасил фонарик и сунул его в карман. Потом на ощупь взял отяжелевшее, безжизненное тело Бурлака под мышки и осторожно перетащил на свободное место стрелка-радиста, раненного еще под Замолью.

Надо было попробовать завести мотор: может быть, гусеницы целы. Тогда, возможно, удастся убрать машину из-под огня.

Он нажал стартер. Послышался сдавленный, напряженный рокот — и только.

«Еще раз!» — упрямо сказал себе Овчаров.

Над головой грохнуло. Казалось, что танк зашатался от этого тяжелого удара.

«В башню! Целит в башню...»

Мотор не заводился. Стартер стонал, хрипел, задыхался, клокотал — и был бессилён. «Тридцатьчетверка» больше не могла двигаться.

Сойдя с места механика, Овчаров достал фонарик и, освещая себе путь, полез обратно — в башню: там было орудие, которое, наверное, могло еще стрелять.

Внутри танка просачивался дым. Лейтенант вытер со лба липкие струйки пота, закашлялся, и его протянутая вперед рука наткнулась на голенище кирзового сапога. Нога, обутая в этот сапог, не отдернулась, не пошевелилась.

«Неужели и Лопатин?»

Овчарову стало страшно: теперь он один оставался в неподвижной машине. Один с двумя убитыми товарищами.

Снаряд, разорвавшийся несколько минут назад, когда лейтенант второй раз пытался завести стартером двигатель, сорвал крышку люка. Были разбиты прицел и смотровые приборы. Овчаров подключился к радиации — в наушниках звенела холодная, непроницаемая тишина.

«Теперь, кажется, действительно, точка!» — устало сказал он сам себе и почувствовал на щеках обжигающие капли слез: он не мог даже стрелять, хотя пушка была цела и в боеукладке — он твердо знал это — еще не кончились снаряды.

«Вынести ребят — и уходить».

Но командир танка успел только подумать об этом. Опять по машине ударил снаряд. Брызнуло по сторонам ослепительное синее пламя, и в тот же миг на все вокруг обрушилась тяжелая тишина...

Очнулся Овчаров, сам не зная от чего: то ли от душной жары, нака-

лившей стенку башни, то ли от боли, которая, казалось, разламывала все тело. Левое плечо жгло, ноги не слушались, голова отяжелела, а перед закрытыми глазами металась желтые, синие, розовые, зеленые, белые расплывчатые пятна. Они бесшумно гонялись друг за другом, выписывали зигзаги, кружились, мелькали, как тарелки в руках невидимого жонглера. И, словно сопровождая их дикую пляску, откуда-то издали струилась тихая-тихая призрачная музыка, слушая которую, не хотелось даже думать...

Но он превозмог забыть, медленно открыл глаза. Над головой, в черной дыре люка, сквозь клочья низких, рваных облаков трепетно поблескивала одинокая звездочка. Где-то далеко слышалась стрельба. Где-то рокотал мотор танка. Где-то глухо и раскатисто рвались снаряды.

Пламя, метавшееся по запасным бакам с горючим и жадно съедавшее краску, которой была покрыта сталь башни и надкрылков, Овчаров увидел потом, когда, стиснув зубы, волоча тяжелую, словно не свою ногу, ему удалось чуть-чуть высунуться из люка и хлебнуть морозного воздуха.

Танк горел.

«А я не хочу! А я не хочу гореть! — прохрипел Овчаров, цепляясь окровавленными руками за вырез люка. — Я еще живой... Я еще...»

Грязный, мокрый от пота, без шлема, с растрепанными волосами он вылезал из башни, окруженной со всех сторон огнем. Наконец, застонав от боли, он вывалился из люка на узкую горячую ленту надкрылка. Кобура с пистолетом глухо ударилась о металл.

«Еще... Вниз... В снег...»

Сжавшись, чувствуя, что вот-вот вспыхнет на нем промасленный комбинезон, Овчаров перевернулся на правый бок и полетел вниз — в исполосованный гусеницами снег.

Здесь он отдохнул, зачерпнул горсть грязной холодной кашицы, сунул в рот и пополз от машины, оставляя за собой черный прерывистый след.

Неподалеку, метрах в ста от него горела еще одна «тридцатьчетверка», Пламя спокойно и деловито лизало сталь башни, прыгало по решеткам жалюзи над мотором. Люки машины были закрыты, ствол пушки — свернут в сторону.

«Кто? — уставившись в этот пылающий костер широко открытыми, отражающими блеск огня глазами, спросил себя Овчаров. — Кто? Мазников? Снегирь... Или... Или полковник?»

Он прополз еще несколько метров в надежде разглядеть на башне номер. Но пламя уже сожрало краску, и танк был похож на раскаленную глыбу металла.

«Кто?» — хотел крикнуть Овчаров во весь голос, но только пошевелил черными, спекшимися губами и, замотав головой от бессилья и боли, уткнулся лицом в снег.

Через минуту он пришел в себя и, тяжело дыша, пополз в ту сторону, где слышалась автоматная стрельба.

* * *

Соловейчик вернулся в Мартон-Вашар, в штаб корпуса, перед рассветом и пошел прямо к Гурьянову. Но генерала не было.

— Поехал к ремонтникам, товарищ гвардии полковник, — доложил начальнику политотдела оперативный дежурный. — Вместе с зампотехом...

— Давно?

— Выехали в два пятьдесят...

— Как появится, позвони мне.

— Есть!

В домике политотдела было пусто и холодно. Заместитель начальника и инструктора разъехались по частям. Часовой с автоматом на груди, скучая, ходил вдоль длинного, тускло освещенного одной-единственной свечкой коридора.

Маленькая комнатка, которую все политотдельцы торжественно именовали «кабинетом начальника», находилась в самом конце здания. Здесь было потеплее и поуютней. Топилась круглая железная печка, какие бывают обычно в теплушках, а на столе рядом с полевым телефоном стояла небольшая керосиновая лампа.

Соловейчик подошел к печурке, вытянул над раскаленным, малинового цвета железом замерзшие руки, прислушался. Где-то далеко, за окнами политотдельского домика, не умолкая, погромыхивало. Было похоже на ночную артиллерийскую дуэль.

Но не об этом думал сейчас начальник политотдела — перед его взором все еще стояла узкая медсанбатовская койка и на ней — весь в белом, весь перебинтованный, так, что были видны лишь густые подпаленные брови и закрытые глаза — полковник Гоциридзе, гвардии полковник Шалва Михайлович Гоциридзе, командир девятого танкового полка.

— Я не могу вас ничем обнадежить, — хмуро сказал Соловейчику Стрижанский. — Обожжено более сорока процентов всей поверхности кожи... Третьи сутки без сознания. Делаем, что можем... И многое сейчас зависит от его организма...

— А если эвакуировать в тыл?

— Мы тоже применяем самые новейшие средства и способы лечения, — сухо и чуть обиженно ответил командир медсанбата. — А транспортировка может ему только повредить.

Спустя минуту они оба вышли из палаты, в которой Гоциридзе лежал один, и молча спустились на нижний этаж медсанбатовского здания. Соловейчик оделся, пожал Стрижанскому руку и только тогда негромко проговорил:

— Генерал очень надеется на вас... Что мне ему передать?

— Мы будем стараться... Но многое, повторяю, зависит от его организма.

«Худенький он, маленький какой-то, — вспоминая эти слова Стрижанского, думал о Гоциридзе начальник политотдела. — Не выдержит... Нет, не выдержит!».

Он пододвинул к печке табуретку и, распахнув дверцу, помешал догорающие дрова кривой кочережкой, сделанной из куска толстой проволоки. Пламя на мгновение вспыхнуло ярче, затрещали искры. «Под Кировоградом сгорел майор Ромашко... Так же, как Гоциридзе. Протянул одиннадцать дней, стал поправляться. А на двенадцатый...»

Настойчивый длинный гудок телефонного зуммера прервал его воспоминания. Захлопнув дверцу печки, Соловейчик поднялся, подошел к столу, взял трубку.

— Товарищ двадцатый? — спросил чей-то незнакомый голос.

— Кого вам нужно?

— Двадцатого...

«Ах, ведь это же я — двадцатый! — спохватился начальник политотдела. — Вчера с утра заменили шифр».

— Да, да, — он присел на край стола: — Двадцатый слушает...

— Товарищ двадцатый, докладывает дежурный... Восемнадцатый прибыл... Вы приказали доложить...

— А-а! Спасибо, голубчик, спасибо!.. Иду.

— Были в медсанбате, Николай Филиппович? — спросил в первую очередь Гурьянов.

— Был. Приехал полчаса назад.

— Ну?

— Худо, товарищ генерал...

— Что говорит Стрижанский?

— Применяет все новейшие способы лечения... — Соловейчик повторил слова командира медсанбата: — И многое сейчас зависит от организма самого Гоциридзе...

— Э-э! — Гурьянов махнул рукой. — Врачи всегда так говорят... — Он пристально посмотрел на полковника своими светлыми глазами и пошевелил пальцами левой руки: — Самый лучший способ — это не забывать, что ты командир полка, и не лезть в пекло... Геройство, слава — красиво, конечно! А кто мне теперь заменит Гоциридзе? Кто? Заместитель? Он ему и в подметки не годится... Хватка не та и ум не тот, хоть и подполковник... — Генерал стал говорить уже мягче: — Я думаю, вы не будете возражать, что я представил Шалву Михайловича ко второй Золотой Звезде.

— Разумеется...

— Но другим приказал не лезть, очертя голову, куда не следует. И вам тоже нужно это учесть... Вы любите.

Начальник политотдела сел на диван и спокойно заговорил:

— Я вспомнил сейчас один случай, Иван Никитич. Дело было на Северном Донце, под Голой Долиной... Вы, наверно, знаете эти места?..

— Ну, ну?

— Там один мой знакомый, генерал, взял У-2 и полетел на нем уточнить передний край. Немцы подбили самолет, он кое-как спланировал и сел в лесу на деревья, к счастью, на нашей стороне... Генерал крепко ушибся, вывихнул ногу, и корпус, кажется, недели на две остался без командира...

Слушая, Гурьянов ходил по комнате и, когда полковник закончил, примирительно улыбнулся:

— Ну и что ж — тогда я получил выговор от командующего фронтом... Личный выговор, не в приказе.

Соловейчик встал:

— От дальнейших разъяснений я воздерживаюсь. — Он взял генерала за локоть: — Это, как говорится, к слову пришлось... Извините... Я хотел рассказать вам о другом, Иван Никитич: части наши очень потрепаны. Я вечером, до поездки в медсанбат, побывал кое-где...

— Знаю, что потрепаны... Нам осталось продержаться сутки — ну самое большее — двое суток... И нас заменят.

— Кто?

— Из резерва ставки идет танковый корпус Алабина. Помнишь, под Тацинской командовал у нас бригадой?..

— Припоминаю... Когда он будет здесь?

— К исходу двадцать шестого. Осталось менее одних суток.

— Одни сутки — тоже немалый срок.

— Будем отбиваться, Николай Филиппович. Всеми силами. Сегодня ночью ПТРБ отремонтировала одиннадцать танков... Артмастерские восстанавливают орудия и минометы. Снаряды и патроны пока есть.

★ ★ ★

Атаки противника продолжались весь день, и наиболее тяжело было бригаде полковника Мазникова, оборонявшей Каполнаш-Ниек — ключ к

магистральному шоссе от озера Веленце на Будапешт. Гурьянов перебрал сюда весь свой противотанковый резерв, добился от командующего армией поддержки полка штурмовой авиации и, чтобы как-то отвлечь противника, даже бросил в контратаку на левом фланге два усиленных танковых батальона.

Часа в три дня, когда генерал вместе с командиром бригады стоял на его наблюдательном пункте, создалось впечатление, что немцы выдохлись. Их танки и пехота оттянулись на исходные рубежи, но артиллерийский и минометный обстрел переднего края усилился. По всему Каполнаш-Ниеку, затянутому дымом пожаров, бушевал огонь. Снаряды рвались на ведущих в тыл дорогах, стали нащупывать расположение батарей, долетали сюда, в район наблюдательного пункта.

Несмолкаемая канонада, слившаяся в один тяжелый, грозный грохот, продолжалась час сорок минут. Гурьянов с нескрываемой тревогой поглядывал на часы, и вскоре для него стал проясняться тактический, вернее, психологический замысел противника: непрерывным, сокрушающим огнем сломить волю тех, кто стоял в обороне, подавить их дух, свести с ума, а потом — уничтожить или — в крайнем случае, — расстреливая из танков, погнать перед собой к Будапешту.

— Вы были в батальонах, Иван Трофимович? — медленно поворачивая стереотрубу, спросил командир корпуса.

— На рассвете прошел всю оборону, товарищ генерал.

— Она интересуется меня в инженерном отношении... Такой обстрел...

— Ночью батальоны окапывались.

— Какие вы предполагаете потери?

— Только от прямых попаданий.

«Еще семь, восемь... наконец, десять часов — не больше. Но их нужно продержаться... Обязательно продержаться!»

Думая об этом, Гурьянов продолжал наблюдать за передним краем. Но низкое, слоистое облако дыма, почти неподвижно висевшее над Каполнаш-Ниеком, закрывало большую часть горизонта и все возможные направления атак противника.

Из соседнего излома траншеи, где стояла радиостанция и телефоны, слышались монотонные голоса связистов, и генерал, не отрывавшийся от стереотрубы, не заметил, как появился в окопе Кравчук. «От него и сейчас пахнет духами, — невольно отметил Мазников. — Ну — молодец!»

В упор глядя на командира бригады, начальник штаба негромко сказал:

— На участке Талащенко появились танки...

— Где танки? — обернулся Гурьянов.

— На участке первого батальона, товарищ генерал... Юго-западная окраина Каполнаш-Ниека.

— И сколько?

— Командир батальона докладывает: четырнадцать.

— А пехота?

— Десант на бронетранспортерах.

— Направление движения?

— Со стороны Киш-Веленце...

— Артдивизиону — перекрыть дорогу огнем, — быстро сказал Мазников. — То же самое — приданному двести шестнадцатому полку... Поставить НЗО¹.

Гурьянов шагнул к траншее и взял Кравчука за локоть:

¹ НЗО — неподвижный заградительный огонь.

— Немедленно свяжите меня со штаком... Вызывайте представителя ВВС фронта.

Полковник Мазников остался в окопе один. Высокий, он мог легко посмотреть прямо через бруствер.

Грохот, доносившийся с переднего края, стал реже, и в нем отчетливо слышались сдавленные хлопки танковых пушек. Пулеметы били только на левом фланге. А еще левее, где между полотном железной дороги, ответвлявшейся на господский двор Гроф, и проселком стояли в посадке несколько машин девятого полка, было совсем тихо.

Наклонившись к стереотрубе, командир бригады развернул ее влево, пытаясь отыскать то место, где должна была находиться сейчас «тридцатьчетверка» Виктора — его сына. Но разглядеть ему ничего не удалось: над полем, над еле заметной темной полосочкой придорожной посадки дрожал серебристо-серый морозный туман...

В семнадцать часов тридцать минут майор Талашенко доложил по радио, что на участке его батальона противник, оставив семь подбитых и подожженных танков, прекратил атаку. Некоторое время спустя об этом же сообщили и командиры других подразделений, хотя исход боя был уже ясен и без того: на переднем крае как-то сразу и внезапно все стихло. Лишь изредка у самой земли рассекала медленно синеющие сумерки розовая трасса запоздалой пулеметной очереди, да справа продолжали бить по отходящим немцам наши «катюши».

Дым и туман заволокли горизонт. В центре Каполнаш-Ниека что-то горело, и даже отсюда были хорошо видны багрово-черные, трепещущие космы огня.

Встав на пустой ящик, Гурьянов долго смотрел вперед — туда, где всего четверть часа назад еще шел бой, потом обернулся к Мазникову и негромко, каким-то странно звучащим, сдавленным голосом сказал:

— Когда нас отведут, я прикажу вам, полковник, построить вашу бригаду и поклонюсь ей в ноги...

Через десять минут он уехал, и пока его бронетранспортер по снежной целине пробирался к шоссе, совсем стемнело. Навстречу машине ко-со летел редкий снежок, по полю гулял ветер, и генерал, подняв воротник бекеши, почему-то долго не мог согреться.

Проехали Барачку. Дорога на Мартон-Вашар круто поднималась в гору. Бронетранспортер, преодолевая подъем, пошел медленнее, и Гурьянов, равнодушно глядевший перед собой, вдруг далеко впереди, на гребне высоты, через которую переваливало шоссе, увидел темный силуэт танка. «Наверное, из ремонта», — спокойно подумал он. Но за этой первой машиной появилась вторая, потом — третья.

Бронетранспортер, пропуская встречные «тридцатьчетверки», прижался к правой бровке шоссе и сбавил скорость. Теперь генерал мог хорошо разглядеть черные номера на белых башнях танков. И эти номера были ему незнакомы.

Командир корпуса даже привстал на сиденье. «Неужели алабинские? Не может быть... Рано».

— Стой! — сказал он водителю и позвал адъютанта: — Ибрагимов! Узнайте, какая это часть и где командир.

Шофер притормозил. Адъютант выскочил из машины, побежал вперед и, став посредине шоссе, поднял руку. Другой рукой он несколько раз зажег и погасил электрический фонарик, прикрепленный к пуговице шинели.

«Тридцатьчетверка», осторожно спускавшаяся под уклон, остано-

лась. Приподнялась крышка башенного люка, и Ибрагимов увидел голову и плечи танкиста.

— Чьи танки, начальник?

— А в чем дело? — вопросом на вопрос ответил танкист.

— Я адъютант генерал-лейтенанта Гурьянова, — пояснил Ибрагимов.

Танкист смягчился:

— А-а! Слышали о таком. А мы — из хозяйства Алабина. ГПЗ¹.

Чуешь?

— Ясно. Где ваш начальник?

— Дальше идет. Сзади.

— Спасибо, начальник.

— Будь здоров! — ответил танкист, захлопывая люк.

«Тридцатьчетверка» медленно тронулась.

«Значит, прибыл раньше... Молодец Алеша, молодец! Выручил», — сказал себе Гурьянов, выслушав доклад адъютанта, и приказал ехать дальше.

Танки шли навстречу до самого Мартон-Вашара — новенькие, в белой маскировочной окраске. В ушах генерала все время стоял железный лязг их гусениц и рев моторов. Но сейчас это не раздражало, а, наоборот, радовало его.

Ободренный и повеселевший, очень легко для своих сорока девяти лет, он вошел в штаб, быстрым шагом миновал длинный коридор и распахнул дверь кабинета.

У стола, разглядывая что-то на карте, стояли Заславский и молодой черноволосый генерал. Гурьянов сразу узнал в нем Алешу Алабина — бывшего командира семнадцатой мехбригады, отчаянного и умного человека, в тридцать три года ставшего генерал-майором и командиром танкового корпуса.

Алабин щелкнул каблуками и вытянулся, но улыбки сдержать не мог.

— Ну, здравствуй, Алексей... Михайлович, — сказал командир корпуса, протягивая ему руку. — Значит, прибыл?

— Переправились в Эрде и вот, как видите...

— Спасибо... А нам тут, ох, как плохо было.

— Теперь положение выправится, — снова улыбнулся Алабин. — За нами еще и пехота идет.

Гурьянов, как мальчишка, хлопнул его по плечу:

— Дашь, значит? Видел я твоих молодцов!..

— Дам! — очень серьезно ответил Алабин. — Здорово дам, Иван Никитич. Сегодня же ночью, часа в четыре... Пройду ваши боевые порядки и — пока не прикажут остановиться.

* * *

Через двое суток, двадцать девятого января, в «Известиях будапештского котла» появились весьма примечательные строки:

«Зачастую распространяемые вражескими агентами или радиостанциями на первый взгляд благоприятные, но все же неверные сообщения вызвали чрезмерно оптимистическую оценку положения.

Естественно, что, когда через некоторое время узнаешь истинное положение вещей, настроение впадает в противоположную крайность. Именно на этом и спекулирует враг. В нынешних обстоятельствах каж-

¹ ГПЗ — головная походная застава.

дый должен удовлетворяться пока тем, что крупные силы, которые должны нас освободить, ведут ожесточенные бои как между озером Веленце и Будапештом, так и между Естергомом и Будапештом. Прорыв этих сил извне задержан по тактическим соображениям...»

* * *

Гоциридзе выжил.

Главный хирург медсанбата Саркисов, Стрижанский, да и все, кто видел полковника десять дней назад, когда его привезли с передовой, очень мало надеялись на это. Но теперь они убедились, сколько силы и воли к жизни было в этом невысоком, худощавом и тщедушном на вид человеке. Перевязки и все другие медицинские процедуры он переносил покорно и молча — только иногда бледнел и закрывал глаза, с аппетитом ел, а на пятые сутки попросил, чтобы ему почитали газету.

Опасность миновала, и однажды перед вечером, на одиннадцатый день лечения, Стрижанский объявил полковнику, что его решено отправить в стационарный тыловой госпиталь.

— Значит, в тираж? — грустно улыбнулся Гоциридзе.

Он лежал на койке неподвижно, весь перебинтованный. Свободной от тугих белых повязок оставалась только его голова с короткими, обгоревшими седыми волосами и глазами — темными и задумчивыми, полными какого-то внутреннего огня.

Стрижанский пожал плечами:

— Трудно сказать...

— Не надо меня обманывать, дорогой доктор! — Гоциридзе, не мигая, смотрел на него, и в этом взгляде нельзя было не почувствовать укора: — Я не юноша, мне не двадцать лет, и я, дорогой доктор, ко всему приготовился... Скажите честно: меня еще поставят на ноги?

— Но, к сожалению, не для армии, — помолчав, ответил Стрижанский.

Полковник медленно отвернулся к стене:

— Плохо, дорогой доктор... Она без меня обойдется... Но как же я? — словно боясь, что не сдержится и заплачет, он закрыл глаза и заметался по жесткой ватной подушке. — А как же я? Ведь пятнадцать лет!..

— Шалва Михайлович, — склонился над ним командир медсанбата: — Я вас не узнаю...

Гоциридзе затих, и когда Стрижанский, поправив ему подушку и одеяло, хотел было идти, спокойно спросил:

— Когда отправляете?

— Завтра. Самолетом.

— Хорошо, дорогой... Спасибо.

В самом конце коридора, у дверей перевязочной, командира медсанбата догнала запыхавшаяся и встревоженная Никитина — операционная сестра:

— Товарищ подполковник!..

Стрижанский остановился:

— Что с вами, Нина Сергеевна?

— Звонил генерал... А я трубку взяла...

— Какой генерал? — мягко улыбнулся командир медсанбата.

— Гурьянов...

— А-а! Ну и что же?

— Спрашивал про Гоциридзе... Я сказала, что утром его эвакуи-

руем... Он разозлился, почему не предупредили его, и сказал, что придет к нам сам...

Гурьянов появился в медсанбате вместе с Соловейчиком часа через полтора, когда уже совсем стемнело. Их встретил Стрижанский, по-уставному доложил и пригласил к себе в кабинет.

— Я вынужден сделать вам замечание, подполковник, — сухо сказал командир корпуса. — Вы решаете эвакуировать в тыл одного из лучших наших офицеров и не ставите меня в известность... Тем более, что вы знали, как я заинтересован судьбой полковника Гоциридзе...

— Мне казалось, что вы заняты...

— Занят я или нет, мне виднее. Ваша обязанность состояла в том, чтобы доложить...

Гурьянов был чем-то раздражен, и Стрижанский, чтобы не сгущать атмосферы, понял, что самое лучшее сейчас — промолчать.

— Проводите нас в палату, — сказал генерал, снимая папаху и нетерпеливо оглядываясь.

— Прошу раздеться и надеть халаты...

— О! — удивился Гурьянов и взглянул на Соловейчика: — Тут, оказывается, по всем правилам, Николай Филиппыч.

Начальник политотдела уже снял с себя бекешу и, расчесывая свои реденькие волосы, только улыбнулся в ответ.

— Нина Сергеевна! — позвал Стрижанский. — Два свежих халата!..

Послышался быстрый и легкий стук каблучков, и через минуту в дверях показалась Никитина.

— Помогите надеть, — сказал ей командир медсанбата.

Никитина подала один халат Соловейчику, с другим подошла к Гурьянову:

— Пожалуйста, товарищ генерал. Нет, нет — вот так... Они завязываются на спине...

— Гм... Спасибо, — генерал смутился и вдруг посмотрел Ниночке в глаза: — Это я, простите, не с вами по телефону разговаривал?..

— Да... Я как раз оказалась рядом...

— Н-нехорошо... Я вам, кажется, чуть-чуть нагрубил... Вы извините, пожалуйста...

Ниночка покраснела:

— Пустяки, товарищ генерал...

— Ну все-таки, все-таки... Неудобно как-то...

Открыв дверь в палату, Гурьянов, Соловейчик и Стрижанский увидели, что у койки Гоциридзе, спиной к двери сидит какой-то человек в синем медсанбатовском халате и негромко напевает на непонятном языке протяжную и грустную песню. Все трое остановились у порога.

Гоциридзе открыл глаза и, заметив генерала, сделал движение, которое было похоже на попытку подняться. Оборвав песню, встал и обернулся к вошедшим человек в синем халате. Он вытянул руки по швам и, казалось, совершенно растерялся.

— Здравствуйте, Шалва Михайлович, — глухо сказал Гурьянов, подходя к койке.

— Здравствуйте, товарищ генерал, — Гоциридзе благодарно улыбнулся и, уловив во взгляде командира корпуса вопрос, пояснил: — Земляка вот встретил, товарищ генерал... Поговорили... Он спел мне...

— Гвардии рядовой Гелашвили, — доложил человек в синем халате.

Командир танкового полка продолжал:

— Он завтра в батальон возвращается, а меня... Вы знаете?

— Да.

Гурьянов сел на стул, с которого минуту назад поднялся Гелашвили, пощупал зачем-то одеяло, осмотрелся. Гоциридзе незаметно кивнул своему земляку, словно говоря: «Иди, дорогой, мы еще увидимся... Мне нужно поговорить». Тот мгновенно понял его и снова вытянулся:

— Разрешите быть свободным, товарищ генерал?

— Да, да — отдыхайте...

Проводив его взглядом до двери, Гурьянов повернулся к бывшему командиру «Девятки»:

— Плохо получается, Шалва...

— Плохо, Иван Никитич, — согласился Гоциридзе. — Совсем плохо...

Соловейчик принес из коридора стул и тоже уселся возле койки.

— Вы оба сгущаете краски, голубчики, — сказал он, поняв смысл их разговора. — Сейчас наша медицина на высоте... Заклеют тебя, Шалва Михайлович, заштопают — так, что от новенького не отличишь.

Гоциридзе невесело усмехнулся и прикрыл глаза:

— У нас, в Грузии, есть поговорка: если посуда треснула, ее лучше разбить. А то она сама разобьется.. Что теперь из меня? Мандарины и лимоны разводить — только на это и гожусь...

— И то — дело, — подхватил Соловейчик. — А мы с Иваном Никитичем войну закончим, сдадим корпус тем, кто помоложе да покрепче, и курортничать к тебе приедем... Цинандали пить...

— В моих краях не цинандали, Николай Филиппович, — поднял веки Гоциридзе: — В моих краях на вино идет виноград «Изабелла»...

— Тоже не возражаю!

— Обязательно приезжайте... Я хорошо вас встречу. Как братьев...

— Спасибо, Шалва Михайлович, спасибо...

В палате стало тихо. Каждый чувствовал, что говорит что-то не то, совсем не то, что нужно, совсем не то, чем переполнено сердце. За окном чуть слышно трещал в отдалении движок, и неяркая электрическая лампочка, висевшая под самым потолком, изредка мигала.

— Как наши? — спросил Гоциридзе: — Наступают?..

— Там, где нас били, другие наступают... Как раз по тем местам...

— Да, мне читали сводку...

— А корпус переброшен в Будапешт. Отдохнули пять дней — и опять за дело.

— Девятый — тоже?

— Твой полк...

«Мой», — вздрогнул Гоциридзе.

— ...Твой полк пока в резерве, Шалва Михайлович... Ждет технику и людей...

Гоциридзе снова закрыл глаза, вытянул вдоль тела обмотанные бинтами руки. Дыхание его стало более частым и тяжелым.

— Полковник устал, товарищ генерал, — склонился к Гурьянову Стрижанский.

Командир корпуса поднялся. Встал со своего стула и Соловейчик. Услышав шорох, бывший командир «Девятки» поднял веки, перевел усталый взгляд с начальника политотдела на генерала:

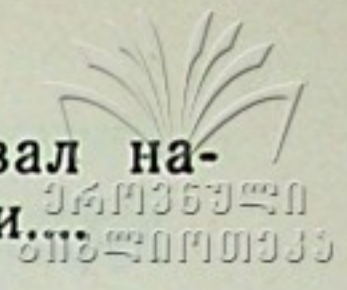
— Уходите?

— Пора, Шалва Михайлович... Да и тебе надо отдохнуть перед дорогой... Ну, — Гурьянов бережно взял руками его небольшую седую голову, с минуту смотрел в, казалось, потускневшие глаза, потом поцеловал в губы. Так же попрощался с Гоциридзе и Соловейчик.

საქართველო
სამხედრო მუზეუმი

Генерал-полковник Леселидзе в освобожденном Новоросси́ске.
С картины худ. С. Надирадзе.

— Поправляйся, голубчик, — достав из кармана платок, сказал начальник политотдела. — Поправляйся и нас не забывай... Пиши.

— Не забуду, дорогие мои... Никогда не забуду...

За окном глухо и протяжно загремело — как отдаленный и многократно повторенный грохот весеннего грома. Гоциридзе встрепенулся и весь напрягся, прислушиваясь.

— Наши?

— Корпусной артполк... Обрабатывает так называемую гору имени Святого Геллерта, — с наигранной бодростью, в которой слишком откровенно сквозила печаль, ответил на его вопрос Соловейчик.

* * *

Ночью Виктор Мазников вывел свою роту в Будапешт — в боевые порядки первого батальона, командир которого — капитан, назвавший себя Бельским, помог ему разобраться в обстановке и указал наиболее удобные, по его мнению, позиции для машин: на перекрестках улиц, под прикрытием каменных зданий.

Центр Буды, ближе к Дунаю, отсвечивал в небо заревами негаснущих пожаров, и с наблюдательного пункта Бельского на третьем этаже углового, выходящего к маленькой пустой площади дома была хорошо видна безмолвно застывшая на черном холме громада королевского дворца — таинственная и настороженная, со дня на день ожидающая штурма. Изредка — то ближе, то дальше от НП — слышалась автоматная перестрелка, с той стороны Дуная, из Пешта, по остававшимся у противника высотам Буды били тяжелые орудия.

— Последние деньки доживает, — глядя на красное и словно колышущееся небо, негромко сказал Бельский. — В бункера уходит, под землю...

Мазников тоже посмотрел на зарево, потом на бесформенный силуэт королевского дворца:

— Контратакует?

— Очень редко. Но цепляется за каждый дом, за каждый подвал... Тут даже авиазавод под землей был, вчера наша третья рота наткнулась... Вернее — мадьяры показали... Электричество, станки, узкоколейка — по последнему слову техники. Мессершмиттовский...

Вернувшись к себе в роту, Виктор приказал Гейченко и Свиридову по очереди дежурить у радиостанции и пристроился в танке, на своем сиденье — подремать. Он уснул сразу и крепко, словно с головой окунулся в удивительный мир тьмы, неподвижности и тишины.

Разбудил его Снегирь. В приоткрытом люке башни серело хмурое рассветное небо. Откуда-то слева, из-за домов, доносилась частая, автоматнo-пулеметная стрельба, опять, как и ночью, на высотах Буды, оглушавшая предутреннюю тишь, рвались снаряды наших батарей, теперь уже бивших по врагу со всех четырех сторон.

— Товарищ гвардии капитан!

Виктор не узнал голоса командира взвода. Слышались в нем и сдерживаемое с трудом волнение, и горечь, и больше всего — сдавленная душевная боль.

— Я... Что такое? В чем дело?

— Овчаров-то... Вот, бачьте... Газета... Только сейчас принесли.

«Овчаров?» — удивился Мазников.

— Какая газета? — спросил он вслух.

— Армейская... Читайте, там все... все написано...

Снегирь просунул в люк чуть надорванную по сгибу газету и перешел в башню сам.

— Лезь, — сказал ему Виктор. — Поместимся... А то какая-нибудь дурная мина...

Они кое-как пристроились на одном сиденье, стараясь не разбудить Кожегулова, который сладко посапывал на казеннике пушки, и Мазников расправил на коленях газету.

— На второй странице, товарищ гвардии капитан...

Виктор перевернул газетный лист, и первое, что он увидел в синем холодном свете занимающегося дня, — небольшой портрет Овчарова — Андрея Овчарова, его командира взвода, пропавшего без вести две недели назад — выюжной январской ночью в районе господского двора Гроф. Над портретом — в одно слово — заголовок статьи: «Верность».

Подвинувшись ближе к люку — так было светлей — Мазников молча начал читать. Какой-то старший лейтенант Д. Бочарников писал:

«Несколько дней назад наши танкисты, стремительно продвигаясь вперед, разгромили штаб немецкой части, оборонявшей подступы к городу С. («Наверно, Секешфехервар», — подумал Виктор). Среди штабных бумаг, брошенных при отступлении противником, мы нашли измятый, окровавленный партбилет № 7112231 на имя Овчарова Андрея Никаноровича и документы, в которых рассказывается о мужестве и героической гибели этого верного патриота Родины.

Вот, что нам удалось установить, когда эти документы были переведены на русский язык.

В ночь с 24 на 25 января командир танкового взвода гвардии лейтенант Овчаров, будучи тяжело раненным, в бессознательном состоянии был взят в плен и доставлен в штаб впоследствии разгромленной нами немецкой части. Здесь, когда он пришел в себя, его стали допрашивать, и, как написано в протоколах, на все вопросы фашистских офицеров у него был только один ответ — молчание. На последнем листе протокола синим карандашом по-немецки написано: «Умер во время девятого допроса. Майор К. Брауншреттер. 28.01.45».

Тела гвардии лейтенанта Овчарова и его могилы мы не нашли, партбилет и другие документы сдали в свой штаб, а маленькую фотокарточку, найденную в обложке партбилета, вместе с этой заметкой посылаем в редакцию. Пусть все наши воины — солдаты, сержанты и офицеры — знают, каким отважным и мужественным бойцом был их фронтовой товарищ лейтенант-коммунист Андрей Никанорович Овчаров, как непоколебимо и свято был верен он военной присяге, своему воинскому долгу перед партией, Родиной и советским народом. Танкисты нашей части в суровых боях с врагом будут всегда помнить своего дорогого товарища Андрея Овчарова, учиться у него мужеству, стойкости и верности и жестоко отомстят врагу за муки и гибель советского офицера».

Строчки заметки прыгали и двоились перед глазами Виктора и за их смутной, дрожащей рябью ему виделось упрямое и всегда суровое лицо Овчарова — живого, порывистого, скупого на слова. Казалось, даже слышался его голос — простуженный, чуть глуховатый. Вспомнилась и ночь на снежной равнине под Грофом. Машина Овчарова, так же, как и машина Гоциридзе, тогда не вернулась — перед самым рассветом их вытащили тягачами эвакуаторы-ремонтники. Андрея в сгоревшем танке не было. «Выскочил, — подумал тогда Мазников, — придет... А если ранен, кто-нибудь подобрал из наших, сообщит». Никому ничего не говоря, он каждый день ждал, что вот придет в штаб из какого-нибудь госпиталя бумажка: «Офицер вашей части гвардии лейтенант Овчаров А. Н. находится на излечении...». Но такой бумажки не было. Вместо нее — вот эта газета с фотографией Овчарова и короткой заметкой о последних днях его жизни...

— Эх, попался бы мне этот Брауншреттер, — тихо сказал Виктор, откинувшись к стене башни и прикрыв глаза: — я бы из него... не знаю, что сделал!.. С землей бы смешал гада!..

Снегирь молча взял у него газету и стал вновь вглядываться в портрет Овчарова, словно все еще не веря в то, что было написано в заметке.

Проснулся от близкого грохота снаряда Кожегулов и, ничего не понимая, недоуменно глядел на обоих офицеров. Снегирь протянул ему газету:

— Вот, читай... И Свиридову с Гейченко передай — пусть тоже прочтут. — Он посмотрел на Мазникова: — Пойду к себе...

— Иди.. Со мной связывайся почаще.

— Есть!

Командир взвода ловко вылез из башни, каблуки его кирзовых сапог громыхнули по листовой стали надкрылка — и опять стало тихо. Лишь далеко впереди танка потрескивала несмолкаемая, то гаснущая, то возникающая с новой силой перестрелка да, пошевеливая губами, негромко читал вслух газету маленький Кожегулов.

Через полчаса в башню постучали. Виктор высунулся из люка и увидел внизу юного, чем-то напоминавшего Снегиря, лейтенанта. Ночью его познакомил с ним капитан Бельский, сказав, что это — командир первой роты Махоркин.

— Привет, товарищ капитан! — улыбаясь, крикнул Махоркин и закинул за спину автомат, прикладом которого он, наверное, и стучал по броне башни.

— Привет! — невесело ответил Мазников.

— Как спалось на новом месте, товарищ капитан?

— Так себе...

— Я по поручению комбата.

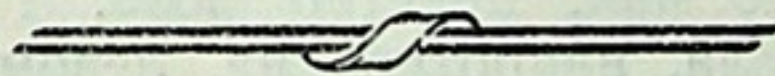
— Слушаю.

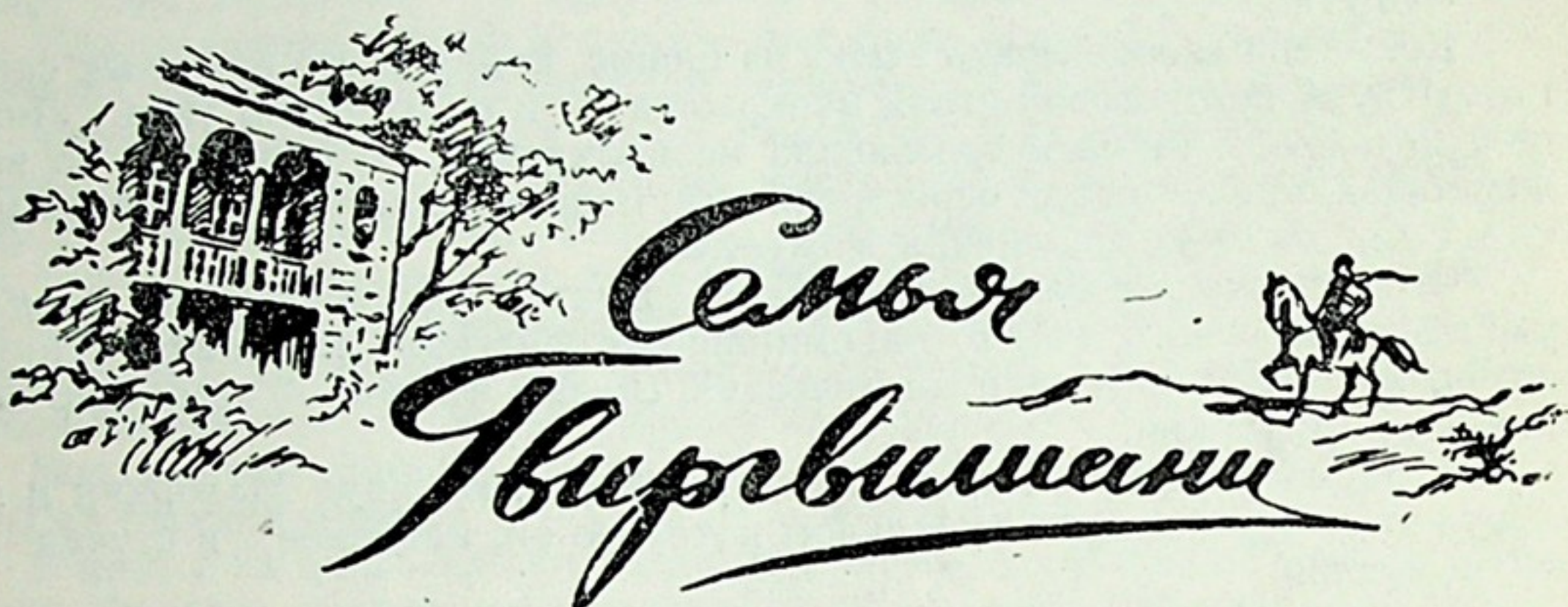
— Хотим мы тут один домик у немцев отбить... Поддержите?

— Как всегда.

— Тогда через полчаса выдвигайтесь, — Махоркин показал рукой в конец улицы. — Вот туда — к площади. Мы вам цели укажем — трассирующими и ракетами... Вы разочка три долбаните.

— Ладно, долбану, — Виктор нахмурился и сказал уже больше самому себе: — Я их сегодня так долбану, что чертям тошно станет!

РОМАН

Перевод с грузинского Н. Чхеидзе

Часть вторая

КУТАИСИ

35

Вамех и Барам стояли на «Джачвис-хиди»¹ — старинном мосту, соединяющем два берега Риони, и молча любовались городом.

Апрель был на исходе, и Кутаиси, говоря словами Акакия Церетели, «вступал в царство мая, царство роз». Гора, увенчанная храмом Баграта, уже зазеленела, напротив, на левом берегу, блистал разубранный по-весеннему холм Мцванэквавила. А внизу река Риони, вырвавшись из теснин, широко разлилась между зелеными берегами и шумно катила свои бурлящие волны...

ПРИТОК

Теперь, Цибедуль, я хочу ввести в свой роман новых людей, и надеюсь, ты не осудишь меня за это.

Некий критик писал мне как-то относительно одного моего произведения: автор вывел в нем столько действующих лиц, что читатель уже не отличает их друг от друга, путает их имена, в силу чего стирается и общее впечатление от книги.

Не мне судить, насколько был прав этот критик. Одно лишь могу

¹ «Джачвис-хиди» — «Цепной мост».

сказать: о том моем романе я получил не мало отзывов от читателей, но ни один из них не жаловался на «путаницу лиц или имен».

Или читатель ласкает самолюбие автора? Щадит его? Может быть...

Но в этот свой роман я, вопреки наставлениям критика, все же ввожу новых героев.

Разрешите мне, Цибедуль?

36.

Когда наши путники вышли на бульвар, Вамех с веселой улыбкой сказал брату:

— Ты видишь: двенадцать часов, и люди высыпали на улицу. Пожаловали и князья с княгинями. И весело же им! Посмотри, как звонко заливаются дамы, как увиваются вокруг них поклонники. А вон там, направо, видишь, — сидят на скамье несколько человек? Знаешь, кто это такие? Это марксисты, «маленькая группа, осуществляющая большие дела», — как назвал их один кутаисский публицист. Их пока еще почти не слышно, но это только проба голоса, за которой грянут раскаты грома.

А вон, напротив губернского управления, сидят и беседуют почтенные дворяне, иные из них — военные, участники былых боев. В этой группе немало приехавших с мест на выборы предводителя дворянства. Видишь вон того смуглого полного офицера, что сидит и попыхивает трубкой? Такому все на свете трын-трава! Он лишь сидит и выжидает, какой из кандидатов в губернские маршалы пригласит его нынче обедать. Он пообещает тому подать за него голос, а завтра или даже сегодня вечером, за ужином, даст такое же тайное обещание другому. Переманить выборщика на свою сторону очень выгодно обоим кандидатам, так как от «колебаний» избирателей, от всей этой предвыборной чехарды зависит и карьера будущих маршалов.

И тут большую роль приобретает осетрина и белуга. Сейчас как раз сезон этой рыбы — ее в изобилии ловят в Палиастомском озере и привозят в город. Ну, а нередко, помимо такого «весьма полезного» обеда, пускается в ход и денежная взятка. Да ты разве не помнишь, что происходит у нас во время выборов в банк?

— Как не помнить! В зале шум, грызня, перебранка, избиратели кричат...

— Ну вот, то же самое происходит и здесь. А взгляни-ка, подле военного собора уже собирается наша интеллигенция. Сейчас еще рано, а попозже, часам к трем, сюда подойдет Кирилл Лордкипанидзе — человек и впрямь весьма достойный — его в Кутаиси называют Аристом. Здесь же скоро появится и писатель Дата Микеладзе. Ты не помнишь его? Он однажды был у нас в Бертеми.

— Так этот Дата — писатель? А я думал, он занят одной охотой. Когда он гостил у нас, то все держал на руке сокола и ходил на перепелов.

— Да, он любит охоту, но при всем том это очень подготовленный человек, интересный собеседник. Споры, которые он ведет с Кириллом Лордкипанидзе по тем или иным вопросам, стоят целой лекции. А вон, видишь, — дамы обступили молодого человека? Красивый такой малый в студенческой форме. Любопытно узнать, о чем он говорит? Давай, подойдем поближе.

Братья размеренным шагом направились к группе молодежи. Дамы жадно слушали приятный голос студента.

Тот говорил странные вещи:

— Это так, сударыни, — жизнь не стоит того, чтобы над ней ломать голову.

Барама покорило, а по лицу Вамеха пробежала ироническая улыбка. Оба медленно прошли мимо группы и снова повернули назад.

Студент продолжал:

— Вот, возьмите хотя бы Шекспира — он говорит в своем Макбете:

«Жизнь — ускользающая тень, фигляр,
Который час кривляется на сцене
И навсегда смолкает, это — повесть,
Рассказанная дураком, где много
И шума и страстей, но смысла нет»

Люди живут, трудятся, наслаждаются, страдают, любят, ненавидят, во что-то верят и разочаровываются. Но для чего, спрашивается? Какова цель, в чем назначение жизни? Ведь без цели ничего не делается на свете. А конец, завершение всякой жизни на земле — смерть. Следовательно, цель, назначение жизни есть смерть.

— Что за дичь порет этот молодой человек! — воскликнул Барам. — Внушает людям и отвращение к жизни и любовь к смерти.

— Рисуеться, дорогой Барам, рисуется. Поглядите, мол, какой я мыслитель. Хоть и ничего оригинального в его словах нет — это идет еще от библейской «суеты-сует», и в Европе тьма писателей проповедуют ту же, с позволения сказать, философию: «Жизнь ничего не стоит, ибо ее подстерегает и настигает смерть».

— Чудно, ей-богу! Ну, дело ли обращаться с такими убийственными словами к дамам? Да еще кому? Молодому человеку.

— Способы ухаживания тоже бывают разные. Этот, видимо, из студентов-академиков.

— Что? Академиков? Полно, не дурачь меня, Вамех! Какой же он академик?

— Да нет, — усмехнулся Вамех, — таких студентов называют академиками потому, что они не принимают участия в студенческом движении, не мешаются в общественные дела. Цель у них одна: окончить университет, получить диплом!

— Ну, значит, тоже не совсем дураки!

— Как сказать! Для себя-то они, конечно, по-своему умны, ибо жаждут составить себе карьеру. Это так называемые белоподкладочники.

— А это что такое?

— Видишь ли, пальто у этих молодых обычно подшито белой подкладкой — отсюда и название. Таких студентов можно встретить у нас, их немало и в России. — Вамех хотел добавить еще что-то, но тут, откуда ни возмись, появились по-весеннему нарядно одетые баронесса и Дагмара. На широких полях их шляп в букетах цветов грациозно покачивались искусственные птички. Женщины были очаровательны, и публика, прогуливавшаяся по бульвару, с восхищением оглядывалась на них.

Барам и Вамех обрадовались встрече.

Баронесса сообщила, что Нектарина со своей свитой и Марина с Беги отправились в контору нотариуса, а сама она с Дагмарой решили прогуляться по бульвару, подышать свежим воздухом.

В этот момент Минадора, заметив группу, окружавшую студента, сказала дочери:

— Ты видишь, здесь княгиня Кекела со своими. А это кто? Не узнаешь его, Дагмара? Это же Хвито, наш дорогой Хвито, — баронесса двинулась к группе, увлекая за собой Дагмару, но вдруг остановилась.

и весело расхохоталась, услышав слова студента: «Я никогда никого не любил. Я любил одну лишь любовь».

— Вы посмотрите, как красуется перед дамами наш Хвито! — и баронесса громко, через аллею, позвала юношу.

Тот извинился перед своими слушательницами и поспешил к баронессе.

— Вы не знакомы? — спросила Минадора братьев Гвиргвилиани. — Константин Хвита, из ваших краев.

— Вы, вероятно, из Зугдиди? — осведомился у юноши Вамех.

— Да, сударь, я из Зугдидского уезда.

Братья еще раз внимательно оглядели Хвита, и Вамеху вспомнился каламбур, сказанный им когда-то относительно другого молодого человека, весьма напоминавшего этого зугдидца: «Осеминаренный француз иль офранцуженный мегрел».

— Его зовут Константином, — снова живо заговорила баронесса. — Но мы переделали его фамилию и называем его просто Хвито, так в наших сказках зовется волшебный камень. И он вполне оправдывает свое имя, наш милый Хвито! Учится он в Петербурге, возвращается в лучшем обществе, постоянно бывает у нас в доме. Я хочу устроить его в дипломатическом корпусе — французским он владеет в совершенстве и ему будет нетрудно...

— При вашем содействии, баронесса... — любезно осклабился Хвито. — Но вы, желая похвалить человека, возносите его на такую высоту, что я, право, боюсь упасть...

— Вряд ли, дорогой: вы достаточно ловки для того, чтобы не падать. Не так ли, Дагмара?

Девушка подняла на юношу свои лучистые глаза и тотчас же застенчиво опустила их. Баронесса продолжала:

— Я же обещала вам, дорогой, замолвить словечко министру Витте и сделаю это в свое время. А сегодня мы приглашены на обед к маршалу и забираем вас с собой.

— Я был бы счастлив, баронесса, — ответил Хвито, бросив выразительный взгляд на девушку, — но я не зван...

— Это пустяки, вы пойдете с нами, и этого достаточно. К тому же дом маршала всегда открыт для приятных гостей.

Хвито покорно склонил голову.

— А вы, Барам и Вамех, не составите нам компанию?

— Я бы с удовольствием, но мне к двум часам надо быть у нотариуса, — с сожалением сказал Барам, — Нектарина, верно, уже волнуется...

Вамех тоже отказался идти, сославшись на какую-то важную причину. Баронесса не стала настаивать.

— Ну, бог с вами. А сейчас, Хвито, подойдем к княгине. Какой вы поклеп возвели на себя, милый друг! «Никогда никого не любил... Любить можно только самую любовь». Ах, вы сумасбродный мальчик! Я же все слышала!

И все трое направились к кружку княгини.

ПРИТОК

Опять ты ускользнула от меня, Цибедуль? Или, может, мне это кажется от того, что ты меняешь свой облик? А может, тут сказалось иное: я уже не различаю с прежней ясностью твои дорогие черты, потому что туман по временам застилает мои глаза?

Но если ты в самом деле удаляешься от меня, Цибедуль, — это уже

признак моей старости. Тебе наскучило общество старика и ты оставляешь меня в хладеющем мире моего творчества — сырым, бесприютным...

Это жестоко, Цибедуль!

Ты зажгла в моем сердце неугасимое пламя — его должно мне хватить до самой могилы. Только не забывай вдохнуть в еще тлеющий пепел искру своего вдохновения.

Не лишай меня этого блага, Цибедуль. А я... я поработаю еще...

37

Братья Гвиргвилиани продолжали свой путь. Вамех, кивнув за ограду бульвара, сказал Бараму:

— Вон, погляди, на улицу высыпали гимназистки, с другой стороны идут, громко переговариваясь, гимназисты. У них сейчас большая перемена — они могут выйти прогуляться в город. Их молодая энергия растрачивается пока на безрассудства, на шалости. Какие мысли обуревают тебя, юность, какие удивительные мечты полонят твоё сознание! Ты — то кажешься себе всемогущим дэвом¹ и вот-вот сдвинешь горы — покоришь весь мир, то вдруг обернешься лентяем Нацаркекия² — и тогда ты полное ничтожество. Легко ты воодушевляешься и так же легко впадаешь в грусть. Обе стороны жизни — и светлая, и темная — осаждают тебя. Какая же из них поборет, возьмет верх? Но удивительно: никогда не покидает тебя жажда жизни. Жизнь сама призывает тебя: «Раскрой пошире свои глаза, оглянись кругом. Как прекрасен этот мир, как многообразна и щедра природа — особенно сейчас, здесь, в весеннем Кутаиси!»

Голос Вамеха странно вибрировал. Барам оглянулся и увидел: в широко раскрытых глазах брата сверкал как бы отблеск давно утраченной юности...

«Как любит он жизнь, — невольно подумал Барам, — после стольких невзгод и лишений, даже после каторги. Какую он еще сохранил жизнерадостность! Конечно, брат не говорит всего, что у него на душе».

Неожиданно Барам увидел в группе молодежи Тайю.

— Вамех, смотри, Тайя приехал! — воскликнул он.

Вамех оглянулся. Посреди бульвара, прямо на траве, поджав под себя ноги сидела группа юношей. Среди них был и Тайя.

— Очень хорошо, что приехал. Ты увидишься с ним у нотариуса.

— Я хочу его видеть сейчас!

— Молодежь, видимо, занята чем-то. Но это большая смелость собраться так, в центре бульвара, среди бела дня...

— Да нет, я позову его! — и Барам направился к кружку.

Приблизившись, он отчетливо услышал:

— Совершая революцию, пролетариат не только свергнет и уничтожит господствующие классы, но и освободит себя от всех форм эксплуатации и насилия, создаст новое, свободное общество.

Это говорил юноша, сидевший в центре кружка. Барам остановился в смятении. Не все услышанное дошло до его сознания, но чутьем он понял, что слова юноши были призывом к революции, говоря иначе — к бунту, к восстанию. К бунту против него, Барама, против всего его сословия. Но он отогнал от себя эти тягостные мысли и крикнул:

— Тайя, поди-ка сюда на минутку!

При виде незнакомца молодые люди всполошились, но Тайя тотчас же успокоил их и направился к дяде.

¹ Дэв — сказочный великан.

² Нацаркекия — персонаж народных сказок — лентяй, пустомеля.

— Хорошо, что ты приехал, молодой человек, — Барам крепко пожал Тайе руку. — А кто тот юноша, что агитирует вас?

— Кто агитирует, что ты, дядя?

— Да вот тот юноша, что сейчас говорил с тобой!

— А зачем тебе? Ты же не следователь.

— Ну и невежлив же ты, милый друг! Я же догадываюсь, кто этот человек, и знаю, чего он добивается... Если ваша цель — ниспровержение царя, то против этого и я ничего не имею.

— Только царя? — усмехнулся Тайя.

— Ну да, знаю, знаю, — не будем больше говорить об этом. Только как это вы собираетесь здесь, на бульваре, на виду у всего города? Вы что — не боитесь полиции?

На губах Тайи продолжала блуждать улыбка.

— Это наше дело, дядя, — юноша хотел добавить еще что-то, однако воздержался.

— А все же, кто этот юноша?

— Ты очень хочешь знать?

— Предположим...

— Ну, ладно, скажу: в Кутаиси его все знают: это Ицка Рижинашвили.

— Я слышу это имя впервые. Ну, а теперь пойдём! — неожиданно заявил племяннику Барам.

— Куда это?

— К нотариусу.

— Там вместо меня Бату.

— Да, я знаю, но раз уж ты приехал, лучше пойти тебе самому.

— Нет, дядя Барам, здесь у меня более важное дело.

— Я не сомневаюсь, дружок, но... — Барам сделал паузу и добавил как можно мягче. — Прошу тебя, Тайя, пойдём сейчас со мною.

Юноша колебался. Потом, как бы что-то решив, согласился, но перед тем, как последовать за дядей, подошел к своей группе и сказал Рижинашвили:

— Мне сейчас надо уйти вместе с дядей. В остальном, значит, ничего не изменилось: в восемь, в Руа.

Все повторили: «В восемь», и Тайя быстрым шагом направился к Бараму.

Вамех шел один по бульвару и думал: «Какая все же неосторожность!.. Можно ли собираться для таких дел среди бела дня, да еще на бульваре, где все видно, как на ладони? Хотя сейчас предвыборная горячка. Здесь собираются кучками избиратели и точно так же садятся на траву. Но ведь жандармы могут выследить молодежь? Впрочем, как мне известно, местная полиция на социалистов обращает мало внимания. Здесь сейчас больше следят за движением сепаратистов — задерживают и высылают за пределы города какого-нибудь именитого князя, а то и бойкого интеллигента, который рвется в генералы, но войска у него нет. А в нынешнем пробуждении крестьян власти усматривают лишь обычное аграрное движение, не подозревая того, что крестьянство сегодня тесно связано с социал-демократией. Рабочими, их главарями полиция пока мало интересуется. Молодежь, видимо, это знает и потому ведет себя так свободно. Но уже недалек день решительной схватки, и победу одержит народ. А где руководители, откуда они придут? Из недр нашей интеллигенции? Или, скажем, интеллигенции России? Кто сейчас является у них властителем дум? Михайловский. Он безусловно талантливый публицист, но назвать его революционером чистой воды нельзя. Остальные — в большинстве — кабинетные люди. А с работниками подполья я мало знаком. Кто

же тогда? В былое время я читал «Колокол» Герцена, знакомился с заграничной революционной литературой, писал и сам в нашей прессе. Меня считали даровитым публицистом. И вот такая превратность судьбы!

Сердце Вамеха больно сжалось. Он вспомнил свою, столь блистательно начатую юность. Потом — ссылка в Сибирь и двадцать лет каторги за непреднамеренное убийство женщины. Правда, там, в ссылке, Вамех приобрел немало ценного. Он много читал, сблизился с политическими ссыльными, принялся даже за исследовательскую работу. А к чему пришел под конец? Теперь он всего-навсего лишь куровод, как едко называет его княгиня Нектарина.

Так, в глубокой задумчивости, шагал Вамех, ничего не замечая вокруг. Неожиданно ему преградил дорогу представительный, уже не молодой, но приятной внешности человек. Это был писатель Дата Микеладзе.

— Как я рад тебя видеть, Вамех! Где ты, что ты, дорогой? Зарылся в своем захолустье — и о тебе ни слуху, ни духу! Такие люди, как ты, нужны нашему обществу. Как здоровье твое? Надеюсь, хорошо?..

И Микеладзе, взяв Вамеха под руку, пошел рядом с ним, продолжая, словно градом, сыпать словами:

— Я, дорогой, задумал издавать газету — здесь, в Кутаиси. Наша интеллигенция должна, наконец, обрести собственный голос, а то социал-демократы своей агитацией, устной и печатной, скоро вытравят у народа всякое чувство любви к родине. Ты понимаешь, Вамех — к родине! Они говорят, что у рабочего нет таковой — родина его там, где он находит работу.

— Мысль не совсем неправильная, — ответил Вамех, — но надо ее правильно уяснить. Дело не так просто, как тебе представляется.

— И ты, значит, стал социал-демократом, Вамех? Ты тоже к ним примкнул?

— Я ни к кому не примкнул, а думаю, что трезво сужу о вещах, о явлениях.

— Дай тебе боже! Но как тебе нравится, что социал-демократы ни звука не говорят о крестьянах, на языке у них — все рабочие да рабочие. Словно Грузия не из крестьян состоит. Наша страна — аграрная, земледельческая, надо это понять, наконец! Крестьяне у нас и сейчас работают, не покладая рук, а уж дальше, при помощи сельскохозяйственных орудий, еще улучшат свои дела. И ты увидишь: из Грузии получится крестьянская республика на славу.

— Это надо еще хорошенько обдумать.

— Ну, так вот и обдумаем, обсудим, для этого и затеяли мы издание газеты. Интеллигенция призвана распространять наши патриотические, демократические идеи среди народа. Больше скажу тебе, Вамех. Мы хотим бороться за автономию Грузии. За границей уже выходит наш журнал на грузинском языке. Мы предполагаем начать такую же борьбу здесь. Но что ты хочешь, дорогой! Против наших идей уже поднята целая кампания, один из наших противников даже прочитал со сцены куплеты, в которых о Грузии говорится буквально следующее:

«Чем добиваться автономии.

Не лучше ль есть икру и гоми?»

— Что это? Ребяческие шутки или еще что-нибудь?

— Нет, Вамех, эти каламбуры делают свое дело. Они порождают зубоскальство, шельмуют и обращают в бессмыслицу поднятые нами большие вопросы. Ты, верно, уже слышал: мы, интеллигенты-патриоты, хотим добиваться автокефалии — выделения и самостоятельного управле-

ния нашей церкви. И что же ты думаешь? И на сей предмет уже пущены в ход пошлейшие куплетики: мол, не поймешь, о чем толкуют наши святые отцы —

«...Хотят они автокефалии
Или отваренной кефали?»

Что поделаешь? Ничего уже не осталось святого у этих людей. Дегенераты, насквозь отравленные космополитизмом!

Вамех понял, что собеседник его был глубоко взволнован и, не желая подливать масла в огонь, больше слушал, чем говорил.

Неожиданно Микеладзе остановил Вамеха перед красивым двухэтажным зданием, выстроенным из светлого эklarского камня. Здесь находился «Банк взаимного доверия», в котором служил известный общественный деятель Кирилл Лордкипанидзе. Микеладзе предложил:

— Зайдем к Кириллу — он будет рад видеть тебя. И разумеется со своей стороны предложит тебе сотрудничать в газете. Ты, надеюсь, не откажешь?

— Я сочувствую каждому культурному начинанию в нашей стране.

— Ну, так войдем.

И оба подошли к двери. Здесь Дата Микеладзе снова задержал Вамеха:

— А знаешь, чем еще я могу обрадовать тебя? Здесь сейчас Бабо Павленишвили.

При этом имени у Вамеха дрогнуло сердце, но внешне он ничем не выдал себя. А Дата продолжал полусуто:

— Ты помнишь, как в молодости мы оба ухаживали за ней? Но ты победил, Вамех, она полюбила тебя, и если б не ссылка, ты, верно, был бы сейчас счастливым семьянином.

Вамех махнул рукой и стал подниматься по лестнице. На душе у него стало радостно — он еще раз увидит Бабо Павленишвили, мысль о которой не покидала его все эти долгие годы. Даже там, на каторге... А у себя в Бертеми, в доме Нектарины, Вамех нередко присаживался к пианино и изливал в звуках свои настроения. Тогда перед его взором яснее вставал светлый облик любимой женщины...

38

Выйдя из кабинета Кирилла Лордкипанидзе, Вамех отправился в гостиницу, где остановилась Бабо Павленишвили. Там же занимала номер и баронесса, со своими дочерьми приехавшая из Бертеми.

Гостиница помещалась в большом двухэтажном доме неподалеку от Красного моста. Фасад здания был довольно безвкусно разукрашен затейливым орнаментом в стиле рококо.

«Переднюю часть дома занимает большой зал со сценой, — вспомнил Вамех. — Это городской клуб, место собраний кутаисского высшего общества. Здесь устраиваются концерты, балы, благотворительные вечера, здесь же играют в карты и нарды. А в другой половине здания помещается гостиница. Но откуда вход в номера? Кажется, рядом, за углом. Ага, вот и надпись: «Гостиница «Франция».

Вамех подошел к дверям, но в этот момент кто-то громко окликнул его.

Вамех обернулся — перед ним стоял представительный блондин с энергичным бритым лицом.

— Славский! — вырвалось у Вамеха. — Ты, Лев Борисович?

— Я самый! Как я рад, Вамех Отиевич! Ты прекрасно выглядишь!..

— Как ты поживаешь? Сцену совсем оставил?

Вамех взгляделся в лицо человека, стоявшего рядом со Славским. Это был плотный мужчина небольшого роста, с седеющими волосами, открытое лицо его дышало добродушием, и глаза, пристально устремленные на Вамеха, лучились теплотой...

— Трофим? Трофим Голубенко?

— Я, Вамех Отиевич! Узнали меня?

— Как не узнать — мы же вместе возвращались из Сибири!

— Да, верно, — сказал Славский, — Трофим ведь тоже был на ка-
торге.

— Отбывали мы не вместе, но в дороге встретились и подружились, не так ли, Трофим?

— Верно, Вамех Отиевич, но потом я уже не встречал вас. А очень хотелось повидаться, поговорить.

— Да, я редко бываю в Кутаиси. А ты что здесь делаешь?

— Да он тут у нас видная фигура, — с улыбкой вмешался в разговор Славский, — Трофим заведует в театре механической частью. У нас ведь электричества нет, обходимся ручными машинами, а Трофим — и слесарь, и бутафор, отчасти и декоратор. Он уже и молодых успел обучить своему ремеслу — Онисима Дадиани и Серго Челидзе. Очень расторопные ребята. А сейчас в ведении Трофима и этот зал со сценой. Наш уважаемый Ладос Месхишвили очень его ценит, называет своей правой рукой.

— Молодец, Трофим! Полезное дело делаешь! Но ты, я помню, собирался вернуться на родину.

— Я и вернулся, да никого уже не застал из своих — одни умерли, другие ушли на дальние заработки. Я и направился сюда. В этом уж вы повинны, Вамех Отиевич: так расхвалили свой родной край — не терпелось увидеть его. Я и приехал сюда, в Кутаиси, в расчете на вас. Думал, вы здесь живете...

— Выходит, я подвел тебя?

— Да нет, зачем же! Я нашел здесь добрых людей. Меня ведь с малых лет тянуло к театру. Приехал, погляделся, и снова устроился при сцене. В артисты-то я никогда не собирался, а в механике смыслил кое-что. Владимир Сардионович Алексеев-Месхиев приютил меня, пригрел у себя в театре, и вот теперь я небольшой винтик этого дела.

— Прекрасное дело! А ты, Лев Борисович, совсем оставил службу в театре? — снова обратился к Славскому Вамех.

— Да нет, не совсем, но теперь я уже больше чиновник, нежели актер. Работаю в казенной палате, вместо проповеди высокой морали занимаюсь экономикой — так сказать, укрепляю финансы государства. Ты вот смеешься, Вамех Отиевич, а помнишь Петербург? Помнишь, как я рвался на сцену, будучи студентом? Да жизнь-то повернула совсем по-иному... К тому же я убедился, что таких артистов, как я, в России тысячи, да и семейные обстоятельства вынудили меня поступить на службу. А сцена...

— Не совсем это так, Вамех Отиевич, — вмешался в разговор Трофим. — Здесь время от времени устраиваются русские спектакли, и Лев Борисович — душа этих спектаклей. Славский — любимец здешней публики.

— Да, — рассмеялся Славский, — Трофим — мой первый рецензент... Старается по дружбе поддержать во мне бодрость духа.

Трофим хотел сказать что-то, но в этот момент с ним поравнялся какой-то юноша и, бросив на ходу «В Руа, в восемь», прошел мимо.

Славский спросил:

— Что он сказал, этот парень?

— Он сказал: «В Руа, в восемь».

— А, значит, сегодня собираемся... Вот и Вамеха Отиевича забере-
рем с собой.

— Да, да, обязательно! — подтвердил Трофим.

— Куда это? — не понял Вамех.

— Тут, неподалеку, в Руа. По дороге в Чоми, возле минерального источника, есть укрытое место, вроде ущелья в горах. Это и есть Руа.

— А, так там назначено собрание?

— Да, сегодня, в восемь, — ответил Трофим.

— Ну, а я при чем? Я же не партийный.

— Мы тоже не партийные, Вамех Отиевич! — пояснил Славский. — Мы пока только сочувствующие, но уже, так сказать, проверенные. Нам поручено вовлекать в это дело новых сочувствующих — из тех, кому мы, безусловно, доверяем. А кого мы найдем вернее вас?

— Я, — несколько помедлив, ответил Вамех, — я отношусь с сочувствием к любому начинанию, полезному для народа.

— Нам как раз и нужны такие люди. Вы нам поможете своими знаниями...

— Но ведь вашими собраниями руководят партийные товарищи?

— Ну, а как же! Вот хотя бы Саша Цулукидзе — слышали о таком?

— Слышал. Это талантливый человек.

— Саша сейчас является представителем Имеретинско-Мингрельского Комитета в Кутаиси. К сожалению, он болеет, но ему помогают товарищи, приезжающие из Тбилиси. Большая работа ведется не только здесь, в Кутаиси, но и во всей Западной Грузии.

— Так значит, существует уже целый комитет?

— Ты и этого не знаешь?

— Отстал я, дорогой, сидя в деревне...

— Помилуй, как можно! Пойдем, пойдем без разговоров!

— Ну, а если туда явится незнакомый человек, как на это посмотрят руководители?

— Я же сказал — мы доверяем тебе!

— Нет, нет, вы должны пойти! Вы познакомитесь с нами, поймете, чем мы дышим, — доказывал Вамеху Голубенко, — ну, а дальше, само собой, вовлечетесь в работу.

Вамех ничего не возразил собеседнику, однако не выразил и прямого согласия.

— Недостаток нашей организации в том, — продолжал Трофим, — что она объединяет людей разных профессий, главным образом, мелких служащих, приказчиков или таких вот пришлых людей, как я. Есть и ученики старших классов гимназии, реального училища, духовной семинарии. Но, к сожалению, здесь, в Кутаиси, нет заводов и фабрик, а рабочие ведь должны быть основной силой нашей организации.

Славский перебил его:

— Кстати, об учениках, — я слышал, среди них есть один его однофамилец, — Славский кивнул в сторону Вамеха, — как его зовут?

— Тайя, — вспомнил Трофим.

— Тайя? Это же мой племянник! Парень энергичный и, насколько я знаю, очень преданный делу. Кажется, он и в нашем селе создал нечто вроде ячейки...

— А, вот и он — легок на помине! — воскликнул Трофим. К ним подошли Серго Челидзе и Тайя Гвиргвилиани.

— Сегодня в Руа, в восемь! — вполголоса произнес Тайя.

— Знаем, знаем, — со смехом ответил Славский. — И уважаемого Вамеха берем с собой.

— А, дядя Вамех! — и Тайя после небольшой паузы продолжал: Дядя не похож на наших либеральничающих интеллигентов. Он, конечно, включится в работу и будет помогать нам.

— Ты, что, рекламируешь дядюшку? — с улыбкой заметил Вамех. Выражение «включится в работу» пришлось ему не совсем по вкусу, но он ни слова не возразил племяннику.

— Почему же рекламирую? Я правду говорю. Ты должен пойти с нами, дядя!

Неожиданно Серго Челидзе напомнил:

— Напрасно мы стоим тут, войдем в клуб. Полиция и так косится на нас...

— Верно, верно, — согласился Славский. — У меня, кстати, и дело в клубе есть. Завтра вечером супруга маршала устраивает бал и до начала танцев будет разыгран небольшой водевиль.

Славский, Трофим и Серго Челидзе вошли в здание клуба.

39

Когда Вамех и Тайя остались одни, Вамех сказал:

— Я не думал застать тебя в Кутаиси. Ты уехал из деревни, никого не повидав из своих.

— Так надо было, дядя. Я и сейчас удрал от Барама. Он поймал меня на бульваре, думал повести к нотариусу, но я сказал ему, что туда уже направился Бату, а потом, когда дядя заговорил о Толисквами, я улетучился. Мне надо было в театр, повидать товарищей. Здесь я нашел Серго Челидзе, Аркадия Элбакидзе, Далакишвили и сообщил им о сегодняшнем собрании.

— Что это с Барамом? Зачем тебе видеться с Толисквами, ведь Нектарина выдает ее замуж. Они сейчас поехали делать покупки, готовятся к свадьбе.

— Замуж? За кого?

— Барам не говорил тебе?

— Нет.

— За Квизиниа, потийского подрядчика.

— Несчастливая! — вырвалось у Тайи. А про себя он подумал: «Почему это огорчило меня? Разве я любил ее?»

Вамех заметил волнение племянника и заговорил о другом:

— А что ты намерен делать дальше? Я слышал, ты собираешься ехать в Россию, поступить в университет?

— Нет, дядя, пополнять ряды «академиков» я не намерен. Пусть за диплом бьются карьеристы. А я, если и поеду, то, скорее всего, за границу.

— А! Ты, верно, собираешься в Германию, изучить основательно марксизм?

Тайя улыбнулся:

— Для этого не надо ездить в Германию. У нас, в России, это учение разрабатывается не только теоретически, оно и практически претворяется в жизнь. И руководит этим большим делом такой гениальный человек как Ленин.

— Ленин?

— Неужто ты не слышал о нем? Значит, тебе неизвестно и то, что и у нас, в Грузии, имеются последователи этого учения. Помнишь, в ту ночь, когда мы собрались у Парны Бжалава, я говорил вам о выступлениях батумских рабочих? Руководитель этих выступлений как раз и является

таким последователем Ленина. Нет, дядя, я в Германию изучать марксизм не поеду. А так, конечно, мне хотелось бы съездить в Европу, познакомиться с жизнью, с народами разных стран.

— Теперь ты должен получить крупную сумму, тебе ее, конечно, хватит с избытком. А поездка за границу, дело, безусловно, очень полезное. Но только не в одну же Германию. Надо съездить и во Францию, посмотреть Париж — этот очаг европейской революции, родину коммунаров. Ведь и наш Илья Чавчавадзе приветствовал в своих произведениях борцов Парижской Коммуны.

— Посмотрим. На мою долю, как сообщил мне Бату, причитается около десяти тысяч. Я, конечно, часть израсходую на личные нужды, но не скрою от тебя, дядя, половину я собираюсь передать партии.

— Какой партии?

— Социал-демократической партии, — вернее, ее левому крылу.

— Что за левое крыло?

— Ну, это долго объяснять. Вот, приходи сегодня в восемь к источнику и там, хотя бы частично, поймешь, что такое левое крыло, какие цели оно преследует. Но, извини меня, дядя, я вижу, сюда приближается баронесса, а со своими мне не хочется встречаться. Я бегу, до свидания!

40

У дверей гостиницы баронесса столкнулась с Вамехом.

— Поздравь наших, — сказала она, — все уже подписались и каждый получил свою долю.

— Очень рад! Но скажи мне, как с сыном Кесарии? Выделили ему что-нибудь?

— Как же! Сестра Нектарина — ты же знаешь ее расчетливость — вначале очень возражала, но потом ее удалось уговорить, и каждый отложил десятую часть своей доли. Это пока лишь задаток, и он составит не малую сумму — около четырех тысяч. А потом, когда бельгийская компания приступит к эксплуатации лесов и старший нотариус утвердит купчую, они получат всю стоимость.

— Верно, все очень обрадованы?

— Разумеется. Нектарина забрала Толисквами и поехала по магазинам. Барама я не видела, Гутати и Бату получили от всех подарки и сегодня едут в Бертеми.

— В Бертеми? Зачем? Ах, да, в самом деле, там сейчас землемер, и помещикам или их доверенным необходимо присутствовать при межевании.

— Мне тоже так объяснили...

К гостинице подошли Беги с Мариной. Лица их сияли радостью.

— Что ж мы стоим, подыдемся наверх, — сказала баронесса. Вамех слегка замешкался: ему не хотелось дать другим понять, что он пришел сюда из-за Бабо Павленишвили. Он сказал, что собирается пройти к Мкурнали — поговорить относительно сына Кесарии.

— Я бы сама пошла с тобой, но мы званы к маршалу и надо переодеться, — сказала баронесса.

У Вамеха отлегло от сердца.

Баронесса спросила:

— Куда это пропали Дагмара с Хвито?

— Они, как видно, увлечены приятной беседой и идут, не торопясь, — объяснила Марина.

Вамех улыбнулся:

— Коварная женщина — наша Марина...

— Коварная? Нет, Вамех Отиевич, я просто реально подхожу к жизни.

— Я шучу... Умная ты девочка. Наш Беги будет счастлив с тобою.

— А я — как по-вашему? — лукаво отозвалась Марина. — Я не буду счастлива с ним?

Вамех ничего не ответил и лишь ласково погладил Марину по голове. Собеседники подошли к номеру баронессы. У дверей она еще раз повернулась к Вамеху и сказала уже с оттенком печали:

— И вот эти счастливицы покидают нас, Вамех. Уезжают...

— Куда?

— В мое имение, в Тверскую губернию. Лето проведем там, а осенью отправимся в Петербург. Не так ли, Беглар?

— А когда же венчаетесь? — слегка нахмурясь, спросил Вамех.

— Венчаемся? — молодая женщина задумалась. — Да, да, конечно... Я хотела венчаться в один день с Толисками, но это, оказывается, не может произойти так скоро. Толисками должна вернуться в деревню и приготовить приданое, а жених приедет лишь к осени, и тогда они обвенчаются. Только после этого он увезет ее в Поти и там справит пышную свадьбу. Я столько ждать не могу — нам необходимо в Россию. А вы, Вамех Отиевич, должны непременно навестить нас. Будем очень, очень рады. Вы знаете, как я вас уважаю. Я же сказала — не будь у меня Беги, непременно бы вышла замуж за вас.

— Кто это так мило объясняется с Вамехом Отиевичем? — слышался необыкновенно приятный низкий женский голос.

Вамех и баронесса обернулись — перед ними стояла Бабо Павленишвили.

Это была высокая, все еще очень статная женщина, на тонком лице которой, невзирая на годы, не было ни единой морщинки. От нее веяло обаянием женственности — особенно хороши были ее большие, умные глаза медового цвета. Только в каштановые волосы вкралась седая прядь, но это делало ее еще более привлекательной. Одета была Бабо в простой, английского покроя, коричневый костюм, напоминавший мужской пиджак, с белым воротником и черным галстуком.

Минадора и Бабо, знавшие друг друга с юных лет, встретились сердечно, как старые друзья. Бабо объяснила, что приехала в Кутаиси по приглашению жены маршала в качестве концертмейстера на завтрашний вечер.

— Да, я слышала, ты стала известной пианисткой.

— Не известной, но...

— Ну, ну, не скромничай, я очень рада и с удовольствием послушаю тебя.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что Бабо Павленишвили остановилась в соседнем номере. Сейчас она собирается к своему двоюродному брату, Георгию Амилахвари. Она не ожидала увидеть здесь Вамеха, но раз уж застала — собирается похитить его.

Баронесса шепнула Бабо:

— Как было бы хорошо, если б ты похитила его в свое время.

И обе светло улыбнулись.

— Ну, мы не станем тебя задерживать, — сказала баронесса Вамеху, — отправляйся и не забудь помянуть и нас в своих молитвах.

Все рассмеялись. Бабо пошла в свой номер надеть шляпу, Вамех молча последовал за нею, не считаясь с тем, что остальные могли расценить это, как неучтивость с его стороны.

Войдя в комнату, Вамех и Бабо остановились друг против друга — и рассмеялись счастливым, безудержным смехом: они снова встретились после стольких лет разлуки...

Бабо и Вамех ехали на извозчике по узким улицам Кутаиси. На одном из поворотов на них едва не наскочил вылетевший им навстречу необыкновенно щегольский экипаж. Однако опытные кучеры вовремя осадили своих лошадей и сумели безболезненно разминуться.

Кучер, везший Бабо и Вамеха, проворчал:

— Ведь тоже вскачь пустил лошадей, болван!

— А разве вам не воспрещено такое лихачество на городских улицах?

— Как же, сударь, полиция это строго запрещает, да Карабаху все сходит с рук.

— Что за Карабах?

— Да этот фаэтонщик. У него и пассажир такой, что...

— А кто его пассажир? Я даже не успел разглядеть его.

— Известно кто... Князь Мито.

— Мито? — удивилась Бабо. — Мито Павленишвили?

— Да, сударыня. Уже два дня, как он пожаловал из Тбилиси и еще не сходил с фаэтона. Приехал — и взял в оборот Карабаха. Нас, остальных извозчиков, он не больно-то жалует. А Карабах — парень шалый, без царя в голове. Видали — разнес было вдребезги! Даже и не окликнул, негодяй!

— Ты, брат, молодец, заслуживаешь награды. Ты просто спас нас!

— Что вы, что вы, сударь, это моя обязанность!

И кучер повернул к Вамеху лицо с просиявшими от радости глазами.

— А ты знаешь, кто такой Мито? — спросила Бабо Вамеха.

— Твой однофамилец?

— Не однофамилец, а родной племянник, сорванец и гуляка. Красавец-мальчишка и способностями бог не обидел, но бросил ученье — вышел из четвертого класса, надел чоху с кинжалом и ничем, кроме вина и женщин, не занимается. А во всем виновата матушка — избаловала его вконец. Единственный сынок, к тому же люди очень состоятельные — ну, и погиб парень. Не раз говорили мы ей об этом, но что ты сделаешь? Она же поощряла его бросить гимназию. «На что, говорит, ему ученье? Красив, богат, способен, пусть живет в свое удовольствие. Не нужен мне сын чиновник или профессор — пусть будет истым князем».

— И Мито, значит, осуществляет эту программу?

— Ну, да! Дни и ночи в ресторанах со своими собутыльниками. А то махнут в Батуми, потом сюда, в Кутаиси. Дня не обходится без скандала.

— И уж, верно, заносчив — не подступись!

— А, как же! Кичится: я-де, князь Павленишвили! Временами, представь, чурается даже людей своего круга. Да это еще что! Порой пускается на такие делишки, что попадает в уголовную камеру. С большим трудом, и то благодаря родне и связям, удается выволять его оттуда. Был случай — он похитил в Гори дочку тамошнего купца. Кое-как удалось полиции вырвать у него девушку, а родителям — новые хлопоты и расходы.

— Н-да, — печально произнес Вамех, — твой племянник — наглядное доказательство вырождения нашего дворянства.

— Да, да, — это, так сказать, «цвет нашей жизни».

— Хм, не цвет, а сорняк, Бабо. Не обижайся, но его и ему подобных скоро вырвут из жизни с корнем.

— Разве я не знаю, Вамех! Я это в шутку сказала — «цвет нашей жизни». Кажется, всем одарен, негодный мальчишка, а вот пошел по ложному пути. Я боюсь, как бы он и здесь, в Кутаиси, не выкинул ка-

кой-нибудь фортель. Но стой, извозчик, мы уже приехали. Здесь живет Георгий Амилахвари.

Оба сошли с экипажа. Вамех протянул кучеру пятирублевою бумажку; тот забеспокоился:

— Ой, нет, сударь, у меня не найдется сдачи!

— Да нет, это я дарю тебе. Я же обещал — за то, что ты нас уберег...

Обычно за конец кутаисские извозчики брали тридцать копеек. А тут целых пять рублей! Возница проникся большим уважением к своему седоку. «Видать, очень важный господин», — подумал он.

42

Мито Павленишвили облетел на фаэтоне весь кутаисский бульвар. Вдоль бульвара и на тротуарах группами стояли завсегдатаи здешних мест — дворяне в чохах, шутили, балагурили.

Тут же был и знакомый нам Экоцимили. Читатель, кажется, уже знает, что он, вместе с семьей Гвиргвилиани, прибыл в Кутаиси. Как же иначе? Май вступил в свои права, предстояли выборы губернского предводителя — могли ли все эти события обойтись без Экоцимили? Помимо того, Барам обещал подарить ему новую чоху с архалуком — при условии, что тот будет сопровождать их в Кутаиси.

Барам выполнил свое обещание, и Экоцимили был теперь одет с иголочки. Радовался он и тому, что у него завелись деньги на выпивку.

Молодых людей, слонявшихся в поисках, где бы пообедать, Экоцимили теперь почти каждый раз приглашал в ресторан. У него появилось множество друзей — все заботливо обхаживали приезжего добряка. Экоцимили очень быстро освоился и стал выступать в роли патриарха среди бражников. Приобрел он друзей и в среде избирателей, видимо, благодаря своему неиссякаемому остроумию. Так что вскоре Экоцимили всюду стал желанным гостем. Побывав несколько раз в семьях кандидатов в губернские маршалы, он и здесь сумел завоевать симпатии. Лишь однажды избиратели чуть было не поколотили его.

Случилось это после того, как Экоцимили, пируя в обществе избирателей и будучи уже сильно под хмельком, произнес, после одного из очередных тостов, следующее стихотворение:

«Времена переменились—оглянитесь-ка кругом,
За рабочим встал крестьянин, чтоб на нас обрушить гром,
За свободу люд рабочий в бой готов, на баррикады,
В деревнях лесные братья собираются в отряды,
У кормила новой жизни скоро встанет сам народ.
Только наше с вами дело безвозвратно вспять идет».¹

Стихотворение вызвало целую бурю. Правда, поклонники Экоцимили захлопали в ладоши и даже рассмеялись, но в толпе возвысил голос один пожилой, весьма внушительного вида шорапанец:

— Что вы говорите, сударь! Кто это может обрушить гром на наши головы? Быть может, кое-кто и желает этого, и беда заключается в том, что среди таковых имеются и люди нашего сословия, особенно из числа сюртучников. Но на вас-то за что прогневался бог?

На это «прогневался бог» вскинулись поклонники Экоцимили.

— Но, но! Без таких выражений! — слышалось с разных сторон.

У самого Экоцимили лишь шельмовато поблескивали глаза, однако никакого возмущения лицо его не выражало.

¹ Из стихотворения поэта Цварнами.

— Да как же так? Ведь он Гвиргвилиани? Считается в Мегрелии князем? Но что спросить с такого князя — да и вообще со всего княжеского сословия Мегрелии, — когда они еще и не утверждены в своем звании!

Это заявление вызвало взрыв возмущения среди многих присутствующих. Одни вскочили, другие схватились за бутылки, норовя ввязаться в драку, поднялся крик и гвалт: «Этот шорапанец оскорбляет честь мегрельского дворянства, видать, он из «цощалистов» и нечего ему делать в наших рядах».

Шорапанец не трогался с места, но гремел так, что перекрывал все голоса:

— Да он, злосчастный, и не понимает, что сам рубит сук, на котором сидит!..

Брань ошетилившихся противников грозила перейти в общую потасовку, но в это время вошел хозяин ресторана Аслан Циргава. Он пользовался репутацией выдержанного ресторатора, и клиенты относились к нему с большим уважением.

Появление его в зале несколько поумерило пыл схватившихся за кинжалы князей.

Аслан обратился к шорапанцу:

— Допустимо ли, сударь, вносить раздор в благородное общество такому достойному князю, как вы? Это не пристало ни одному из вас. И потом — за что же наказывать меня? Полиция закроет мой ресторан, а вы, я знаю, не позволите себе этого. Хотя... Князь Варлам, князь Варлам! — окликнул Циргава пожилого, тучного человека, безмятежно дремавшего в глубоком кресле.

Тот слегка покачнулся, открыл глаза, бессмысленно огляделся вокруг и неожиданно чихнул — раз, два, три, десять, пятнадцать, двадцать пять раз. Это неудержимое чиханье вызвало веселый смех и настроило драчунов на мирный лад.

Экоцимили сказал своему соседу:

— Такой уж обычай у князя Варлама: когда напьется, долго потом дремлет за столом. Но ежели придет в себя и начнет чихать, то уже кончено — словно и капли в рот не брал.

Иные из окружающих рассмеялись, а князь Варлам действительно пришел в себя и уставился на Циргава:

— Что такое, Аслан? Ты за счетом?

— Да нет, князь... Там, где вы, пусть кутят хоть до утра. Только почему ваша милость разрешает учинять за вашим столом дебош? Меня хотя бы пожалели... Полиция...

— Ну, ладно, ладно! Что случилось, Ростом? — повернулся князь Варлам к шорапанцу.

— Как что, дорогой Варлам! Этот вон Гвиргвилиани, что сидит наискосок, сначала очень развлек всех нас своими шутками, но потом такое ввернул... Народ-де обрушит громы на дворян... И другую подобную чепуху. Да он социалист, видать, этот нехристь!

— Да, да, — с трудом сдерживая обуревавший его смех, подтвердил князь Варлам. — Так ты, братец, социалист? — спросил он Экоцимили, а потом снова, повернувшись к Ростому: — Ты тоже, князь! Стоит обращать внимание на брехню пьяного...

— Помилуй, как не обращать, когда он вздумал со свету сжить нас, дворян. А все же — что ты сказал, Гвиргвилиани?

Тут встал Экоцимили:

— Черт меня попутал, и я повторил стишок, который нынче ходит в народе! Я и не думал огорчать вас, друзья, напротив... Предупредить

хотел наших князей и дворян: вокруг-де творится такое, держите ухо востро!

— Ну, и чего же ты от него хочешь, князь? — спросил у шорапанца Варлам. — Да ты, видать, не знаешь нашего Экоцимили. Это же шутник и балагур.

— Князь Варлам, ну... ты тоже... не очень-то меня... — с наигранной мольбой в голосе сказал Экоцимили.

— Ладно, ладно, вы оба отменные князья, и между вами не должно быть никаких ссор, — примирительно проговорил Варлам. — Прошу тебя, поцелуй его. Мир и лад! Мир и лад!

Ростом замялся. Варлам повернулся к Экоцимили:

— А ты чего ждешь?

Тот подошел к Ростому со словами:

— Я... Я ничего не имею против.

Ростом улыбнулся и обнял Экоцимили...

Теперь, стоя на бульваре, в группе дворян, Экоцимили увидел подходившего к ним Мито Павленишвили. Ему пришла в голову коварная мысль. Он решил: «Сегодня попотчую самых забубенных гуляк и скандалистов. Мито как раз принадлежит к их числу. Посмотрим, что из этого получится. Я-то, во всяком случае, полюбуюсь на эту потеху».

Сказано — сделано. Экоцимили пригласил в ресторан самых отъявленных сорванцов, однако, к его удивлению, получилось нечто совершенно обратное. Такой мирной и веселой попойки кутаисцы давно не помнили. Событие это сделалось темой для разговоров на целую неделю. Иные приписывали мирный характер кутежа остроумию и такту Экоцимили, однако, сам Экоцимили объяснял это иначе: видимо, каждый из сотрапезников опасался, как бы другой не превзошел его в озорстве. Поэтому все обращались друг с другом в высшей степени вежливо, и вся компания, к немалому удивлению кутаисцев, мирно разошлась по домам.

ПРИТОК

Возможно, Цибедуль, читатель не помнит времени, изображаемого мною. А между тем я занят мелочами, подробно описываю данную местность, рассказываю о людях, ее населяющих, о их переживаниях. Но очень возможно, что самый воздух эпохи, которым дышали эти люди, ощутим в романе довольно слабо. Поэтому обратимся к публицистическому жанру, приведем, в случае надобности, и некоторые цитаты из авторитетных источников.

«После падения крепостного права крестьяне были вынуждены обрабатывать помещичьи земли на очень тяжелых условиях. Помимо денежного оброка, взимаемого с крестьян, помещик вынуждал их безвозмездно обрабатывать определенное количество принадлежащих ему участков. Это называлось отработкой, барщиной или господским побором. Еще чаще крестьянин бывал вынужден платить оброк натурой, в виде половины своего урожая — как говорилось, на половинных началах».

Запомним хорошенько эти слова. Быть может, в моем романе читатель и не встретит фактов, рельефно иллюстрирующих данную цитату, однако, имея ее в виду, он сможет легче уяснить себе некоторые моменты описываемой мною жизни.

Но вернемся к нашему повествованию. И там, где нужно, обратимся к помощи публицистики, прибегнем и к цитатам.

Сгустились сумерки. К назначенному месту по одному, по двое ста-
ли с разных сторон стекаться люди — шли по склонам гор, по краям бо-
лот и полей, старательно обходя дорогу.

Вамех с Трофимом приехали на фаэтоне, однако сошли раньше,
чем следовало, миновали ряд дворов и спустились по косогору в Руа.
Здесь они выбрали место поудобнее и приготовились слушать.

Облака то и дело наплывали на молодой месяц, и в едва брезжущей
мгле трудно было различить лица людей. Однако Вамех все же заметил,
что народу собралось довольно много. Толпа приглушенно гудела.

Неожиданно кто-то тронул Вамеха за локоть.

— Ты тоже здесь, князь? — прозвучал голос с заметным еврей-
ским акцентом.

Вамеху стало неприятно, что он был узнан в таком месте, однако,
вглядевшись в лицо подошедшего, он узнал Бенойу. У него отлегло от
сердца.

— Это ты, Бенойа! А тебе что здесь надо?

— Меня, родимый, привел сюда Ицка.

— Кто это — Ицка?

— Ты здесь, князь, и не знаешь, кто такой Ицка? Это же наш Иц-
ка — Рижинашвили.

— А-а! — неопределенно протянул Вамех, но из его ответа Бенойа
так и не понял, знал или не знал его собеседник «нашего Ицку».

Беседа продолжалась вполголоса. Бенойа сказал Вамеху, что, при-
езжая в Кутаиси, он, помимо своих торговых дел, занимался и кое-чем
другим: по поручению Рижинашвили он отвозил в Бандзу и окрестные
села прокламации и раздавал их там для распространения надежным
лицам.

Кто-то зашикал на говоривших.

Уже выступал оратор. До слуха Вамеха донеслись слова:

— Русский пролетариат пополняется главным образом из крестьян.
Часть крестьянства в процессе расслоения деревни разоряется, уходит в
город. Однако остатки крепостнических взаимоотношений еще долго свя-
зывают рабочего с его крестьянским прошлым!

Привыкшими к темноте глазами Вамех огляделся кругом. Лица со-
бравшихся виднелись теперь уже более отчетливо.

«Кто они — эти люди? — думал Вамех. — Да, впрочем, мне же ска-
зали — мелкие приказчики, беднейшее крестьянство окрестных дере-
вень, учащиеся старших классов. Но послушаю, что скажет оратор».

— Под влиянием рабочего движения стихийные и разрозненные вы-
ступления крестьян объединяются, крепнут и превращаются в грозную
силу. Однако если деревенская беднота не объединится с городским про-
летариатом, она не сумеет одержать победу.

«Ого, — подумал Вамех. — Это уже настоящий призыв! Послушаю
дальше».

— Подготовка и воспитание руководящей революционной силы про-
летариата происходят под воздействием передовой социалистической те-
ории. Газета «Искра», основанная нашим учителем Лениным, неуклон-
но борется за то, чтобы соединить рабочее движение с научным социа-
лизмом, пробудить в рабочем классе политическое самосознание.

«Он говорит о Ленине, о газете «Искра». Я должен во что бы то
ни стало достать эту газету, ближе познакомиться с этим учением. «На-
учный социализм»? Это выражение я слышу впервые. Так значит, Сен-
Симон, Томас Мор, Кампанелла — это мечтатели? А как я одно время

был увлечен их идеями, хотя бы той же «Утопией» Томаса Мора. А теперь, видите ли, — «научный социализм».

Оратор между тем продолжал:

— Царское правительство боится внести в массы свет просвещения. Министр просвещения Деянов издал циркуляр о «кухаркиных детях», по которому воспрещалось принимать в гимназии детей извозчиков, кухарок, прачек, мелких торговцев и людей других подобных профессий — для того, чтобы они не поднялись над слоем, к которому принадлежат. В сельских местностях очень мало обычных министерских школ, гораздо более распространены школы церковно-приходские, в которых попы обучают детей на труднодоступном для понимания церковно-славянском языке, забивают их головы всякой галиматьей.

В этот момент из глубины леса донесся чей-то зычный возглас:

— Вот, дай бог тебе здоровья! Не хочу я, чтоб моих детей учили церковному, чтобы из них вышли попы!

Раздался смех. Однако вскоре удалось восстановить тишину.

Далее оратор говорил:

— Но особенный гнет и бесправие испытывают трудящиеся многочисленного нерусского населения империи. Царское правительство называет их «инородцами». Трудящиеся нерусских национальностей давно уже начали борьбу за свое освобождение, но борьба эта носила незнатный, стихийный характер. Таким было восстание, поднятое мегрельскими крестьянами в пятидесятых годах прошлого столетия под водительством кузнеца Уту Микава. Теперь же во главе народного движения стоит вышедший на историческую арену рабочий класс — это следует крепко усвоить нашему крестьянству. В закавказских деревнях пережитки крепостного права сохранились значительно сильнее, чем в центральных губерниях России. Крайнее малоземелье, варварская эксплуатация со стороны помещиков, грабительская переселенческая политика и жестокость царизма, усиление в деревне ростовщического капитала поставили закавказское крестьянство в крайне тяжелое положение, а это способствовало его революционизированию.

Крестьянское движение играет большую роль в процессе мобилизации революционных сил народа. Напуганное этим движением, царское правительство пошло на некоторые, правда, мизерные уступки. Зато оно увеличило косвенный налог — а что такое этот косвенный налог и каким тяжелым бременем ложится он на плечи народа, об этом скажет следующий товарищ. Мы крепко должны запомнить одно: только ниспровергнув существующий строй и сбросив с престола царя, только установив в стране власть крестьян и рабочих, трудовой народ сумеет избавиться от векового рабства.

Вамех думал с удивлением:

«Я нахожусь на нелегальном митинге. Да, это настоящий митинг! И какой смелый призыв к действию... Как вырос и возмужал наш народ, как окреп его боевой дух! А это что? Кажется, оратор кончает...»

— Вот тогда-то разрешится и аграрный вопрос, тогда у господ помещиков будет отобрана их собственность и передана в руки крестьян. Тогда народ осуществит и те политические и социальные преобразования, без которых немисливо возрождение страны. Для этого необходимо, чтобы пролетариат, руководимый своей революционной партией, стал во главе крестьян и вместе с ними завоевал свободу.

Вслед за первым оратором на возвышение поднялся второй.

Кое-что из того, что говорили ораторы, Вамех знал и сам:

— Над рабочими и крестьянами стоит целая армия исправников, урядников, жандармов, полицейских стражников, которые защищают ца-

ря, капиталистов, помещиков. Несмотря на отмену крепостного права, крестьян порют розгами за малейшую провинность, за неуплату податей и налогов. Рабочих избивают полиция и казаки, особенно во время стачек. Рабочие и крестьяне не имеют никаких прав в царской России. Царское самодержавие является злейшим врагом народов.

Вамех знал и то, что «в национальных областях все или почти все государственные должности занимали русские чиновники. Все дела в учреждениях, в судах велись на русском языке. Было запрещено издавать газеты и книги на национальных языках, в школах запрещалось обучаться на родном языке».

«Нет, — думал Вамех, — мы, грузины, в этом отношении в несколько лучшем положении. Мы, хотя и с большим трудом, а все же добились издания собственных газет. Теперь вот в Кутаиси собираются создать свой печатный орган. В школах — правда, только в младших классах — преподают родной язык, — хотя прав оратор, сказавший, что царское правительство стремится задушить всякое проявление национальной культуры, проводит политику насильственного обрусения нерусского населения. Царизм выступает в роли палача и мучителя нерусских народов».

Все это было более или менее известно Вамеху. Он лишь не вполне уяснил себе причины, вызвавшие русско-японскую войну. А тут он узнал о разговоре, происшедшем между министром Плеве и генералом Куропаткиным. Когда последний упрекнул Плеве в том, что тот поддерживает агрессивную политику Безобразова, министр ответил:

— Да, я поддерживаю эту политику, потому что хорошо знаю внутреннее положение России. Поверьте мне, генерал, нам крайне важна сейчас хоть небольшая победоносная война, иначе в стране разразится гроза.

Вамех не знал, что тогдашняя царская армия была оснащена крайне отсталой техникой, что царские войска отступали из-за бездарности руководства. Вамеху не было ведомо, что в российской социал-демократии имелись уже тогда два течения — большевистское и меньшевистское, что большевистская группа завоевывала среди трудящихся Закавказья все большее и большее влияние, что здесь у нее имелся такой сильный руководитель, каким был в ту пору молодой Иосиф Джугашвили.

Не было известно Вамеху и то, что меньшевики в ответ на лозунг большевиков о низвержении царизма выдвигали лозунг — «мир во что бы то ни стало». Меньшевики отрицали империалистический характер русско-японской войны. Свою соглашательскую позицию они оправдывали весьма туманным разговором о том, что-де не следует спекулировать победой над японским буржуа, что война вообще — большое несчастье, и т. д. и т. д. По этому поводу Ленин писал, что такое рассуждение скорее к лицу буржуазным демократам, строящим свои взгляды на позициях сентиментализма. Сейчас жизнь показала, что лозунг «мир во что бы то ни стало» есть лозунг европейской буржуазии и реакции.

В это время Кавказский комитет Российской социал-демократической рабочей партии выпустил в Тбилиси и Баку прокламацию, в которой, между прочим, говорилось:

«Пожелаем, чтобы для русского самодержавия эта война оказалась еще болезненнее Крымской войны. Тогда было отменено крепостное право, а теперь, в результате этой войны, мы похороним детище крепостного строя — самодержавие...»

На митинге Вамех услышал о том, что в городах Закавказья участились забастовки, что они теперь уже носили политический характер, и Ленин тогда сказал, что мы скоро станем перед баррикадами.

Много нового узнал в этот вечер Вамех. Его не столько удивляли

приводимые ораторами цитаты, сколько подготовленность и смелость выступавших. Ему казалось, что он вошел в какой-то особый мир, где многое было для него новым.

Он думал: «Никогда мне не доводилось встречать таких твердых, положительных взглядов на жизнь! И как они ясно, толково говорят! Одно, во всяком случае, безусловно: они уже мобилизованы и готовятся к восстанию».

С этой уверенностью ушел Вамех по окончании собрания домой. Ушел один, даже не попрощавшись с Трофимом.

Он хотел наедине обдумать все услышанное, оценить положение со всей объективностью. И все же его мысль не была вполне беспристрастной, он колебался и не мог прийти ни к какому решению.

«Ну, хорошо, я давно понял, что эта борьба — классовая, что один класс должен победить другой». Тут ему вспомнились слова Барама: «Но почему, скажи мне, почему? Пусть будет хорошо и тебе, и мне.. Согласуем наши интересы и будем жить счастливо...»

«Нет, Барам, нет! Это теперь невозможно. Это, может быть, произойдет позже. Но когда произойдет и произойдет ли вообще?»

Так, полный сомнений, шел Вамех по направлению к городу.

44

В тот вечер, когда Вамех слушал ораторов на тайном собрании, в гостинице «Франция» иностранцы рассчитывали инженера Волкова.

Для Волкова этот расчет явился полной неожиданностью, но иностранцы объяснили ему, что приступить сейчас к разработке здешних участков они не смогут и поэтому услуги инженера будут для них излишни. Правление компании вызывало кавказскую группу домой. Само собой, выгодный договор, заключенный с местными владельцами, очень радовал хозяев, тем не менее они упрекали компаньонов за излишнюю поспешность.

Ход мыслей европейских промышленников был приблизительно таков:

«Война России с Японией продолжается, и конца ей пока не видно. Можно с уверенностью сказать — войну эту Россия проиграет, что очень на руку нам, европейцам, но вся беда в том, что в русском обществе начинают подымать головы социалисты, а значит, не исключена возможность революции. Так что, бог ведает, как еще обернутся дела. Известно, что Россия — страна «всевозможных возможностей» и поэтому затевать сейчас здесь какое-либо предприятие по меньшей мере рискованно. Проклятие этой революции! Она в свое время сильно затормозила дела европейских капиталистов, а то они уже построили бы рай на земле.

Рабочие не хотят этого, ну и пусть остаются при своем. В здешних политических неурядицах повинны опять-таки европейские социалисты — и в первую очередь немецкие. В Германии Карл Маркс взбудоражил умы, к нему примкнули и русские революционеры. Ничего путного из всей этой заварухи не получится. Конечно, царская жандармерия постарается задушить движение в самом зародыше. Но мы должны пока что переждать и воздержаться от каких-либо начинаний».

Иностранцы извинились перед Волковым, поблагодарили его за преданную службу, но уволить все же уволили.

Волкову ничего не оставалось, как откланяться, однако особого огорчения он при этом не испытал, так как бельгийцы все же прилично его вознаградили.

Волков вежливо простился с иностранцами и пошел с визитом к ба-
ронессе.

В номере он застал одну лишь Марину — сидя на диване, она
ла какую-то книгу. Поздоровавшись, Волков осведомился, что она читает.
Марина протянула томик — он лишь посмотрел на переплет, но в руки
книги не взял.

— Ада Негри! Социалистка! И вы это читаете? — Марина хотела что-
то ответить, но Волков перебил ее: — Да, знаю, она теперь в большой мо-
де, но если спросить меня, какая она поэтесса, то я отвечу: это просто
бойкая особа, легко рифмующая публицистические статьи: трущобы рабо-
чих, нужда, гнет, голод — какую поэзию находите вы в этом грязном
мире?

— Да, но она пишет очень лирические стихи. Почитайте ее вещи, и
вы увидите — она говорит о небесной лазури, о розах, о луне, о многих
вещах, исполненных высокой поэзии. Послушайте, что она пишет: «Для
всего, что в мире стремится к идеалу, для всего, что борется со злом, —
хочу я быть бессмертной». И при этом она большая гуманистка. В одном
стихотворении она говорит: «Наступит время, когда все люди станут
рыцарями труда, и труд сделается свободным. Народы объединятся в одну
семью и на земле зазвучит гимн радости и мира».

— Ну, и что это такое? Где тут поэзия? Какой-то социалистический
бред — и ничего больше.

— Я вижу, что вы мало разбираетесь в этих вещах.

— И не желаю разбираться! Я просто удивляюсь, как это вы, ари-
стократка, читаете подобные вещи? Хотя — вы ведь вообще очень стран-
ная женщина...

Волков прошелся по комнате, потом грубо спросил:

— Да, в самом деле, что поделявает ваш дикарь?

— К вашей невежливости мне не привыкать — вы уже не можете
оскорбить меня такими словами, — спокойно произнесла Марина.

Волков не унимался:

— Вы думаете, я не знаю, с какой целью вы вышли за него замуж?

Молодая женщина вскинула голову:

— Что вы хотите этим сказать?

— Это все оригинальничанье, вам хочется показать в Петербурге,
какого красивого зверя в образе человека привезли вы с Кавказа.

Марину всю передернуло от этих слов, но она не подала виду. Волков
же, видимо, желая вывести ее из терпения, добавил:

— Ну, конечно, вы везете его в качестве эдакого породистого пса.

Услышав эти слова, Марина побледнела. Прошла минута, другая.
Неожиданно она громко вскрикнула:

— На место!

Волков остановился в замешательстве, но все же спросил:

— Это кому — ему или мне?

— Вам. На место! — неумолимо повторила Марина и, встав с
дивана, вышла из комнаты.

Волков почувствовал себя крайне уязвленным, однако ничего не ска-
зал и, подойдя к окну, стал смотреть на улицу.

К десяти часам вечера все залы и комнаты кутаисского клуба были
ярко освещены.

Жена губернского маршала и помогавшие ей дамы приехали задол-
го до начала вечера и занялись каждая своим делом. Среди девушек, про-

дававших в киоске шампанское, выделялась юная Дагмара. Другие участницы вечера продавали чай, третьи — конфеты и всевозможные сладости. Уголок, где помещалась почта, обслуживался молоденькими девушками. Через плечи у них были перекинута красные и синие шелковые ленты с шелковыми же мешочками для писем. В одной из комнат было сооружено нечто вроде шалаша, предназначенного для гадалки. Все эти павильоны и киоски были устроены с целью собрать на вечере как можно больше денег. Доход от сегодняшнего бала предназначался в пользу бедных учеников кутаисской дворянской школы.

Общество постепенно съезжалось. Это были видные чиновники губернских учреждений, члены дворянских и княжеских фамилий, богатые кутаисские купцы со своими семьями, служащие банка и городской управы, представители местной интеллигенции и проживающая в Кутаиси дворянско-княжеская молодежь. Последние, в силу своей несостоятельности, мало что могли внести в кассу, зато приносили с собой радость и оживление и поэтому их встречали здесь весьма радушно.

Итак, в залах постепенно собирались представители кутаисского высшего общества. Но вы не нашли бы здесь ни одного «простолюдина» — таковые, по мнению руководителей клуба, и не имели права доступа сюда.

Из членов семьи Гвиргвилиани здесь находились баронесса с Дагмарой, приехавшие до начала вечера. Вскоре вслед за ними появились и Марина с Беги. Нектарина, Вамех и Барам поехали в этот вечер в городской театр смотреть пьесу Монти «Кай Гракх», шедшую с участием известного артиста Ладо Месхишвили.

Лев Славский беспокойно сновал по сцене — уже пробило десять, а концертное отделение все еще не начиналось. Славский и его товарищи готовились разыграть включенный в программу вечера водевиль Чехова «Медведь», но супруга маршала велела не начинать до приезда губернатора. За водевилем должны были последовать различные музыкально-вокальные номера в исполнении приглашенных из Тбилиси певцов, музыкантов, декламаторов. Вечер намечалось завершить балом и ужином.

Народ уже входил в зал и рассаживался по местам, однако занавес все еще оставался неподвижным.

Ждали приезда губернатора, а также окончания спектакля в театре: большинство зрителей, надо было полагать, направится после спектакля сюда.

Между тем дамы-распорядительницы встречали гостей у входа и отводили в павильон для сбора пожертвований. Хозяйка вечера была занята главным образом богатыми купцами. Взяв пришедшего под руку, она вела его прежде всего в киоск, где Дагмара и ее подружки продавали шампанское. Возможно, иные из богачей и не были расположены благотворительствовать, но из уважения к хозяйке не решались отказать.

Одновременно работали и другие киоски. Девушки-почтальоны исправно разносили корреспонденцию. Одни из гостей, получив письмо, заметно оживлялись, другие откровенно хохотали и показывали письмо своим близким, кое-кто бледнел и краснел, но все одинаково ломали голову, стараясь угадать, кто же был автором анонимного письма.

Но вот к хозяйке вечера подошла женщина, уже не молодая, но еще довольно стройная и хорошо сохранившаяся, и спросила:

— Скажите, где моя хибарка?

Хозяйка ввела ее в предназначенное для нее помещение и положила перед ней на стол маску бабы-яги: для того, чтобы проходящие сюда клиенты не узнали гадалку. Эта женщина обладала весьма острым, а по мнению иных, и ядовитым языком. Поэтому, во избежание недоразу-

мений, пришлось предложить ей маску, а к хибарке и к гадалке как раз подходила маска бабы-яги.

В зал вошли Бабо Павленишвили и ее племянник Мито.

Друзья тотчас же увлекли Бабо в комнату артистов.

Мито обошел все залы, как бы производя общий смотр собрания, и своей легкой и изящной походкой привлек внимание всей публики.

Он был одет в белую чоху, перетянутую белым кожаным поясом, на ногах — белые же чувяки и местэби, на поясе висел кинжал в белом кожаном чехле с рукоятью из слоновой кости, слоновой же кости газыри украшали его грудь. Этот изысканный наряд очень шел к его молодцеватой стройной фигуре, к его красивому лицу.

Женщины не сводили с юноши глаз. Весь его вид и выражение его лица говорили о том, что в жизни ему все сходит с рук, что он создан для одних наслаждений и занят лишь тем, как бы доставить себе удовольствие.

Неожиданно он остановился перед киоском шампанского — в этот момент у прилавка никого не было. Подойдя к Дагмаре, Мито заглянул ей в глаза.

— Гретхен, налей мне шампанского, — попросил он нежным, вкрадчивым голосом.

Дагмара наполнила бокал и, устремив на юношу сияющий взор, спросила с улыбкой:

— Почему же Гретхен?

— Потому, что... твои глаза цвета шампанского... и мечут искры, как это шампанское.

Ответ Мито Дагмара восприняла двояко — он и понравился и не понравился ей. А больше всего ее удивило это «ты». Откуда, почему? Они ведь незнакомы.

Мито немного отпил из бокала и сказал:

— Тебе, девушка, надо молитвенник держать в руках. Я похитил бы тебя с молитвенником вместе.

Дагмара возмутилась: так дерзко с ней не говорил еще никто. Она, хотя и с трудом, но твердо произнесла:

— О чем вы говорите? Какой молитвенник?

— А разве ты не помнишь Гретхен из «Фауста»?

В это время подошли другие девушки, окружили Мито, предложили каждая свой «товар». Им с одной стороны хотелось полюбоваться на прекрасного юношу, а с другой — заставить его раскошелиться.

— Так ты помнишь «Фауста»? — еще раз спросил Мито и на этом разговор прервался. Тут к нему подступили остальные дамы и девушки — и он оставил в киоске крупную сумму.

А Дагмара была охвачена каким-то странным чувством: она не понимала сама, что происходило с ней. Одно лишь ясно — этот необычайный, почти дерзкий разговор и особенно блистательная внешность Мито Павленишвили, все его повадки, произвели на девушку неотразимое впечатление. Что же удивительного в том, что она, впервые увидев такого юношу, потянулась к нему всем существом? Что это? У нее кружится голова? От чего? От разговора с Мито? А что было удивительного в его словах? То, что он сравнил ее с Гретхен? В этом нет ничего особенного, но вот то, что он сказал: «Я бы похитил тебя...» И как просто сказал! Словно в этом нет для них обоих ничего предосудительного. Но почему эти его слова «похитил бы» отдаются не только в ее ушах, но и во всем ее существе?

Она вспомнила Хвито. Разве тот не говорил с ней о любви еще более развязно и дерзко? Ведь и от его излишней Дагмара делается сама не

своя... А сегодня еще... Какой странный выдался день! Сегодня к баронессе пришел Волков—просить руки Дагмары, однако получил вежливый, но холодный отказ. А потом уже баронесса прямо объявила Дагмаре, что была бы довольна, если бы она вышла замуж за Хвито. И Дагмара внутренне подготовилась к этому. Хвито, конечно, не замедлит объясниться ей в любви, и Дагмара даст ему слово. Но, а сейчас что же случилось? Пришел незнакомый человек, князь Мито Павленишвили и... все как-то разом перевернулось. Она ведь и не знает его совсем. Ей лишь известно, что он — князь, племянник Бабо Павленишвили. Но ведь это еще очень мало. Одно лишь ясно: Мито лучше Хвито. Но чем лучше? Или уже явился сказочный принц Дагмары?

Девушка уступила свое место подругам и задумчиво села в сторонке.

В это время в зале зашептались: «Губернатор приехал, губернатор приехал». Встречать губернатора вышли губернский маршал с супругой и другие почетные лица города и провели его в концертный зал. Народ стал рассаживаться по местам, и занавес поднялся.

Славский вместе с актрисой-любительницей очень живо разыграл водевиль Чехова «Медведь». Публика во главе с губернатором смеялась до упаду.

В антракте губернатор обошел все павильоны и в каждом оставил изрядную сумму. Не вошел он лишь в избушку гадалки. «Здесь стоит целая очередь, и я могу помешать», — решил он. Окружающие поняли, что губернатор поостерегся войти к гадалке из опасения, как бы та не сказала ему какую-нибудь вольность политического характера, а, как известно, гадалке, по особому ее положению, такая вольность разрешается.

На эстраду, согласно программе, вышли по очереди певцы, декламаторы и пианистка Павленишвили. В заключение местный вокальный хор исполнил грузинские народные песни. Как раз в этот момент — было уже двенадцать часов ночи — в кулуарах раздался громкий разговор.

Многие выглянули из зала. Говоривший был известный своей заносчивостью имеретинский князь Чиджавадзе. Стоя среди группы гостей, он с возмущением говорил:

— Невозможно дальше терпеть это, господа! Я сейчас только из театра, где Ладо Месхишвили поставил ужасную пьесу «Кай Гракх». На сцене как будто действуют древние римляне, но чем они занимаются? Ругают и поносят привилегированные сословия, призывают отобрать у них земли и передать их плебеям. Это же призыв к бунту!

Разговор, перешедший в крик, дошел до слуха публики, сидевшей в зале. Многие вышли в вестибюль. Всполошился и губернатор. Он вызвал к себе чиновника особых поручений и приказал ему узнать, в чем дело. Войдя в вестибюль, чиновник увидел: вокруг Чиджавадзе собралась довольно большая толпа, а сам он кричит:

— Вот уж не знаю, на что смотрит наша администрация? Или у нас нет хозяев?

Чиновник вежливо призвал князя к порядку, и тот, уже несколько сдержаннее, стал объяснять причину своего возмущения. Чиджавадзе сказал, что во время спектакля в театре погас свет, а когда зажегся снова, вся зала оказалась засыпанной прокламациями. В этот момент, якобы для успокоения публики, на сцену вышел Ладо Месхишвили и произнес краткое слово, в котором призывал народ к восстанию. На его слова народ ответил пением «Марсельезы». Так открытой демонстрацией и закончился этот «возмутительный» спектакль.

— Меня удивляет, на что смотрит наша администрация! Выходит, у нас тут, в самом центре, подвизается крамольник!

— Кто же это? Кто? — спрашивали окружающие.

— Вообразите, наш любимый, наш талантливый Ладო Месхишвили!

— Ах, нет, нет, это невозможно!

Дамы добавляли:

— Не может быть! Наш душка Месхиев?

— А прискорбнее всего то, — добавил Чиджавадзе, — что когда этот Месхишвили был серьезно болен, наши князья и дворяне собрали для него деньги, послали его лечиться за границу, помогли ему встать на ноги. А теперь, возвратившись, он призывает народ к бунту.

Снова раздались восклицания протеста и возмущения.

Губернатор не утерпел и вышел сам узнать, что случилось. За ним последовал известный своей жестокостью жандармский полковник Рунич. При их появлении все умолкло. К губернатору подошел посланный им сюда чиновник и в двух словах доложил о случившемся в театре. Губернатор потребовал полицмейстера. Тот сидел в это время в буфете и тотчас же явился на зов начальника.

— Что это за безобразие! Что произошло в театре? — напустился на полицмейстера губернатор.

— Я... я... — растерялся тот, — меня там не было в этот момент, ваше превосходительство.

— Вижу по вашему лицу, где вы были, — и губернатор пристально поглядел на сизо-красный нос полицмейстера.

— Следуйте за мной!

Губернатор принес извинения хозяйке, сказав, что вынужден уехать по делам службы и, в сопровождении полковника, вышел из зала. За ними следовали полицмейстер и чиновник особых поручений. Участковые надзиратели, стоя в дверях, вытянули руки по швам.

Весть, принесенная Чиджавадзе, крайне взволновала общество. Разбившись на группы, собравшиеся обсуждали случившееся — одни горячо, другие сдержанно. Иных интересовала судьба Месхишвили: будет ли он наказан властями за сегодняшней поступок. Хозяйке пришлось проявить немало умения и такта для того, чтобы снова ввести вечер в свое русло.

В это время к обществу присоединилась публика, пришедшая из театра. Вновь возникли споры вокруг интересовавшего всех инцидента. Приехал Вамех и, оживленный, с загоревшимися глазами, стал рассказывать Бабо Павленишвили обо всем, виденном в театре: он был восхищен демонстрацией народа, поведением Месхишвили, «Марсельезой» — и вполголоса делился впечатлениями с любимой женщиной. Та, видимо, разделяла его восторги — и оба имели вид молодых влюбленных, захваченных, помимо личного чувства, какой-то большой общественной проблемой.

46.

Наконец, на вечере появился один из самых видных представителей кутаисского общества, писатель Георгий Шарвашидзе.

В паре с ним хозяйка вечера открыла бал полонезом. Полонез сменился вальсом, вальс — мазуркой. После котильона кое-кто отдал дань только появившемуся тогда в Кутаиси модному танцу — танго. Мито Павленишвили был душой и вдохновителем бала. Он прошелся с Дагмарой в вальсе и, шепнув ей на ухо несколько ласковых слов, учтиво полвел ее к киоску, а сам, скользя, устремился в соседнюю комнату и юркнул в избушку гадалки.

Та, с маской на лице и картами в руках, уже занималась своим делом. При виде Мито она крикнула:

— Это вы, князь Мито! Пока не входите, — и указала глазами на сидевшую перед ней клиентку — жену кутаисского купца, довольно красивую женщину в грузинском головном уборе. Однако при появлении Мито женщина тотчас же встала и, бросив гадалке: «Наведаюсь попозже», вышла, красная, как бурак.

Гадалка тотчас же сняла с лица маску.

— С тобой могу обойтись и без маски, не так ли, милый князь?

— Само собой, разумеется, госпожа Атато, — передо мной тебе не зачем скрываться, да и я пришел к тебе совсем не за гаданьем. Мне нужна твоя помощь.

— Если я что в силах, дорогой!.. Знаешь сам — для тебя не пожалую жизни.

— Ну так сделай одолжение! Но только... скажи, отчего покраснела та особа?

— Ха, ха! — коварно усмехнулась Атато. — Это ее тайна! Другому не скажу, но тебе, пожалуй, можно.

— Ого, это интересно! Она недурна...

— Это жена одного здешнего купца, влюбилась в Пухули...

— В кого?

— В Пухули Дадиани... И мается, бедняжка, муж ее — неповоротливый пень, и все же ей не удается обмануть его. Теперь вот прибегла к моей помощи...

— Ну, ты, известно, — тетка всего околотка. Ты здесь только гадаешь или обделываешь такие дела?

— Конечно, гадаю, родимый, гадаю, как могу! Сам видишь — вот лобно, вот карты — и этим обманываю людей, но ее мне жаль.

Мито рассмеялся:

— А почему меня не жаль?

— Но ты не говоришь, что тебя беспокоит.

Мито принял серьезный вид:

— Я должен похитить Дагмару.

Услышав эти слова, гадалка подскочила, как ужаленная:

— С ума можно сойти!

— Не волнуйся! Это решено, и если Дагмара не станет моей, я не знаю, что сделаю!..

— Да ты сумасшедший! Дагмара же — ангел невинный!

Жестокая усмешка скользнула по лицу Мито.

— Ангела как раз и надо просветить, а то такие ведьмы, как ты, сами достаточно умудрены жизнью.

— Злодей, как есть злодей! Что это ты задумал, озорник? — и Атато, улыбнувшись, слегка шлепнула юношу по щеке.

— Шлепай, сколько хочешь! — уже совсем просто сказал Мито. — А Дагмару я должен похитить сегодня же ночью...

— Зачем, почему? Какая нужда тебя заставляет? Ты же князь, к тому же состоятельный, проси руки — и тебе не откажут.

— Что я, дурак — просить руки? Я жениться не собираюсь.

— О, смерть моя, что я слышу! Креста на тебе нет. Умоляю, не говори мне таких вещей.

— Какие разговоры! Ты должна помочь мне, Атато! Знаешь сама, отблагодарю со всей щедростью. А нет, так... помимо прочих своих грехов — вспомни-ка ограбление почты...

Атато возопила в душе: «О, боже, боже, и это знает, окаянный!»

Мито безжалостно продолжал:

— Ты тогда случайно уцелела... сумела замести следы. Но теперь я донесу, и тебе не миновать темницы.

При этих словах Мито гадалка вся скорчилась. Она и впрямь была однажды соучастницей ограбления почты — хранила у себя добычу разбойников и сама вдосталь поживилась награбленным. Атато пришла в очень скверное настроение. Видя, что выхода нет, она попыталась попроситься на жалость:

— Мито, голубчик, разве я могу помочь тебе?

— Можешь. Ты отправишься сейчас же к своему дяде в Маглаки и приготовишь все для Дагмары. Фаэтон найму я, а вот и деньги, — и Мито бросил на прилавок несколько червонцев, — это так, на расходы, ну, а за услугу озолочу.

При виде червонцев у Атато алчно заискрились глаза, но она все же продолжала скулить:

— Э-э, Мито, Мито, за плохое дело ты взялся! Ежели бы ты замуж ее брал, еще куда ни шло...

— Это тебя не касается! Делай, что тебе говорят — отправляйся в Маглаки и...

— Ты погубишь меня! Упаси бог, узнают, что я помогла тебе... Вся родня Дагмары, сама баронесса... Женщина до Петербурга достигла, шутка ли! Что ты говоришь, Мито! Ты толкаешь меня в яму и губишь себя.

— И это не твоя печаль! Но тебе, спрашивается, зачем погибать? Сегодня ночью уйдешь незаметно с бала, а завтра утром будешь у себя дома — кто что узнает? Да ну, полно, будет тебе, голубушка, такие ли ты еще дела обделывала!

— Ну ладно, Мито, скажем, я согласилась, но ведь уйти-то сейчас мне нельзя. Ведь эту избушку я до ужина оставить не могу — заметят. И неудобно, если за ужином меня не будет.

— Да нет, Атато, кто же говорит — оставить избушку сейчас? Посиди здесь до срока, кончай все свои дела, а потом... Прошу тебя, умоляю, Атато! — теперь уже Мито стал умолять гадалку. Он положил ей голову на грудь и легонько потрепал по щеке.

Было решено, что Атато, окончив здесь свои обязанности гадалки, отправится к своему дяде в Маглаки, а вслед за ней туда же приедут на фаэтоне Мито с Дагмарой.

47.

Между тем, князь Чиджавадзе продолжал возмущаться и бушевать, но теперь уже по новому поводу:

— Нет, поистине, вырождается наше дворянское сословие!

— А что случилось, князь? Из-за чего так гневаетесь? — спрашивали его.

— Помилуйте, как же не гневаться: только что я был в буфете — наши молодые князья сидят за столом, а посреди — в белой чохе восседает извозчик Мелиа. Извозчик, он, конечно, исправный, но...

— Там, видно, Мелиа угощает — и потому.

— Но как же это так, молодые люди? Кутить в компании с извозчиком? Да еще в дворянском клубе? И как его вообще впустили сюда? Я совсем голову потерял, ей-богу! В театре — бунт, здесь, на пиру, сидят проходимцы. Где же маршал, наконец? — и Чиджавадзе отправился искать губернского маршала. А некоторые из гостей отправились в буфет поглядеть хотя бы одним глазком на компанию Мелиа.

Там за обычной пирушкой сидела группа молодых людей. Никто не

кричал, не гремел — все чинно попивали вино из маленьких стаканов. Видимо, тамадой был сам Мелиа — он провозглашал тосты и смешивал молодежь остротами. Широкоплечий, осанистый, с длинной каштановой бородой, в белой чохе с архалуком — он, поистине, представлял импозантное зрелище.

Мелиа заметил, что люди приходили смотреть на него, — и усмехнулся себе в ус. В это время наискось от стола прошла хозяйка вечера. Извозчик встал и громко обратился к ней:

— Прошу прощения, княгиня, но должен беспокоить вас.

Хозяйка остановилась. Мелиа продолжал:

— Я вижу, кое-кому не нравится мое присутствие. Я, правда, извозчик и обслуживаю вас, тем не менее, имею право войти в этот клуб. Это, госпожа княгиня, наш городской клуб и открыт не для одних только князей и дворян. Но, если вы прикажете, я сейчас же...

— Нет, дорогой, — мягко ответила хозяйка вечера, — сидите, сидите!

— Я, княгиня, понимаю, — продолжал Мелиа, — это благотворительный вечер и хочу внести свою лепту в доброе дело. Но ежели это кого оскорбляет...

— Да нет, нет, кто вам сказал, сидите, пожалуйста! Только, ради бога, не спаивайте мне молодежь, — с улыбкой добавила жена маршала.

— Нет, нет, княгиня, не беспокойтесь! — отозвались уже сами сотрапезники Мелиа.

Публика, разбившись на группы, заговорила снова. О княгине говорили, что она женщина либеральная, а кое-кто утверждал, что Мелиа — хоть и извозчик, но сам дворянского происхождения...

Волков, узнав о случившемся, язвительно заметил стоявшим рядом русским чиновникам:

— Вот вам привилегированное сословие! Вот вам грузинское... — ха-ха! — доблестное дворянство!

Но на его слова мало кто обратил внимание.

Выждав немного, Волков подошел к Дагмаре и пригласил ее на мазурку, но та ответила, что уже приглашена. Волков, однако, не отстал. Он напомнил ей, что уже получил отказ, когда просил ее руки, — и снова стал настоятельно приглашать ее на мазурку. Дагмара отказала наотрез.

Такой же отказ получил от нее и Хвито. Тот даже растерялся от изумления. Он лишь заметил, что Дагмара была сама не своя: она улыбалась, вежливо отвечала на все вопросы, но мысль ее, видимо, витала далеко. Но вот неожиданно перед ней вырос Мито — и она без слов пошла танцевать с ним.

Хвито пришел в еще большее изумление. «Неужто это он? — недоумевал студент, — быть не может! Они даже не знакомы толком. Да и разве он ей пара?» — силился понять, что произошло, сбитый с толку Хвито.

48

За кулисами сцены собрались Трофим Голубенко, Серго Челидзе и черноглазый мальчик лет двенадцати—тринадцати. Взрослые, о чем-то посоветовавшись, указывали мальчику на хоры зала:

— Ты подынешься туда и когда настанет время, сделаешь свое дело.

В этот момент к ним с портфелем в руке подошел работавший в группе Трофима и Челидзе рослый, плечистый Далакишвили. Он сказал с веселым смехом:

— Все экземпляры прокламаций, уцелевшие сегодня в театре после облавы, находятся здесь, — и Далакишвили хлопнул рукой по портфелю. Потом спросил: — За ужин не сядились?

— Нет пока.

Было решено: когда сядут ужинать, Трофим погасит свет во всем здании, и в это время Далакишвили, Серго и маленький мальчик сбросят в зал прокламации.

— Я буду не я, если не швырну прокламации губернатору в самый нос! — уверял Далакишвили. Узнав, что тот «изволил отбыть», он огорчился, однако намеченное дело отменено не было.

Бросать листовки им никто не поручал. Мысль об этом возникла только сегодня, когда в опустевшем театре были срочно подобраны оставшиеся прокламации.

49

Желающих остаться на ужин оказалось много. В зале был накрыт большой стол, в прилегающих комнатах — отдельные столы.

Хозяйка радовалась обилию гостей — значительная часть дохода от ужина тоже шла на благотворительные нужды.

Гости стали рассаживаться. Одни уже облюбовали себе места, другие искали членов своей компании, чтобы сесть вместе за ужин. Вокруг столов происходила настоящая толчея.

Как раз в этот момент к хозяйке вечера незаметно подошла Атато и, отведя ее в сторону, попросила принять деньги, вырученные ею от гаданья.

Хозяйка удивилась:

— Куда ты? Что за спешка такая?

— Мне надо идти...

— Почему?

— Потому что меня узнали, а я многим сказала такие вещи, что боюсь — меня не пощадят.

— Да что ты, милая! Стоит ли обращать на это внимание! Все же знают, что ты шутила.

— Нет, княгиня, сегодня ночью мне здесь быть нельзя.

— А ужин?

— Вот как раз ужинать и не могу остаться. Прошу вас, получите деньги и отпустите...

Хозяйка сделала еще одну попытку уговорить Атато, сказав, что будет нехорошо, если ее не увидят за столом. Ведь все равно завтра будет известно, что гадалкой на вечере была она. Но о завтрашнем дне Атато не думала — лишь бы сегодня убраться поскорей. Хозяйке ничего не оставалось, как согласиться.

У лестницы гадалку нагнал Мито. Он вышел за ней на улицу, помог сесть в фаэтон, поцеловал ей руку и отпустил с богом в Маглаки. Потом Мито вернулся в зал, отыскал Дагмару и сел рядом с ней. Возле баронессы сели Беги и Марина, а против них поместились Вамех и Бабо.

В центре большого стола восседал губернский маршал, по одну сторону от него — командир Куринского полка Подполковников, по другую — вице-губернатор барон фон Брюген. Маршал хватился Георгия Шарвашидзе, но ему сказали, что писатель ненадолго отлучился, пообещав скоро вернуться.

Маршал понял, в чем дело. Обычно во время официальных собраний первый тост, как правило, поднимался за здоровье императора. Георгий Шарвашидзе не желал пить за здоровье царя и потому вышел.

Хозяйка некоторое время сновала вокруг стола, возглавляемого ее мужем, потом обошла меньшие столы. Ее наперебой приглашали, но она отказывалась сесть — ей предстояло еще принять выручку от павильонов и киосков.

Слышался сдержанный гул, раздавался звон посуды, стук ножей и вилок, время от времени в воздухе звенел женский смех.

За главным столом тамадой, по предложению маршала, был избран князь Чиджавадзе. Грянул гром приветствий — гости по очереди встали и, подняв стаканы, поздравили избранного тамаду. После этого официанты во фраках и белых перчатках стали обносить гостей вареной рыбой, заправленной уксусом с киндзи.

Чиджавадзе приступил к исполнению своих обязанностей. Он предложил сидевшим за маленькими столами выбрать своих руководителей с тем, чтобы те поддерживали контакт с главным столом.

Мало по малу вино стало оказывать свое действие. Разговор сделался громче, все чаще раздавался мужской хохот и серебристый женский смех.

Мито продолжал нашептывать сидевшей рядом Дагмаре ласковые речи. Время от времени, незаметно от других, он обвивал рукой ее стан — Дагмара вся вспыхивала, однако особого сопротивления ему не оказывала.

Но вот в разговоре Бабо и Вамеха Мито уловил слово «мудрец». Он усмехнулся и сказал Дагмаре:

— Ха, ха! Мудрец — это я, потому что я лучше всех постиг право переступать законы общественной морали. Надо только улучшить для этого время и место.

Юноша был уже сильно возбужден — ему не терпелось поскорее осуществить задуманное. Он выжидал, наблюдал за столами: гости, повидимому, еще не вполне захмелели, кое-кто мог заметить намерение Мито и помешать ему.

Что же касается Дагмары, то юноша был уверен — она покорилась ему вполне и не окажет никакого сопротивления. Он все надеялся, что кто-нибудь затеет во время ужина танцы — и тогда, под шумок, ему легче будет осуществить свой план.

50

Но что это? За одним из крайних столов вдруг вспыхнул громкий разговор. Гости оглянулись в ту сторону, однако особого внимания на разговор не обратили.

За столом сидели четверо: Волков, Славский и два чиновника — оба русские. Они спокойно сидели и спорили — хотя и громко, но безо всякого намека на ссору или перепалку.

Славский уверял Волкова:

— Вы, видимо, еще не знаете грузин. Как можно говорить, что они — дикари!

— А вы, я вижу, слишком уже освоились здесь, и потому видите все не в том свете, — продолжал, хоть и не совсем уверенно, настаивать на своем Волков.

— Ага, вы хотите сказать, что я тоже одичал? — сказал задетый за живое Славский. — Воля ваша. Но то, что я говорю, вовсе не чье-либо воображение, а живая действительность, факт. Культура грузинского интеллигента сказывается, между прочим, в том, что по знаниям и подготовленности он мало чем отличается от русского интеллигента.

— Да полноте, будет вам! — Волков резко бросил вилку на стол. — Не надо хватать через край.

— Я и не думаю хватать через край, — горячился Славский, — мне только неприятно, что у иных русских создается неправильное представление о грузинах, а у некоторых грузин о русских.

— Велика важность, если у здешних туземцев сложатся какие-то свои представления о русских! — продолжал Волков.

— Не говорите этого, господин Волков! Грузинская интеллигенция высоко ценит ум и достижения русской интеллигенции, лучшие представители грузинского общества — Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Нико Николадзе и многие другие считают себя учениками русских мыслителей. Вам, должно быть, известно, что грузины прямо боготворят Пушкина и Лермонтова.

— Послушайте, как слаженно поют! — заметил один из русских чиркорников.

Из большого зала доносились торжественно-стройные раскаты грузинского «Мравалжамиер».

Неожиданно во всем здании погас свет, и комнаты погрузились в глубокий мрак.

Вначале раздались лишь возгласы удивления, потом в воздухе послышался шелест бумаги, а когда отдельные листы упали на лица и плечи иных дам, своды зала огласились истерическим криком. Все повскакали из-за столов.

Там и сям чиркнули спичками, но общий мрак рассеять не удалось. При слабом свете можно было лишь различить людей, беспорядочно сновавших вокруг столов, да большое количество прокламаций, валявшихся на полу, на столах и стульях.

Князю Чиджавадзе попала в руки одна такая прокламация.

— Вот, господа, до чего дошла наглость наших социалистов! Даже сюда, на собрание дворян, закинули они прокламации. Теперь только не хватает, чтобы здесь выступил какой-нибудь оратор и открыл митинг.

В этот момент свет снова зажегся. В зале царил полнейший беспорядок. Многие уже не сидели на своих местах. Лишь маршал, баронесса с Мариной и Беги, да Вамех с Бабо не тронулись с места. Иные из дам попадали в обморок и благо еще, что были приняты в объятия своих близких.

Многие очутились среди незнакомых и теперь разыскивали своих. Люди кричали, окликали друг друга, некоторые куда-то исчезли.

Не видать было и Мито с Дагмарой.

Вначале на это не обратили особого внимания. Маршал постарался успокоить собравшихся и предложил им продолжать ужин.

Славский оставил сотрапезников и отыскал за кулисами Трофима и его товарищей.

— Молодцы, ребята, молодцы! — похвалил он их.

Трофим, смеясь, стал отрицать: мы-де ни при чем, но Славский догадался, что «вылазка» с прокламациями была делом рук Голубенко и его друзей.

— Марш отсюда! — приказал он молодым людям. — Вы тут в себе не дуετε, а вас очень легко могут заподозрить.

Славский был прав: представление давно кончилось, декорации могли быть тотчас же убраны, чего же Голубенко и его друзья еще околачивались здесь?

Они не преминули исчезнуть. Но Трофим, уходя, немного задержался.

— Вы что-то не в духе, Лев Борисович, — сочувственно сказал он Славскому.

— Эх, Трофим Иванович, сейчас я встретил тут одного зубра... Та-
кой хоть кому испортит настроение.

Голубенко забеспокоился:

— А вам он может повредить чем-нибудь?

— Мне-то ничем, но вообще обидно, что такие еще водятся в рядах нашей интеллигенции.

— Знаю, знаю, Лев Борисович. Но эти субъекты, в сущности, не страшны нам. Вы знаете — мы, рабочие, русские и грузины, живем и действуем, как одна дружная семья, и партийная интеллигенция хоть и состоит из разных народностей, а делает одно дело. Вы не унывайте, Лев Борисович! — добавил со свойственным ему веселым смешком Голубенко и отправился восвояси.

В это время на лестнице началась беготня, по залу и комнатам стали искать кого-то.

На вопрос «кого ищут?» отвечали, что из зала исчезла дочь баронессы фон Иксуль, молоденькая Дагмара.

Все были в смятении, не знали, что думать и говорить. Разумеется, не все приняли близко к сердцу это событие, однако исчезновение красавицы-девушки поразило всех, как сенсация.

Позже всех взволновалась мать Дагмары — баронесса, да и то лишь после того, как Марина и Беги осмотрели углы и закоулки клуба и нигде не нашли девушку.

Беги тотчас сообразил: Дагмара сидела вместе с Мито, и тот мог, воспользовавшись наступившим мраком, увести девушку насильно. Дагмара могла и кричать, но в общем гуле кто бы услышал ее крики?

Беги поделился своей догадкой с Мариной и решил бежать вдогонку за похитителем — последний, вероятно, увез девушку куда-нибудь в гостиницу. Однако Марина отговорила Беги:

— Не думаю, чтобы Дагмара была похищена силой. А если это произошло с ее согласия, то она уже совершеннолетняя, и наше вмешательство делу не поможет.

Беги тотчас же согласился с доводом невесты. Ее мнение с некоторых пор сделалось для него своего рода законом.

Охотников преследовать похитителя оказалось много, но самое большое рвение проявил при этом Хвито.

Это и не удивительно: лишившись Дагмары, он лишился огромного приданого, большой служебной и светской карьеры. Хвито был уверен, что баронесса позаботится о нем лишь в том случае, если он станет ее зятем. Вот почему наш студент прилагал столько усилий — бегал, спрашивал, допытывался и первым узнал, что в момент, когда в здании погас свет, Мито и Дагмару видели выходящими из дверей клуба. Извозчики, стоявшие у входа, видели и то, что оба — он и она — сели в фаэтон Карабаха и уехали.

Эту весть принес Хвито непосредственно баронессе.

Ее уже окружали люди и, помимо общего утешения: «Не беспокойтесь, найдется» — никто ничего сказать не решался; всем своим видом Минадора как бы говорила окружающим: «Я не нуждаюсь в ваших утешениях». Внутренне же она была очень взволнована — сердце подсказывало ей, что Дагмара исчезла неспроста, что эта история добром не кончится. А после известия, принесенного Хвито, она расстроилась вконец — и могла лишь произнести:

— Ах, боже мой!

Ее теперь окружила целая толпа. Большинство советовало обратиться к помощи администрации. Особенно настаивал на этом Чиджавадзе.

— Поверьте мне, баронесса, надо обратиться к губернатору. Он отдаст распоряжение — и оба они, как миленькие, прибегут сюда.

Но баронесса отрицательно покачала головой.

Тогда Чиджавадзе бросился к маршалу, прося его принять меры, обратился и к князю Шарвашидзе, но те отнеслись к его просьбе без особого сочувствия.

Георгий Шарвашидзе заметил:

— Все в порядке вещей. Молодежь должна перебеситься.

А маршал добавил:

— По молодости лет случилось. Ничего возмутительного я в этом не вижу. Они обвенчаются, и все завершится к общему благополучию. Только жаль, что юноша не догадался посвататься в мирном порядке, — никто бы ему не отказал. Но, повторяю, всему виной — молодость. «То сил избыток, то кровь кипит».

— Об этом хорошо сказал и Акакий Церетели, — ввернул Георгий Шарвашидзе:

«То кровь играет молодая, и в сердце трепетном звенит»

Подле баронессы стояли близкие — Бабо Павленишвили, Марина, Вамех и Хвито. Здесь же находились супруга маршала и другие знакомые дамы. По сторонам слышался хотя и приглушенный, но оживленный разговор, а в этом кругу царило тягостное молчание.

Баронесса сидела, облокотившись о стол и низко склонив голову, видимо, погруженная в тяжелую думу.

— Я виновата, я виновата во всем! — говорила она. — Не сумела я воспитать свою дочь, как следовало. Слишком баловала и нежила ее и вывела в свет совершенно неподготовленной. Она росла у меня на французских романах. А вообще — она невинное дитя, ничего не смыслящее в жизни, лишенное самостоятельной мысли, желания. Сегодня, когда я сказала ей о Хвито, она не возразила мне — согласилась. А теперь? Теперь появился красавец Мито, и вот вам... О, боже, боже мой!

Баронесса почувствовала, что теряет сознание. В мыслях у нее мелькнуло еще раз: «Плохо я ее воспитала, плохо!» — и она без чувств склонилась на плечо сидевшей рядом Марины.

(Окончание следует)

Новые
СТИХИ

Тбилисский орнамент

Перевод с грузинского А. Межирова

Люблю твои балконы и мосты...
Но иногда представлю вдруг, что ты
Со мной повздоришь —
и вцепляюсь в корни
Твоих чинар, толпящихся в саду;
И твой туман над крышами пряду,
Траву в горах кошу еще упорней.
На мне с рожденья тень твоя и свет
И на рубашке сердца
виден след
Твоей иглы и твоего наперстка.
Я — современник твой и ветеран,
В душе не гаснет боль крцанисских ран,
Геройски бьется арагвинцев горстка.
Я жил твоей победой и бедой,
Смывал обиду серною водой,
И волю не давал
страстям угрюмым.
А в дни моей усталости, тайком,
Ты подносил мне чашу с молоком
И потчевал меня своим изюмом.
Сияньями Мтацминды просветлен,
Я постигать учился ход времен, —
Твою мечту от сердца не отрину,
Шаги, не подчиненные судьбе,

Я соразмерил
с думой о тебе
И замесил твою крутую глину.
К закату дня ты озарил мой путь,
Помог в горах лавины оттолкнуть,
Поднять в долинах целину и залежь.
В награду за орнамент на стене
Ты радугою подаришь завтра мне,
Как подарил зарю свою вчера лишь.

Древняя Мцхета

Перевод с грузинского А. Тарковского

Мцхета, Мцхета, Грузии основа!
Слаблю я приход ее весны,
Я по крови ей родня — и снова
Розы и знамена взнесены.
Здесь мотыга первого грузина
Грянула, как первая гроза,
И срослись — крест-накрест воедино
Дева и нагорная лоза.
Жар, что нес мой пращур на ладони,
Оживлю дыханием одним.
Здесь очаг мой на кременном склоне.
Здесь огонь. Здесь первозданный дым.
Мы — сыны минувших поколений —
В помыслах бесстрашны и чисты,
Как ветвисторогие олени,
Мы трубили с этой высоты.
Наше пламя ветер гор колышет,
Тьму веков мы грудью рассекли.
В саркофаге полководец дышит.
Слышен звон меча из-под земли.
И мое, как след резца на камне,
Уцелело в бурях бытие:
Мцхета нежной матерью была мне,
Да святится сок лозы ее!

*
* *

Перевод с грузинского О. Ивинской

Двадцать лет мы шли с тобою вместе —
Значит, столько пройдено дорог!
Завсегдатай городских предместий,
Приходил к нам ливень на порог...
Ливень, ты свершил большое дело:

Сплетни, зависть смил своей водой,
И в моих руках ты уцелела
Прежнюю лозою молодой.
Для своих есть общая примета —
Двух колец сплетенных полоса.
Что ж, в твоих глазах лучи рассвета,
У меня же — снег на волосах?
Время все проходит, ну и что же?
Так же ты седлаешь мне коня,
Так же годы на горы похожи,
И идем по ним мы день от дня.
Возрастной жирок брезгливо скину, —
Как стареть, пока ты не стара?
Я дождусь сперва твоих сединок,
А потом, пожалуй, и пора.
Мне с тобой день ото дня спокойней,
Сон послеобеденный мой тих.
И Кура, как гостья, на балконе
Застает все так же нас двоих.
Оба мы все пишем понемногу —
Я стихи, ты письма... Не шути!
И не раз мы выйдем на дорогу
И друзей окликнем по пути.
Вместе нам не будет тесно очень,
Если площадь — лишь ладонь моя.
Мне твое дыханье в звездной ночи
Кажется дыханием ручья.
Я бы мог рубить тебе поленья,
Для тебя охотиться в горах,
Ждать тебя на улице в волненье,
Каждый раз испытывая страх.
Но сама ты ждешь меня с тревогой
У окна, при легком ветерке
Смотришь вопросительно и строго:
Как бы не простыл на сквозняке!
Осторожней проходи над кручей,
Собирая звезды и цветы...
Колокол любви моей могучей
Громче с приближеньем темноты...

Алчи

ДРАМА

Перевод с грузинского П. Антокольского

Ты русло в тесных скалах вырыла,
 И мчишься вниз, ища работы,
 И блещешь белой пеной, Дзирула,
 А в скалах слышен отклик: «Кто ты?»
 Кому же там, в горах неистовых,
 И откликаться, как не другу, —
 Он бурку разостлал на выступах,
 К тебе невольно тянет руку.
 И если этим волнам пенистым
 В теснине трудно уместиться,
 То и моя людская песня там —
 Все той же ярости частица.
 И ты напомнила мне заново
 Тот дальний край, тот вольный ветер,
 Где у предела перевозданного
 Я сам тебя впервые встретил.
 А ты полна все той же удали,
 Все той же молодостью дышишь,
 И это, Дзирула, не чудо ли, —
 Сама стихи мои допишешь.
 Была здесь где-то рядом, около,
 Скала — стоянка птичьей стаи
 И рыже-красным цветом трогала
 Мне сердце, издали блистая.
 Наверно, стоит приглядеться мне
 К знакомой этой смутной тени, —
 Напомнили бы тут же детство мне

Ее неровные ступени.
Река моя, ты тоже вспомнила,
Как некогда со мной венчалась,
Но дерзкой прелести исполнена,
Не задержалась и промчалась.
Ты милым некогда звала меня,
Ты до меня неслась в кипенье,
В девятьсот пятом, в алом пламени,
Под тем мостом висячим, в пене.
Мой отчий дом, огнем обугленный,
Остался там, на красных скалах.
Там, острой саблею зарублены,
Зарубки есть. Я отыскал их.
Скала все тем же алым отблеском
Громаду горную венчает.
Мертва скала, но кликом доблестным
Мне по-грузински отвечает.
Она нежданно привлекла меня
В далеком городе, и снова
Лег красноватый отблеск пламени
На грани мрамора резного.
Он был в метро уложен плитами.
Его лучи едва коснулись —
То день вставал над знаменитыми
Просторами московских улиц.
И то не я, а мрамор чувствовал,
Как сердце бьется человечье,
Как будто некогда присутствовал
На нашей юношеской встрече.
Он вспомнил Дзирулу-ровесницу,
Сверкающую пенным лоском,
Пока я брал с разгона лестницу
В рассветный час в метро московском.

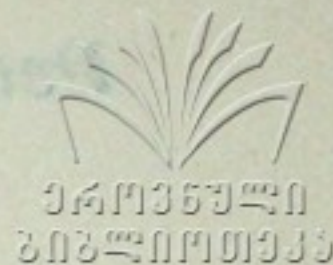
Панорамник

Перевод с грузинского П. Антокольского

Земля в былые, юные века
Казалась бы нам мертвой и бездушной.
Поверь мне, что она была кротка,
И явное свидетельство послушай!

Когда среди ископаемых пород
Расколется иной обломок ветхий,
Тебя внезапно оторопь берет. —
Ты видишь отпечаток древней ветки.

Мерещится: она еще влажна
От утренней росы и ароматна.
Грудь каменного угля так нежна,
Так горяча, что жизнь пришла обратно..

Гора и папоротник-исполин
Любовь друг к другу, видимо, питали.
Порой в дыханье сказок и былин
Мы чуем отголосок той же дали.

Какой пожар испепелил их жизнь
И оборвал прощанье с ночью звездной?
Какая стужа ледяных крутиз
Навек окаменила их над бездной?

Какой росток ты в камне отыскал,
Какая здесь перейдена граница?..
— В пластах истленья, среди горных скал
Любовь тысячелетьями хранится!

Шесть ВЕСНЫ

Перевод с осетинского И. Волобуевой

Вот Красная площадь.
В бесшумном рассвете
Удары часов салютуют весне.
Незримой ладонью проснувшийся ветер
Проводит по древней Кремлевской стене.
И легкий снежок,
словно пух голубиный,
Прощаясь, кружится у теплых дымков.
Я — в центре планеты, где звезды-рубины
Сверкают, как в море огни маяков.
Шагает весна. У развесистых елей
Густеют зеленые иглы ветвей.
Я вижу: дороги, как нити артерий,
Вливаются в сердце Отчизны моей.
Как сабля в ножнах,
под степным небосводом
Красавица-Волга упрятана в лед;
Я слышу, как радио в шум непогоды
На «Мирном» весенние песни поет.
Я вижу заводы — уральских героев,
Я вижу оживший простор целины,
Мы пашем и сеем,
сажаем и строим
Под ленинским флагом Советской страны.
Я вижу ученого за аппаратом,
И верю, как он, в межпланетный полет,
Я вижу, как мирно работает атом
Во имя великого слова «вперед».

Лирические СТИХИ

Сыннишке, который будет

Хорошо...
Тревожно...
И не верится,
Что однажды сбудутся мечты,
Что однажды, постучавшись в сердце,
Властно о себе заявишь ты.
Странно как...
И ново вечно-вечно,
Хоть извечно повелось вокруг,
Что частичка сердца человеческого
Оживет
И улыбнется вдруг.
И с тех пор со мной и днем и ночью,
С каждым часом становясь родней,
Будешь ты —
Доверчивый комочек
Теплоты и нежности моей.
Трудно будет нам с тобой немножко,
Позаброшу лекции, кино.
Назовем тебя Сережка-ежка —
Это решено давным-давно.
Но каким ты будешь, мой Сережка,
Право, очень трудно предсказать.
Заведи-ка папин темный ежик
И мои зеленые глаза.
Будь таким, как папа, сильным-сильным,
И большим-большим,
До самых крыш!

Будь, как я, — упрямым и смешливым.
Словом, будь каким-нибудь, малыш!
Целый мир лови своей ручонкой —
Золотой,
 зеленый,
 голубой.

Только, чур, не окажись девчонкой,
А не то рассоримся с тобой.
Все стихи придется переделать,
Песни тоже пересочинить...
Подводить родителей не дело!
...Впрочем, будь девчонкой, так и быть.

Оправданье

Ты под сердцем его носила,
Берегла от простуд и зла.
Для того ль ты растила сына,
Чтобы я его увела?
Для того ли, тая тревогу,
Не спала в тишине ночной,
Чтоб по самым крутым дорогам
Он сегодня пошел со мной,
Чтоб в волненьях разлук и свиданий
О тебе он сумел забыть?
...Ты прости меня!
Оправданье —
То, что мне без него не жить.

О себе

Пульсом жизни секунды бьются,
Осыпаются дни за днями,
На себя хочу оглянуться
Посерьезневшими глазами.
Двадцать лет,
Двадцать весен прожито.
Я на жизнь свою не в упреке,
Пусть немного дорог исхожено —
Я дорог не искала легких.
Я искала позлее ветер,
Я искала тропы покруче,
Находила,
 теряла,
 верила,
Сомневалась,
 искала,
 мучалась.
Я неправды не говорила,

Я бралась за любое дело,
Если людям что-то дарила,
О подаренном не жалела.
Иногда ошибалась в дружбе,
Спотыкалась,
Вставала снова,
И искала не там, где нужно,
Для стихов звенящее слово.
...Жизнь, как книга, может раскрыться
И припомниться миг за мигом,
Но нельзя пережить страницу
И в конец заглянуть,
 как в книгу.

Если б все-таки оказалось,
Что прожить можно юность дважды,
Я б искала,
И ошибалась,
И писала стихи — вот так же.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

(Из этюдов „Моя деревня“)

Перевод с грузинского Б. Ларина

Леван вздохнул, закрыл глаза и снова принялся считать: «Девяносто восемь, девяносто девять, сто... сто один, сто два, сто три», — упрямо повторял он, но сон не шел.

«Говорят, на новом месте плохо спится, — подумал Леван. — Но ведь другие-то уснули — и Жужуна и дети... Они уснули, а я не могу. Не могу, не могу...»

«А мать так и не переехала в новый дом. Осталась одна... Может, тоже не спит. Может, что нужно, и никто ей даже воды не подаст...»

На все уговоры Левана, просьбы невестки и детей мать только улыбалась и качала головой: нет, нет, она не может уйти из дома, где скончался Юлон! Дай бог молодым счастья под новым кровом, она же останется там, где прожила всю жизнь... Бедная мама!

Леван понял, что заснуть ему не удастся, и сел, спустив ноги на пол.

Ему вдруг захотелось взглянуть на старый дом хоть издали, хоть с балкона. Он пошарил ногами, отыскивая ботинки, тихонько оделся и вышел на балкон.

Деревня спала крепким, предутренним сном. Голубели под луной черепичные крыши, поблескивала на листьях роса, возле дома белела еще не убранная куча щепок. Где-то вдали сонно лаяла собака.

В приземистом, чуть покосившемся, старом доме горел свет.

Леван удивился и, взволнованный, сбежал с лестницы.

Он торопливо шагал по седой от росы траве; широкие и темные следы тянулись за ним. К окну он подошел на цыпочках.

Мать, так и не раздевшись, сидела на тахте в глубоком раздумье

Казалось, она даже шепчет что-то про себя. По-видимому, она почувствовала, что сын где-то рядом, и перевела взгляд на окно.

«Не испугать бы!» — подумал Леван и отпрянул в темноту.

Осторожно прошел он на крыльцо — знакомо скрипнула под ногой половица — и уже с порога тихонько позвал:

— Мама!

Мать все же вздрогнула, но увидав сына, улыбнулась. Леван сел рядом:

— Почему не спишь? Нездоровится?

— А ты почему встал так рано? — спросила мать.

— Выспался уже, — солгал Леван и смутился под ее понимающим взглядом.

— А мне вот не спится, — сказала она. — Да и что удивительного? Вы все там, я — здесь...

— Мы же просили, умоляли...

— Нет, нет, не беспокойся, так лучше... На то и мать, чтобы бодрствовать. Я даже рада, что не удалось заснуть. Видно, так нужно: легче сердцу.

Леван засмеялся и обнял старушку.

— Мама! Моя хорошая мама! — повторял сын, глядя мать по седым волосам.

Они беседовали долго, вполголоса, не торопясь, потом Леван заставил её лечь и сел у изголовья, перебирая тонкие смуглые пальцы матери.

Она примолкла, и вскоре послышалось её ровное, спокойное дыхание. Леван тихонько встал, выпустил её руку и наклонился — прикрыть одеялом. И вдруг он улыбнулся какой-то внезапной мысли. Еще секунду колебался, потом осторожно взял мать на руки и тихонько пошел к выходу.

Светало. Трава чуть потемнела; словно обрызгивая купоросом виноградные лозы, ненароком залили и лужайку.

Мать заворочалась во сне. Леван, затаив дыхание, переждал. Нет, не проснулась. Она была маленькая, сухонькая, совсем легкая, и сыну казалось, что он чувствует лишь тяжесть материнского сердца. Нет, не тяжесть, а теплое, живое биение...

Он вошел в гостиную нового дома и опустил свою ношу на высокую никелированную кровать, прямо на цветастое шелковое покрывало. Потом снял с другой кровати одеяло и тихонько укрыл мать. Постоял немного у изголовья и вдруг почувствовал, как у него самого слипаются глаза. Он двинулся к двери, слегка шатаясь на ходу, и столкнулся с Жужуной.

— Там спит мама, — едва выговорил он.

Вскоре взошло солнце, проснулись дети, болтая и чему-то смеясь, выбежали во двор. Жужуна испуганно остановила их:

— Т-сс! Не шумите и не входите пока в дом: папа и бабушка еще спят.

Дети спохватились и, приложив палец к губам, стали шептать друг другу:

— Т-сс! Папа и бабушка еще спят...

А по саду пробежал свежий ветерок. «Т-сс! Т-сс!» — казалось, вторил он детям, обвевая стены залитого солнцем дома, в котором досыпали бессонную ночь убаюканные нежной заботой мать и сын.

ნათო ვაჩნაძე

Перевод с грузинского В. Шаламова

Я при жизни твоей не успел
Рассказать поэтическим словом
О тебе, и тебя не воспел
Похвалою и славою новой.

Эта смерть и обидна и зла.
Песнь моя, точно горе, тревожна.
Утешенья рука тяжела
И едва ли она осторожна.

Как запеть мне сегодня посметь,
Повторяя заветное имя,
Чтобы эту нелепую смерть
Вознести над смертями другими?

Я следил за твоею судьбой,
Но влюблен в тебя вовсе я не был.
Мне довольно, что вместе с тобой
Я глядел на тбилисское небо.

Я свидетель твоей красоты,
Красотой твоей город украшен
В этот день, когда медленно ты
Проходила по улицам нашим.

И тебя с твоей грозной судьбой
Кто из нас обречет на забвенье?

Смерть, и та, отступив пред тобой,
Не решилась предать тебя тленью.

Она молнией очи сожгла,
В легкий пепел глаза превратила,
Схоронить их в земле не могла,
Чтоб земля твои очи сгноила.

И тебя уже нет — говорят.
Но другая с твоей красотой
Твой поднимет взволнованный взгляд
И украсит наш город собою.

И у юной походка твоя,
Как твои, ее очи прелестны.
И сумеет такой же, как я,
Ей отдать свои лучшие песни.

И — да здравствует жизнь! Но зато
Те, кто явятся следом за нами,
О твоей красоте, о, Нато,
Только нашими вспомнят стихами.

Мы не можем пропеть о других,
Что чаруют всю Грузию снова.
Пусть другие поэты свой стих
Посвящают красавице новой.

НАШЕ ЯРМО

Перевод с грузинского В. Шаламова

Я поседел, да и ты поседела.
Время сказать нам друг другу одно:
Наше ярмо, что любовь нам надела,
Благословенно оно.

Юным бычком, не растратившим силы,
Смело впрягался я в нашу арбу.
Будем тянуть мы до самой могилы,
Жалоб ведь нет на судьбу.

Дружно везли мы арбу в Агзевани
И, когда лопнули ремни ярма,
Не потеряли друг друга в тумане.
Это ты помнишь сама.

Дела ведь много — срубают деревья,
Синий растят виноград.

Ширится, строится наша деревня,
Краше становится в тысячу крат.

Доски строгают для множества люлек.
Доски строгают и на гроба,
В дебрях и чашах средь грозного гула.
Двигается наша арба.

Шея в мозолях и стерты подковы
И в волосах заблестит седина...
Вот и арба запасная готова
И погреба для вина...

Кажется нам бесконечной дорога,
И в половине земного пути
Дети впрягаются наши — подмога,
Снова нам легче идти.

Впрочем, ведь им к своему Агзевани
Свой продолжать полагается путь,
Ради своих и надежд и страданий
Лямку придется тянуть.

Я им завидую даже отчасти:
Это мне твердо предвидеть дано —
Больше, чем нам, колыбелей и счастья
Детям в пути суждено.

Наше ярмо — это упряжь надежды.
Что нам морщины лица?
Старость забудем и честно, как прежде,
Нашу арбу повезем до конца.

Грузинский навивон

Перевод с грузинского А. Старостина

Я встал у двери хлебосолом,
Сюда идите, всем я рад:
С китайцем обнимусь веселым,
Казах мне близкий друг и брат.

Ты видишь Грузии просторы,
Апрельским солнцем край наш дышит,
Арагва, снеговые горы,
Дубы суровой Джихаиши.

Росой покрыты листья чая,
Лимон сверкает золотой,
Айва, как месяц, налитая,
Тростник с распущенной косой.

А там пшеница колосится,
Здесь — кукурузные усы,
Овец отара серебрится,
Вокруг неё — лихие псы.

Там закрома полны на диво,
А в квеври — доверху вина.
Лоза — ребенок шаловливый,
Все кверху тянется она.

Я встал у двери хлебосолом,
И я увидеть буду рад
Казаха в кахетинских селах,
Китайца средь хевсурских стад.

Когда пишу

Перевод с грузинского А. Старостина

Когда я пишу, о себе забывая,
Как факел, страна мне сияет родная.
Я ветер, летящий к моим берегам,
Я искра, взлетающая из очага,
Как Миндия, землю мою я лобзаю...

Когда я пишу, о себе забывая,
Как факел, страна мне сияет родная.

Как Вардзии плиты, я прожил века,
Орёл я, поднявшийся с ледника,
Взлетевший до самой лазури небесной,
Тревожимый думой, волнуемый песней,
Пою соловьем я в стволе тростника.

Когда я пишу, о себе забывая,
Как факел, страна мне сияет родная.
Садовник я в новых самгорских садах,
И плавильщик стали в руставских печах,
Волна молодая Тбилисского моря;
Взлетевши до солнца, в небесном просторе,
Пою о бессмертных богатырях.

Я — Грузии древней великий расцвет,
Я — солнца Советов пылающий свет,
Я — стук голубинового сердца простого,
Я — стих, я — любовь, что скромна и сурова,
Мне столько же, сколько строкам этим лет.

Когда я пишу, о себе забывая,
Как факел, страна мне сияет родная.

Г. Зедгинидзе,

заместитель директора Тбилисского научно-исследовательского института приборостроения и средств автоматизации по научной части

ТВОРЦЫ „УМНЫХ“ МАШИН

1

Люди нашей эпохи — счастливые современники больших событий в науке. Никогда еще за всю историю человечества наука не была так щедрой и уступчивой, никогда она так быстро не открывала своих тайн, своих необыкновенных возможностей. Кажется, будто она по достоинству оценила, наконец, силу человеческого гения, напористость и пытливость его разума, поняла, как бессмысленно дальше скрывать от человека свои сокровища.

В науке и технике последних двух десятков лет происходил бурный, все возрастающий процесс развития, завершившийся вулканическим извержением, результаты которого были грандиозны: появились два новых «материка», усиленно исследуемых научными работниками и инженерами, манящих своими необыкновенными горизонтами и самыми дерзкими загадками, — новые отрасли наук, которым принадлежит будущее, — атомная физика и техническая кибернетика.

Первые же шаги по тропам исследований убедили ученых в том, что они стоят на рубеже новой эры в науке, ломающей все старые представления о её возможностях. И если атомная энергия позволит достигать не только сверхзвуковых, но и

космических скоростей длительного передвижения, то техническая кибернетика поможет автоматически управлять такими быстрыми процессами, на которые человек уже неспособен реагировать, а также автоматизирует такие трудовые процессы, которые до сих пор было принято относить исключительно к сфере интеллектуальной деятельности человека — логическому мышлению.

2

Кибернетика — наука, которой принадлежит будущее. Очень трудно передать кратко и популярно существо этой сравнительно новой науки. Это — наука о воспроизведении и управлении такими действиями электрических устройств и механизмов, которые схожи с действиями живых организмов, происходящими в результате определенных физиологических процессов. В основе такого подражания действиям живого организма лежат математические закономерности, которым подчиняются не только окружающие нас физические процессы, но и логическое мышление человека. Отсюда нетрудно догадаться, что техническая кибернетика — это в какой-то мере приложение кибернетики к автоматизации таких производственных процессов, которыми все еще управляет человек. Первые же ус-

пехи в области кибернетики были так поразительны, а перспективы ее так велики, что некоторые зарубежные ученые-идеалисты стали всерьез утверждать, что кибернетические машины способны заменить все функции человеческого мозга и других органов человека. Наши ученые, естественно, не могут согласиться с таким ошибочным утверждением. Кибернетические машины, как и все, создаваемое человеком, — продукт его разума. Создав «умные» машины, человеческий разум развивается дальше, в то время, как любая машина весь свой век продолжает выказывать только те «знания», которые вложил в нее человек.

Техническая кибернетика — высшая стадия развития автоматизации, корни которой уходят в далекую древность, — в первые века нашей эры. И поэтому, прежде чем рассказать об удивительных современных «умных» машинах, хочется в двух словах вспомнить о том, как развивалась автоматика — одна из основ кибернетики.

Слово «автоматика» происходит от древнегреческого «автоматос» — действие, само собой происходящее. К эпохе древних греков относятся изобретения первых самодействующих устройств, рассчитанных на производство сверхъестественного эффекта: приспособление, отпускающее молящимся «священную» воду, автомат, имитирующий движения человека... Опыт, накопленный при создании этих игрушек-безделниц, этих первых автоматов, сыграл немалую роль на следующем этапе развития человечества, когда стал механизироваться труд человека.

Несмотря на техническую отсталость России, уже в XVIII веке талант русских ученых создал немало ценных автоматов. Вспоминаются изобретенный Ломоносовым прибор для непрерывных записей измерений и автоматической сигнализации, регулятор для автоматизации промышленных агрегатов Ползунова и ряд других изобретений.

Прототипы современных математических машин стали появляться уже в эпоху электричества, в конце XIX века. В России — это, в первую

очередь, машина Крылова для решения дифференциальных уравнений и так называемая триггерная схема Бонч-Бруевича, которая ^{сейчас} является неотделимым элементом всех современных электронных математических машин.

В 1927—1928 годах известный грузинский ученый — профессор Г. Николадзе изобрел электрическую счетную машину, которая, по отзывам современников, была первым в мире счетным устройством, не имеющим вращающихся частей. К сожалению, в архиве не сохранилось чертежей этой интересной машины, но об исключительном значении изобретения Николадзе говорят публикации Французской академии наук.

Так была подготовлена эпоха технической кибернетики, в которой у советских ученых имеются уже большие достижения.

Отрадно, что наши грузинские научные работники и инженеры вносят немалый вклад в развитие новой науки. Это — электрики, радиотехники, математики, физики и люди различных прикладных специальностей, с большим рвением прилагающие свои знания к одному общему большому делу.

3

Мы говорили уже о том, что у непосвященных людей достижения современной кибернетической науки могут вызвать впечатление чего-то сверхъестественного. Действительно, некоторые факты действуют ошеломляюще: к примеру, наши отечественные математические машины способны производить в секунду до 30 тысяч различных элементарных математических операций. За полчаса такая машина решает задачу, для которой человеку не хватило бы всей жизни. Создаются машины, руководящие работой станков; управляющие самолетами, целыми цехами и даже заводами, осуществляющие переводы с одного языка на другой, играющие в шахматы и даже сочиняющие музыку... Все это с трудом укладывается в голове даже после определенной подготовки — чтения популярной литературы, прослушивания лекций о технической киберне-

тике. При более близком знакомстве с «умными» машинами впечатление сверхъестественности, однако, быстро рассеивается и остается только чувство глубокого уважения к человеческому разуму.

Познакомиться с математическими машинами и людьми, работающими над ними, не трудно, тем более, что их теперь немало и у нас в Грузии. Люди эти, в основном, — молодые специалисты, совсем недавно вышедшие из стен тбилисских вузов. Учреждение, специализирующееся на разработке управляющих математических машин, называется — Тбилисский научно-исследовательский институт приборостроения и средств автоматизации — сокращенно ТНИИСА. Существует этот институт немногим более года, но он все продолжает расти. Сейчас идет надстройка корпуса, за счет которой расширятся лаборатории — это в плане на первую половину 1958 года. Сколько корпусов придется еще выстроить и сколько новых лабораторий открыть через год — трудно сказать точно. Ясно одно — они будут расти в соответствии с масштабами работ. А то, что происходит в стенах ТНИИСА, получает такой размах, что, видно, долго еще снова и снова будет ощущаться потребность в новых научных кадрах, лабораториях, зданиях.

Если попасть сюда во время обеденного перерыва, создается впечатление, что вы находитесь в обычном высшем учебном заведении — так много здесь молодежи и так по-студенчески весело проходит этот час. В субботние дни и в воскресенье по утрам на стройке нового этажа трудятся комсомольские бригады — физический труд укрепляет здоровье, да и строительство движется значительно быстрее. Учатся здесь все одинаково много: ведь практически овладеть новой для всех отраслью науки можно только в процессе творческого труда и учебы.

Нетрудно догадаться, что все это придает какой-то здоровый, молодой дух всему коллективу института. Вот почему, хоть ученые с опытом, такие, как профессор А. Рухадзе, кандидаты технических наук И. Микадзе, М. Левицкий, кадровые произ-

водственники Н. Чхатарашвили, С. Думбадзе, М. Калантаров, В. Миминошвили, С. Элькин, В. Корневич и другие, и составляют костяк ТНИИСА, погоду здесь делает все же молодежь.

Тружеников этой науки колоссальных перспектив, науки, не имеющей «потолка», стирающей грани между реальностью и самой смелой фантазией, представляешь себе молодыми, вдохновенными и дерзающими. Именно такая молодежь заполнила лаборатории ТНИИСА. Она пришла сюда с любовью и верой в новое дело и заразила всех своим молодым энтузиазмом. И сейчас уже можно с уверенностью сказать, что весь этот молодой задор не прошел даром.

В лаборатории управляющих математических машин вы сразу увидите макет небольшой машины. Внешний вид ее очень напоминает телевизор. Это блестящий ящик с ручками — регуляторами по сторонам корпуса. Только вместо экрана — шкала с движущейся стрелкой. Машина руководит важным доменным химическим процессом, высвобождающим железо из руды. Практически мгновенно она решает довольно сложные задачи, получает сведения о составе отходящих газов, влажности шихты, температуре в различных местах домы и на основании этих данных непрерывно решает математическое уравнение, результат которого успевает сравнивать с заранее заданным наиболее выгодным режимом работы домы. Но тут не кончаются функции замечательной машины. Закончив процесс контролирования, она переходит к действию. Отыскав причину отклонения от заданного режима, машина воздействует на соответствующую автоматику домы до тех пор, пока не восстановит нужный режим. И все это совершается с той предельной точностью и аккуратностью, которой до сих пор не удавалось достичь многочисленному обслуживающему персоналу домы за долгие и трудные часы работы.

Неудивительно, что эту машину уже ждут с нетерпением тысячи производственных предприятий страны. Не так давно с завода «Азовсталь» приехал в ТНИИСА молодой

инженер Владимир Яковлевич Кожух. Месяц он провел в лабораториях института, изучая свойства и возможности макета новой машины, для того, чтобы подготовиться к его испытанию на одной из домен своего завода. Зато когда пришло время отправить на последнее производственное испытание первое детище института, тбилисские приборостроители были спокойны — на «Азовстали» машина попала в надежные и опытные руки.

В лаборатории подходит к концу и работа над макетом второй машины, прогнозирующей аварийные очаги канального прорыва газов в домне и автоматически «накрывающей» каналы прорывов при засыпке новых порций шихты.

В этой лаборатории у людей большие горизонты и колоссальные планы даже на самое ближайшее будущее. Задумана целая серия машин-автоматов, которые будут управлять всеми доменными процессами. Пройдет совсем немного времени, и домны Руставского металлургического завода получат такое оснащение.

В другой лаборатории института подошла к концу работа над еще одним интересным автоматическим устройством для литейного производства.

Кто хоть немного знаком с производством, тот знает, что главное в литье — это расчет шихты (составных частей будущего сплава). Это сложная, а подчас — непосильная задача: ведь в расчетах нередко встречаются системы из десяти уравнений с девятью неизвестными. Специалисту над таким расчетом пришлось бы поработать не менее недели, чтобы сделать его возможно точнее. На заводе не пойдешь на такую затрату времени — и вот расчеты упрощаются, шихта составляется «на глазок». В результате очень часто такие приблизительные расчеты приводят к браку: металл в вагранках получается не той марки, которая требовалась, и его приходится выплавлять заново. Такие неприятности происходят из-за невозможности точно рассчитать шихту. Сколько убытка доставляет это государству!

Ныне в лаборатории Тбилисского научно-исследовательского института

приборостроения и средств автоматизации появилась первая машина, способная с определенной точностью сделать расчет составных частей сплава за 3—4 минуты. За это короткое время можно получить готовый, достаточно точный рецепт сплава нужной марки, не затратив при этом труда на кропотливый и длительный расчет.

4

В адрес ТНИИСА приходят письма, много писем. Они идут из разных концов страны. Институт так молод, что вначале нам казалось: никто в стране и не знает о его существовании. Мы были неправы. О нас узнали со дня нашего рождения и внимательно следили за нашим ростом. Вначале письма были вызваны чувством любознательности, любопытства, доброжелательного интереса. Сейчас люди разных профессий и специальностей, по-настоящему болеющие за свое дело, пишут нам о своих нуждах, об узких местах производства, спрашивают нашего совета, просят помощи.

Профессор В. А. Сироткин из Москвы присылает расчеты напора в городской сети водопроводных труб и просит сообщить, не пригодится ли машина, рассчитывающая шихту, и в водопроводном хозяйстве. Многие организации просят прислать схемы машин, разрабатываемых в ТНИИСА. Эти письма полны веры в наше дело. Тем, кто пишет нам, мы, конечно, оказываем посильную помощь: ведь цель нашей работы самая благородная — облегчить труд человека, и мечты у нас самые дерзкие. Техническая кибернетика вторгнется во все отрасли промышленности и хозяйства.

Большая группа научных работников ТНИИСА трудится сейчас над макетом машины, автоматизирующей диспетчерские расчеты в энергосистемах. Представьте себе конечный продукт этого труда: машина умно и практично, как расчетливый хозяин, будет самостоятельно управлять целой энергосистемой, с большим количеством станций и подстанций.

Скоро на Зестафонском ферросплавном заводе будет испытываться

еще одна машина — она заменит оператора, руководящего работой электродуговых ферросплавных печей.

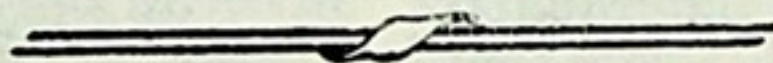
В будущем мы собираемся вторгнуться и в области нефтяной, цементной и чайной промышленности — они давно уже требуют более современных средств автоматизации. Первые грузинские специалисты математического машиностроения получают большую помощь от своих московских товарищей, которые несколькими годами раньше прошли период освоения новой науки. Группа ведущих работников ТНИИСА в период его основания выезжала в Москву и Пензу, где в течение двух месяцев изучала опыт русских научных работников и инженеров.

Большим вдохновляющим фактором для коллектива института является то обстоятельство, что ТНИИСА — не единственное учреждение в Грузии, занимающееся новой наукой. Борьба за овладение вершинами современного приборостроения и автоматизации начата в республике широким фронтом. В прошлом году, наряду с нашим институтом, были организованы еще три научно-исследовательских института — Институт электроники, авто-

матики и телемеханики, вычислительный центр Академии наук Грузинской ССР и Горийский институт «Автоматпром».

Созданы два конструкторских бюро приборостроения и автоматизации — в Тбилиси и Кутаиси, проектно-конструкторский институт в Рустави. Большинство этих организаций имеют богатые опытные промышленные базы. Три новых завода работают в Грузии по профилю приборостроения и аппаратостроения: приборостроительный завод, заводы «Электроавтомат» и «Электропускатель». Так в течение года появилась мощная сеть промышленных, научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций, работающих в различных областях автоматизации производственных процессов.

Большая работа в области приборостроения и средств автоматизации — яркое свидетельство небывалого расцвета науки и техники в Грузии. Мы уверены, что практическая деятельность сети учреждений этого профиля в республике будет способствовать быстрому оснащению промышленности всей страны новыми, совершенными средствами автоматизации и поможет решить эту государственную задачу в самые кратчайшие сроки.

Г. Гарибджанян,
доктор исторических наук

Петр Арвеладзе — пламенный борец за Советскую власть

В рядах созданной и выпестованной великим Лениным большевистской партии выросла целая плеяда революционных борцов-подпольщиков, которые всю свою сознательную жизнь посвятили борьбе за дело рабочего класса, за освобождение трудящихся от ига капитала, за коммунизм. Эту славную плеяду большевиков — профессиональных революционеров В. И. Ленин назвал впоследствии «старой партийной гвардией».

К этой плеяде «старой партийной гвардии» принадлежал и славный сын грузинского народа Петр Яковлевич Арвеладзе.

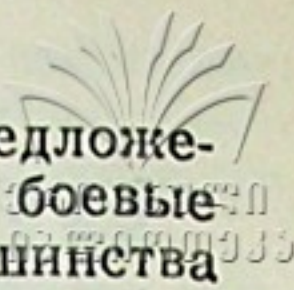
С юношеских лет вступив в революционное движение, П. Я. Арвеладзе стал одним из руководителей закавказских большевиков, бесстрашным борцом за победу Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти в Закавказье.

Арвеладзе вырос и оформился как пролетарский революционер в интернациональной семье многонационального рабочего класса нашей страны, под руководством большевистской партии и ее мудрого вождя В. И. Ленина, в беспощадной борьбе против буржуазных националистов всех мастей. Совместная работа с такими выдающимися деятелями Коммунистической партии, как И. Сталин, С. Шаумян, А. Джапаридзе, Г. Орджоникидзе, С. Спандарян, М. Азизбеков, И. Фиолетов, С. Киров и другие, оказывала огромное влияние на жизнь и революционную деятельность П. Арвеладзе.

* * *

Петр Яковлевич Арвеладзе родился 16 (29) января 1888 года в селе Чагани Кутаисского уезда, в бедной крестьянской семье и в годы детства познал тяжелый труд, нужду и лишения. В 1905 году, семнадцатилетним юношей, Арвеладзе вступил на путь революционной борьбы, принимая активное участие во многих выступлениях трудящихся Кутаисского уезда и рабочих Тифлиса против царского самодержавия. С 1906 г. он начал свою партийную работу как большевик-ленинец.

В годы первой русской революции трудящиеся Грузии, рука об руку с героическим русским пролетариатом, прошли под руководством большевиков замечательную школу революционной борьбы. В резолюции «По

поводу событий на Кавказе», принятой на III съезде партии по предложению В. И. Ленина, отмечалось, что на Кавказе созданы наиболее боевые организации нашей партии, и революционное движение среди большинства населения Кавказа как в городах, так и в деревнях дошло уже до всенародного восстания против самодержавия.¹

В период столыпинской реакции 1907—1910 годов, когда большевистская партия во главе с В. И. Лениным, находясь в подполье, продолжала свою героическую борьбу против царизма и буржуазии, ковала грядущую победу революции, Петр Арвеладзе, как рабочий-большевик, развернул работу в Главных тифлиских железнодорожных мастерских, которые являлись в то время одним из крупных очагов революционного движения в Закавказье.

В этой революционной работе, совместно с видными большевиками Ф. Махарадзе, Михо и Закро Чодришвили, С. Спандаряном, В. Нонейшвили, М. Давиташвили, Е. Стасовой, А. Долидзе, А. Акопяном, Р. Катаняном и другими, непосредственное участие принимает и П. Арвеладзе. По заданию большевистской организации он развивает активную деятельность в нелегальных рабочих кружках, в которых рабочие изучали труды Маркса, Энгельса, Ленина, слушали беседы о политике партии. Принимая активное участие в многочисленных дискуссиях, П. Арвеладзе в своих выступлениях разоблачает оппортунизм ликвидаторов.

Революционная деятельность П. Арвеладзе снискала ему доверие и любовь тифлиских рабочих. «Наш Петре» — так звали Петра Арвеладзе его друзья по революционной борьбе.

В апреле 1909 года состоялись выборы Тифлиского комитета РСДРП, куда вошли только большевики, в том числе П. Арвеладзе, С. Тавдишвили, Г. Напетваридзе, А. Акопян, А. Долидзе, Р. Катанян и другие. В 1909—1910 годах Тифлиский комитет РСДРП сыграл роль руководящего центра всех большевистских организаций Грузии, он оказал большую помощь также большевикам Армении.

По заданию Тифлиского большевистского комитета Арвеладзе организует печатание и распространение ряда большевистских листовок и прокламаций. Старый большевик И. Мгеладзе в своих воспоминаниях пишет, что в августе 1909 г. по заданию Тифлиского комитета П. Арвеладзе руководил выпуском двух листовок в легальной типографии².

В январе—марте 1910 года Тифлиский комитет РСДРП издавал свой нелегальный орган — газету «Тифлиский пролетарий» — на грузинском и русском языках. П. Арвеладзе входил в состав редакции этой большевистской газеты.

В 1910 году царским властям удалось разгромить Тифлиский комитет большевиков. П. Арвеладзе вместе с другими товарищами был арестован и заключен в Метехскую тюрьму³.

Вскоре он высылается из пределов Кавказа на три года. В 1910—1913 гг. П. Арвеладзе продолжает свою революционную работу в Харькове, среди харьковских рабочих. Он проводит энергичную работу во время предвыборной кампании в IV Государственную думу, по страхованию и в профессиональных организациях.

После VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП П. Арвеладзе разъясняет рабочим ее решения, принимает активное участие в восстановлении и укреплении партийных организаций, руководит забастовками и выступлениями рабочих Харькова, умело сочетая нелегальную работу с легальной.

В ноябре 1913 года П. Арвеладзе переехал в родное село Чагани. В декабре его мобилизуют в царскую армию и на-

¹ Сб. «КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК», 1953 г., часть I, стр. 84.

² См. «Революция в Грузии» (На груз. языке), 1925 г., № 1, стр. 157.

³ См. «К истории большевизма (статьи и материалы). I, Тифлисская организация в период реакции (1907—1910 гг.)» (На груз. языке). Тбилиси, 1932 г., стр. 145.

правляют рядовым в 176-й пехотный Переволочинский полк, расквартированный в городе Чернигове.¹ В 1914—1916 гг. П. Арвеладзе находился на Юго-Западном фронте, был дважды ранен в боях под Львовом на Дукминском перевале.

Находясь в гуще солдатских масс, Арвеладзе с новой силой отдавался революционной работе. Руководствуясь ленинскими указаниями, он терпеливо разъяснял солдатам политику большевистской партии по вопросам войны, мира и революции.

В первой половине 1916 г. Арвеладзе находился на Турецком фронте, принимал непосредственное участие в боях против турецких войск между Байбуртом и Мамахатуном. После полученного ранения его переводят в Александрополь, в одну из тыловых частей Кавказского фронта.

В те годы в Александрополе (ныне г. Леникан) были расквартированы многие части и подразделения царских войск. В 1917 г., например, число солдат в Александрополе доходило до 25 тысяч. На железной дороге, в депо и на мелких предприятиях Александрополя работало около двух тысяч рабочих. Понятно поэтому, что революционной деятельности среди рабочих и солдат Александрополя большевики уделяли большое внимание.

В середине 1916 г. П. Арвеладзе вместе с Б. Гарибджаняном и А. Варданяном создал в Александрополе подпольную большевистскую группу, которая под их руководством вела революционную работу среди железнодорожных рабочих и солдат города. Будучи опытным партийным работником, умелым конспиратором-подпольщиком, Арвеладзе распространял среди солдат марксистскую литературу, революционные прокламации, рассказывал солдатам о грабительских целях империалистической войны, готовил их для борьбы против царского самодержавия.

После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. с полной силой проявляются неисчерпаемая энергия и организаторский талант Арвеладзе. Руководствуясь указаниями вождя партии и революции В. И. Ленина, вооруженный решениями Апрельской партийной конференции и VI съезда РСДРП (б), он вместе с другими большевиками руководит борьбой Александропольской партийной организации за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, за Советскую власть. П. Арвеладзе был одним из организаторов Александропольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, одним из руководителей большевистской фракции Совета, редактором-издателем его печатного органа — газеты «Рабочий и солдат».

П. Арвеладзе пользовался огромной популярностью среди солдат александропольского гарнизона. Будучи пламенным оратором, в своих выступлениях на митингах и собраниях он страстно защищал ленинскую политику нашей партии, разоблачал антинародную политику буржуазного Временного правительства, меньшевиков, эсеров и других контрреволюционных националистических партий.

В период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции большевистская организация Александрополя добилась больших успехов в борьбе против соглашательских партий, в деле сплочения широких трудящихся масс вокруг ленинских лозунгов. 9 (22) июля в Александрополе, под руководством большевиков, созывается митинг в знак протеста против расстрела Временным правительством мирной демонстрации петроградских рабочих, солдат и матросов. Председателем митинга был избран П. Арвеладзе. Он произнес пламенную речь, в которой разоблачил контрреволюционную политику буржуазного правительства и призвал участников многотысячного митинга высказать недоверие Временному правительству. «Выступления большевистских ораторов, — писала об этом митинге газета «Рабочий и солдат», — были приняты бур-

¹ См. Архив Грузинского филиала ИМЛ, ф. 31, д. 23, л. 12.

ными аплодисментами, их лозунги многократно покрывались непрекращающимися «Ура» и возгласами одобрения»¹

Для дальнейшей деятельности большевиков Александрополя решающее значение имел их организационный разрыв с меньшевиками и оформление в самостоятельную организацию. 16 (29) июля 1917 г. на общегородском собрании большевиков был заслушан доклад представителя Центрального Комитета большевистской партии Баграта Боряна о текущем моменте и тактике большевиков. С предложением о выделении из объединенной организации выступил П. Арвеладзе. Собрание единодушно одобрило это предложение и приняло решение об организационном разрыве с меньшевиками и оформлении в самостоятельную большевистскую организацию. В состав бюро Александропольской большевистской организации вошли П. Арвеладзе, Б. Гарибджанян, Ф. Амашукели, Л. Оганесян, Л. Макаров, Н. Лежава, И. Шаповаленко, В. Тарахчян и И. Коростыленко². П. Арвеладзе избрали председателем Александропольского комитета РСДРП(б).

С августа 1917 г. большевистский комитет Александрополя стал выпускать свою еженедельную газету — «Правда жизни». Одним из ее редакторов был П. Арвеладзе. В газете перепечатывались статьи В. И. Ленина, важнейшие партийные документы. Газета разоблачала антинародную политику Временного правительства и поддерживавших его контрреволюционных партий, мобилизовывала рабочих и солдат на борьбу за установление диктатуры пролетариата, за победу социалистической революции.

Энергичная партийно-организационная и агитационно-массовая работа, развернутая александропольской организацией большевиков, сказалась в дни выборов в городскую думу Александрополя, в период борьбы против корниловщины, в результатах выборов в Учредительное собрание.

Подготовка к выборам и выборы в городскую думу Александрополя протекали в очень трудной обстановке. Контрреволюционные партии создали блок против большевиков, дашнаки прибегали к демагогии, клевете, подлогам. Но, несмотря на это, сознательные рабочие и солдаты голосовали за большевиков, которые получили десять мест в городской думе. По списку большевиков депутатом городской думы избирается и П. Арвеладзе. Вместе с другими депутатами-большевиками он умело использует думскую трибуну для ведения революционной агитации, для борьбы за освобождение масс от влияния буржуазно-националистических, соглашательских партий, для обеспечения победы социалистической революции. Пламенные речи Арвеладзе на заседаниях Александропольской городской думы сыграли большую роль в разоблачении эсеров, меньшевиков и дашнаков.

На заседании Александропольской городской думы 19 сентября 1917 г., в целях разоблачения эсеров-меньшевистского правительства, большевики поставили на обсуждение вопрос об отношении к приказу Керенского о восстановлении смертной казни на фронте. Выступая в защиту большевистской резолюции по этому вопросу, Арвеладзе клеймит позором Временное правительство, эсеров, меньшевиков и дашнаков, прямо заявляя, что, выступая против смертной казни для солдат на фронте, большевики стремятся разоблачить все те партии, которые помогали в ее восстановлении. «Смертная казнь делается позорным и недопустимым явлением особенно потому, что она была введена исключительно для солдат на фронте. Напуганная дальнейшим углублением революции, буржуазия стала искать средства остановить движение. Она была заинтересована только в мелких реформах и не в ее интересах было стремление рабочего класса расширить и углубить революцию. И вот, в целях ослабления революции и возврата к прошлому, буржуазия стала создавать разруху на

¹ «Рабочий и солдат», 1917 г., № 28.

² «Рабочий и солдат», 1917 г., № 29.

фронте и в тылу... Меншевики и эсеры не верили нашим предупреждениям и всеми своими действиями играли на руку контрреволюционной буржуазии. Они даже одобрили смертную казнь, как меру, целесообразную для восстановления дисциплины в армии, не сознавая, что в действительности ввели ее не для этой цели, а для установления диктатуры. Смертная казнь была введена не там, где нужно. Вместо солдат на фронте, ее скорее нужно было восстановить для изменников»¹.

Осенью 1917 г., в Армении, как и во всей стране, начинается период нового подъема революционного движения. По примеру передовых революционных центров — Петрограда, Москвы, Баку, рабочие и солдаты Александрополя, Еревана, Сарыкамыша, Карса и других городов Армении под руководством большевиков поднимаются на решительную борьбу против буржуазии.

В условиях бурного подъема революционного движения по всей стране, в начале октября 1917 г. в Тифлисе происходил первый Краевой съезд большевистских организаций Кавказа, который, руководствуясь историческими решениями VI съезда партии и указаниями В. И. Ленина, определил тактику кавказских большевиков в борьбе за социалистическую революцию.

Александропольская большевистская организация, которая в это время имела в своих рядах около шестисот членов, послала своим делегатом на съезд П. Арвеладзе. Принимая активное участие в работе съезда, П. Арвеладзе в своих выступлениях последовательно защищал принципы ленинской политики нашей партии и беспощадно громил всякого рода примиренчество. Говоря об одном из его выступлений на съезде — по вопросу об участии большевиков в выборах в Учредительное собрание — большевистская газета «Кавказский рабочий» сообщала: «Тов. Арвеладзе предлагает обратить особенное внимание на фронты и организовать военно-фронтное бюро для введения избирательной камеры в армии... Наша задача во время избирательной кампании — организовать массы вокруг знамени революционного пролетариата, вести беспощадную борьбу против мелко-буржуазных иллюзий меньшевиков и эсеров»².

Во время выборов в Учредительное собрание по списку большевиков, представленному Кавказским краевым комитетом РСДРП(б), наряду с кандидатурами И. Сталина, С. Шаумяна, Н. Нариманова, И. Фиолетова, А. Джапаридзе и других, выдвигается кандидатура и П. Арвеладзе. После окончания Кавказского краевого съезда большевистских организаций, 8 (21) октября С. Шаумян вместе с П. Арвеладзе приезжает в Александрополь для оказания непосредственной помощи местным большевикам в мобилизации рабочих и солдат на подготовку к вооруженному восстанию.

В дни пребывания С. Шаумяна в Александрополе местные большевики организовывали многолюдные митинги и собрания рабочих, солдат и крестьян, распространяли революционную литературу, выступали с докладами перед трудящимися города. Одним из организаторов и руководителей этих важнейших мероприятий был Арвеладзе. Он неоднократно выступал на митингах и собраниях, призывая рабочих и солдат спланиваться вокруг большевистской партии. С. Шаумян писал в газете «Рабочий путь»: «9 октября в Александрополе состоялось собрание 2.000 солдат; заслушав мой доклад о демократическом совещании, оно бурно протестовало против предпарламента и против правительства. Двадцатитысячный гарнизон весь большевистский»³.

14 октября 1917 года, под давлением масс и по требованию большевиков, эсеро-меньшевистское, дашнакское руководство Александропольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов подало в отставку. На следующий день происходило расширенное заседание Совета,

¹ ЦГА Армянской ССР, ф. 105, д. 107, л. 48.

² «Кавказский рабочий», 1917 г., № 170.

³ «Рабочий путь», 1917 г., № 35.

на котором П. Арвеладзе, избранный до этого в состав Совета старейшин от большевиков, предлагает включить в повестку дня вопрос о перевыборах Совета, так как старый состав не выражал волю избирателей. По этому вопросу начались острые прения. Против предложения П. Арвеладзе бешено выступили представители эсеров, меньшевиков и дашнаков. Однако, вопреки грязным махинациям представителей соглашательских партий, подавляющим большинством голосов проходит предложение большевиков о перевыборах Александропольского Совета. Большевики одерживают и другую победу, поставив на обсуждение вопрос о созыве второго Всероссийского съезда Советов. Потерпев поражение, эсеры и меньшевики позорно уходят с заседания. Делегатом на второй Всероссийский съезд Советов от Александропольского Совета избирается большевик И. Коростыленко, выступивший на съезде за передачу всей власти Советам.¹

Придавая большое значение этому заседанию Александропольского Совета, большевистская газета «Кавказский рабочий» подробно описала его в статье «Рабочие и солдаты Александрополя за съезд Советов», особо подчеркнув важность одержанной большевиками победы.²

* * *

После победы Великой Октябрьской социалистической революции борьба рабочих, крестьян и солдат Закавказья за Советскую власть развивается с новой силой.

В Армении о победе вооруженного восстания в Петрограде узнали 27—28 октября. Большевистские газеты «Кавказский рабочий», «Банинский рабочий», «Банвори крив» («Борьба рабочего»), «Правда жизни» печатали первые ленинские декреты Советской власти, приказы Военно-революционного комитета Петрограда и другие документы Великого Октября, которые вдохновляли трудящихся Армении в их героической борьбе за Советскую власть.

В Ереване, Александрополе, Алаверди, Ахпате, Шамшадине, Сарыкамьше, Зангезуре, Караклисе, Карсе, Джалал-оглы и других местах Армении под руководством большевиков происходили многолюдные митинги и собрания рабочих, солдат и крестьян, которые горячо приветствовали победу Октябрьской революции и ее великого вождя В. И. Ленина.

В эти героические дни П. Арвеладзе вместе с другими большевиками Александрополя приложил много сил и энергии для разъяснения рабочим и солдатам всемирно-исторического значения Октябрьской революции, для сплочения пролетариата вокруг Советской власти, для борьбы против эсеров, меньшевиков, дашнаков, которые под покровительством американско-английских империалистов, сколотив контрреволюционный Закавказский комиссариат (15 ноября 1917 г.), начали бешеную борьбу против Советской власти.

27 октября, после получения известия о восстании в Петрограде, в Александрополе созывается собрание солдат 39-й пехотной дивизии и представителей населения города. Выступая на этом собрании от имени большевиков, П. Арвеладзе приветствует героический пролетариат Петрограда и призывает участников собрания защищать социалистическую революцию от нападков контрреволюционных сил.

23 ноября многотысячный митинг солдат Александропольского гарнизона под председательством П. Арвеладзе, заслушав речи ораторов-большевиков о текущем моменте, принял боевую резолюцию, которая, разоблачая контрреволюционную политику Закавказского комиссариата, призвала солдатские массы до последней капли крови защищать Советское правительство. «Единственная власть, — говорилось в резолюции, —

¹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. I, д. 25; л. 42.

² «Кавказский рабочий», 1917 г., № 181.

гарантирующая нам прочный мир, всю землю и полную свободу. — это власть Советов в лице нового рабоче-крестьянского правительства, проводящего ныне в жизнь революционную и последовательную политику, без колебаний и шатаний».¹

Эта резолюция, за подписью председателя митинга П. Арвеладзе, была полностью напечатана в газете «Кавказский рабочий» 30 ноября 1917 года.

В начале декабря П. Арвеладзе избирается председателем солдатской секции Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Александрополя.

2 декабря П. Арвеладзе вместе с С. Кавтарадзе, И. Шаповаленко и др. избирается делегатом на второй съезд Кавказской армии. Принимая активное участие в работе съезда, П. Арвеладзе выступает в защиту большевистских лозунгов, против эсеро-меньшевистского блока.

Большевистские делегаты второго съезда Кавказской армии во главе с С. Шаумяном, последовательно разоблачая антинародную политику закавказских контрреволюционеров, решительно высказались за установление Советской власти в крае.

По окончании работы съезда П. Арвеладзе, по указанию Кавказского краевого комитета большевистской партии, переехал в Баку.

* * *

После Великой Октябрьской социалистической революции, вдохновленные постоянной заботой и помощью ЦК большевистской партии и Советского правительства, коммунистические организации Баку, под руководством С. Шаумяна, А. Джапаридзе, М. Азизбекова, И. Фиолетова, А. Микояна, спланировали революционный бакинский пролетариат и трудящихся Азербайджана для борьбы за полную победу Советской власти. После разгрома антисоветского мятежа мусаватистов власть в Баку была закреплена в руках Бакинского Совета.

П. Арвеладзе принимал активное участие в борьбе за победу Советской власти в Баку, беспощадно боролся против внутренних и внешних врагов Бакинской коммуны, с оружием в руках сражался против призванных на помощь мусаватистами и дашнаками германо-турецких и английских интервентов, выполнял ряд ответственных поручений Бакинского Совета народных комиссаров.

П. Арвеладзе работал сначала товарищем секретаря Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов, а затем товарищем секретаря и секретарем Бакинского Совета народных комиссаров. Многие документы Бакинской коммуны подписаны и П. Я. Арвеладзе, который до последних дней существования Бакинской коммуны оставался на своем посту. В начале августа он с оружием в руках находился среди героев-борцов знаменитой Петровской площади и защищал город от турецких оккупантов.

Член Военно-революционного комитета Кавказской Красной Армии, член КПСС с 1914 года, К. М. Касрадзе-Панасян в своих воспоминаниях характеризует П. Арвеладзе как одного из активных и самоотверженных борцов Бакинской коммуны, ответственных деятелей Кавказской Красной Армии.²

«В первых числах августа 1918 г., после прихода к власти контрреволюционного правительства «Центрокаспия», — пишет К. М. Касрадзе, — тов. Степан Шаумян вызвал Арвеладзе и меня к себе и поручил немедленно погрузить на пароход «Эвелина» все ценности из государственного банка и всю казну Военно-революционного комитета Кавказской Красной Армии и вывезти в Астрахань. Мы за одну ночь перевезли все ценности и направились в сторону Астрахани».

¹ «Кавказский рабочий», 1917 г., № 212.

² Воспоминания К. М. Касрадзе находятся в нашем архиве. (Прим. автора).

Как известно, контрреволюционное правительство эсеров, дашнаков и меньшевиков («Диктатура Центрокаспия») силой вернуло коммунаров с дороги. Руководители Бакинской коммуны были арестованы и зверски расстреляны английскими интервентами и их эсерово-меньшевистскими агентами.

П. Арвеладзе с группой коммунаров удалось после долгих мытарств достичь Астрахани, которая в период иностранной военной интервенции и гражданской войны была важнейшим опорным пунктом коммуникаций советских войск, действовавших на Северном Кавказе.

В конце 1918 г. и в начале 1919 г. в Астрахани создалось исключительно тяжелое положение. Большевики Астрахани во главе с С. М. Кировым организовали героическую оборону города, громя империалистов-англичан, контрреволюционные силы Колчака и Деникина.

П. Арвеладзе принимал непосредственное участие в организации обороны Астрахани. Будучи опытным партийным и военным деятелем, он был назначен политическим комиссаром Ленинского полка XI Красной Армии. В боях за Астрахань, на Северном Кавказе П. Арвеладзе показал себя как умелый, решительный, храбрый комиссар. 19 марта 1919 г. на 31 году своей прекрасной жизни П. Я. Арвеладзе погиб.

Издававшийся в Астрахани орган Революционного Военного Совета XI Армии и Каспийского флота — газета «Красный воин» поместила некролог о смерти П. Арвеладзе. Сообщив печальную весть, газета характеризует Арвеладзе как старого кавказского партийного работника, бесстрашного борца за коммунизм. «Будучи старшим товарищем и братом для каждого красноармейца, — говорилось в некрологе, — наш незабвенный Петр посвящал все свои силы и отдавался всей глубиной души серьезной работе воодушевления своих младших товарищей святыми заветами социализма и своим несравненным примером — примером истинного борца-коммунара заставлял этих изможденных нечеловеческой кошмарной борьбой тов. красноармейцев высоко держать алое знамя социализма.

Оглядываясь на весь путь партийной работы, пройденный в течение долгих лет т. Арвеладзе, вспоминая его железную, непреклонную настойчивость в деле создания партийной организации, мы, коммунисты, чувствуем, что со смертью тов. Петра несем тяжелую, неизгладимую потерю...

На твоей преждевременной могиле мы, твои товарищи, бакинцы и тифлисцы с гордостью бросаем вызов беспощадной последней схватки хищным врагам революции и даем свой товарищеский коммунистический обет высоко держать алый стяг социализма».¹

* * *

Сын бедного крестьянина, рабочий, революционер-большевик, видный партийный, советский, военный работник — таков жизненный путь Петра Яковлевича Арвеладзе, верного сына Коммунистической партии, бесстрашного борца за Советскую власть.

Светлый образ П. Я. Арвеладзе, наряду с образами других славных большевиков-революционеров, борцов ленинской гвардии, отдавших жизнь за прекрасное будущее человечества, всегда будет служить примером беззаветной борьбы за коммунизм.

Ереван.

¹ «Красный воин», 1919 г., № 77.

Михаил Заверин

ПЕРЕВОД И НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Продолжающиеся до сегодняшнего дня споры вокруг вопросов художественного перевода агностики всех мастей пытаются объяснить принципиальной невозможностью художественного перевода. Их «концепция» имеет две стороны: первая заключается в утверждении тезиса о невозможности примирить противоречия внутренних законов языка оригинала и перевода — этот вопрос о буквалистском и подлинном переводе достаточно разработан в нашей критике; вторая — во всяческом подчеркивании принципиальной невозможности передачи на другом языке национальной формы. Так ли это?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, прежде всего, отчетливо себе представить особенности, специфику национальной формы, необходимо ответить на вопрос: что такое форма данного произведения литературы, ибо писатель — переводчик всегда имеет дело с конкретным литературным произведением.

Ответить на этот вопрос тем необходимей, что в различных работах по эстетике, даже самого позднейшего времени, вопрос о форме и со-

держании в литературе все еще вызывает дискуссии и споры. А правильное его решение имеет прямое отношение к переводческой практике.

Вот последняя по времени работа — монография Г. Ломидзе «Единство и многообразие», в которой автором использован огромный литературный материал, на основе которого сделаны интересные выводы и ряд точных и тонких наблюдений. Но даже в этой монографии тщетно было бы искать четкого определения формы в литературе. И как бы компенсируя этот пробел, Г. Ломидзе перечисляет основные компоненты, из которых, по его мнению, и складывается художественная форма. Это, прежде всего, язык, который автор называет «первоэлементом национальной формы».

Подобная формулировка сразустораживает. А не следует ли отсюда, что при изменении языка изменяется и форма? Не значит ли это, что форма вообще не может быть передана, так как ее «первоэлемент» заменен другим «первоэлементом» со своими внутренними законами, своим грамматическим и синтаксическим строем, своим словарным фондом?

Конечно, нет. Такому предположению противоречат сами факты ли-

Настоящей статьей редакция продолжает обсуждение вопросов перевода и национальной формы художественной литературы.

тературы, в частности, переводческая практика. Не говоря уже о достижениях классиков — Гнедича, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, давших изумительные образцы передачи художественной формы, не говоря о многочисленных переводах советских переводчиков из английской, французской и немецкой литератур, мы познакомились в русских переводах, сохранивших почти всю красоту оригиналов, со многими произведениями грузинской поэзии и прозы.

Таковы факты, которые говорят о широких возможностях передачи художественной формы. Они-то и заставляют усомниться в правильности выдвинутого Г. Ломидзе тезиса о языке как «первоэлементе национальной формы». Действительно, свести форму к языку (а это неминуемо, если придерживаться тезиса Г. Ломидзе и быть последовательным до конца) значит ничего не сказать или, в лучшем случае, сказать очень мало. Автор названной монографии и сам чувствует недостаточность своей мотивировки. Думается, что поэтому в книге и появляются определения языка как своеобразного строительного материала литературы.

Язык является, по горьковскому выражению, «первоэлементом литературы». Но как нетрудно заметить, «первоэлемент национальной формы» и «первоэлемент литературы» — вещи отнюдь не равнозначные. В горьковском понимании язык — могучее орудие, материал в руках художника, при помощи которого он воздвигает стройное здание литературного произведения. «Техника литературной работы, — писал М. Горький в статье «О социалистическом реализме», — сводится — прежде всего — к изучению языка, основного материала всякой книги, а особенно — беллетристической. Французское понятие «бель летр» по-русски значит — красивое слово. Под красотой понимается такое сочетание различных материалов, — а также звуков, красок, слов. — которое придает созданному — сработанному человеком-мастером — форму, действующую на чувство и разум, как сила, возбуждающая в людях удивление, гордость и радость перед их способ-

ностью к творчеству». Еще более определенно это положение о языке, как основном орудии, и вместе с тем, материале литературы, сформулировано М. Горьким в его «Беседе с молодыми»: «Первоэлементом литературы является язык, основное орудие ее и — вместе с фактами, явлениями жизни — материал литературы».

Поэтому-то, говоря о форме художественного произведения (этот вывод вытекает и из горьковского определения языка), нужно иметь в виду, прежде всего, ту совокупность средств художественной выразительности, которая использована автором для оформления содержания (причем, понятно, форма и содержание — не механическое соединение, а слитное, органическое, неразрывное целое).

В искусстве социалистического реализма мы имеем дело с национальной формой. В чем же искать своеобразие формы, закрепленной в творческой практике данной национальной литературы? Она — в особенностях средств художественной выразительности, накопленных данной национальной литературой. Эти средства художественной выразительности все время меняются, так как новое содержание требует новой формы, что проявляется не только в новом использовании уже имеющихся средств художественной выразительности, но и в их создании.

Именно это имел в виду К. Маркс, говоря о развитии эпоса: «Относительно некоторых форм искусства, например, эпоса, даже признано, что они в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, никогда не могут быть созданы, как только началось художественное производство, как таковое; что, таким образом, в области самого искусства известные формы, имеющие крупное значение, возможны только на сравнительно низкой ступени художественного развития».¹ Произведения сегодняшних поэтов Греции, в частности А. Парниса, имеющие новое содержание, соответственно потребовали и новую форму.

Тот же процесс нетрудно заметить и в грузинской литературе. Недавно

¹ К. Маркс. «К критике политической экономии». Собр. Соч. т. XII, ч. 1, стр. 200.

мы познакомились с новым циклом стихотворений И. Нонешвили «На земле Казахстана», овеянных романтикой подвига покорителей целины. Но можно ли представить подобное содержание в форме древнегрузинского эпоса? В виде поэмы, — да. Но один этот (к нему можно причислить и некоторые другие) признак формы еще не создает идентичности формы вообще. Вся форма новой поэмы, если правомерно подобное предположение, была бы иной, ибо подобная поэма была бы порождена иной действительностью, иной эпохой. Форма литературы, говоря кратко, развивается вместе с развитием ее содержания, что в конечном счете обусловлено развитием самой действительности.

Все это имеет прямое отношение и к переводу. Во-первых, уяснение диалектики развития формы предупреждает от ее нарочитой экзотизации, предупреждает попытки передать, говоря применительно к грузинской поэзии, все разнообразие используемых ею сегодня стихотворных размеров — калькированием шаири (читатель, мол, сразу поймет, что это грузинское произведение), а во-вторых, оно вновь подчеркивает необходимость стремления к точной передаче формы, без которой невозможна и точная передача содержания. При этом ссылки на непривычность, скажем, для русского читателя, новой формы кажутся не очень убедительными. Несомненно, переводы Жуковского, Курочкина и целой плеяды замечательных мастеров увеличили возможности русской литературы, как, в свою очередь, обогатили, скажем, французскую и английскую литературы переводы произведений Толстого, Достоевского, Чехова, Горького.

Поэтому форма должна быть передана со всей полнотой. Это, повторяем, важно не только для верной передачи содержания, но и для литературы, на язык которой переводится произведение.

Одно замечание. В статье Вл. Россельса, посвященной вопросам национального своеобразия подлинника, сказано: «...непостоянство ударений послужило, вероятно, причиной того, что в Грузии наиболее распространен размер шаири, который

ближе всего в нашем восприятии и хорею или даже к анапесту. Между тем в России самым распространенным размером служит ямб, анапест же для русского восприятия тяжел и затрудняет рифмовку».¹

Заметим, что гекзаметр до перевода Гнедича тоже не был особенно распространен в России, но творческая смелость дала блестящие результаты. С другой стороны, анапестом написан, например, такой шедевр русской поэзии, как «Размышления у парадного подъезда» Некрасова.

Дело, стало быть, не в том, чтобы передать грузинский шаири непременно хореем, анапестом или ямбом. Важнее, думается, другое — важнее передать интонацию переводимого произведения во всем богатстве ее звучания. А как это будет сделано, — решать писателю-переводчику.

Ведь и ямб может звучать очень разнообразно. Доказательств тому множество. Приведем в качестве примера лишь перевод Н. Тихоновым стихотворения С. Чиковани «Кто сказал, что будто бы мала...» Вот первая строфа:

«Кто сказал, что будто бы мала
Моя отчизна, Картли дорогая,
Что словно малый диск она легла?
Кто выдумал: мала земля родная?»

Каждый, кто знаком с грузинским оригиналом произведения, сразу заметит большую точность интонации. А ведь переводчика интересовала не одинаковость слогов, не привычность размера, — а точность высшая, точность художественного выражения.

Кстати заметим, что и Вл. Россельс в своей практике писателя-переводчика поступает так же. Это видно по приводимому им в уже цитированной статье отрывку из перевода рассказа М. Черемшины «Юляда». Как говорит автор статьи, главное в этом отрывке — повтор. Непрерывная цепь повторов нагнетает настроение, создает праздничный, песенный зачин рассказа. На протяже-

¹ Вл. Россельс «Перевод и национальное своеобразие подлинника». Сб. «Вопросы художественного перевода», М., «Сов. писатель», 1955 г.

нии всего куска варьируются, в сущности, всего три синтаксические конструкции: сначала идет семь фраз на «словно бы» и на «будто», потом три фразы на «что-то», две фразы на «видно» и две на «обвели-завели». При этом в подлиннике, с одной стороны, повторяются конструкции фраз, порядок членов предложения, а с другой — повторяются все эти «будто», «что-то», «словно бы» и даже артикли «тота», «тоти».

Важен вывод, который делает переводчик. Буквально перевести этот отрывок, говорит он, невозможно. В русском языке повтор, да еще семикратный, не выносит повторения одних и тех же служебных слов, требует эллипсиса, пропуска однородных «будто» или «словно», либо варьирования «будто», «словно», «точно», «как бы» и т. п.

Заметим сразу, что Вл. Россельс в данном случае говорит лишь о порочности буквального перевода, к которому ведет несоблюдение внутренних законов родного языка. Он считает, что повторение в оригинале «словно» и «будто» — не художественный прием, а свойство гуцульского диалекта. Художественный же прием, использованный автором, — повтор. А отсюда решение: «Иное дело — повтор синтаксический. Он вполне допустим и приемлем. И уже во всяком случае можно воссоздать весь интонационный рисунок подлинника, всю систему смысловых ударений, понижений и повышений тона, замедлений и ускорений темпа. Поэтому я в переводе отказался от повторения служебных слов и все внимание уделю передаче содержания и воссоздания интонационных ходов с помощью повторяющихся оборотов речи. При этом сделано множество словарных замен, допущены перестановки частей фразы. Мне казалось, что важнее передать наличие повтора, избранного (курсив Вл. Россельса) автором, как художественное средство, чем сохранить синтаксический строй отрывка, являющийся лишь проявлением языковых средств гуцульского диалекта».

Здесь четко намечены две стороны проблемы переводимости: первая — внутренние законы языка оригинала и перевода, и вторая — возможность передачи формы, как совокупности

средств художественной выразительности. Главное для переводчика при этом — не в привычности того или иного приема, совокупность и единство которых оформляет содержание, а в его соответствии замыслу автора.

★ ★ ★

Тот же путь открывается перед переводчиком и при воспроизведении национальной специфики произведения. В последнее время этот вопрос неожиданно стал предметом дискуссии. Неожиданно потому, что обсуждают даже такую «проблему»: является ли подобная специфика только элементом формы или также и содержания, забывая, что форму нельзя отделить от содержания, что содержание живет только в форме, и не иначе.

В этом-то и заключается одна из сложностей работы переводчика. Он имеет дело не с философскими категориями, а с конкретным литературным произведением — нерасторжимым единством содержания и формы. Переводчик не может все разложить по полочкам: вот сейчас я переведу содержание, затем форму, а под конец займусь национальной спецификой. Он делает одновременно и первое, и второе, и третье.

Говоря о национальной специфике, мы должны иметь в виду не национальную принадлежность писателя, не национальную принадлежность произведения, созданного на определенном языке, а отображенную в произведении действительность. Поэтому-то и представляется беспредметным разговор об отнесении национальной специфики к форме или содержанию. Действительность — предмет литературы, а содержание и форма лишь две, всегда связанные между собой, стороны любого произведения.

Нельзя смешивать и такие понятия, как произведение национальной литературы, национальная форма и национальная специфика. Это вещи разные. Называя роман, рассказ, стихотворение и т. п. произведением национальной литературы, мы говорим, прежде всего, о том, что его автор в своем отношении к действительности отразил отношение своего

народа. Поэтому Т. Шевченко, даже создавая некоторые свои произведения на русском языке, оставался классиком украинской литературы.

Национальная же форма, повторяем, — это постоянно изменяющаяся совокупность средств художественной выразительности, используемых данной литературой. В этой сокровищнице средств художественной выразительности все время происходят изменения, на смену одним приходят другие художественные средства. Поэтому к национальной форме нужно подходить с позиций историзма.

Национальная форма различна не только в разные эпохи, когда отличия легче разглядеть, но она вчера была не такая, как сегодня. Она в непрерывном движении, изменении, определенном развитии самой действительности, художественной практикой.

Форма произведений Давида Гурамишвили и Галактиона Табидзе различна. Но каждый из них, по своему, обогатил национальную форму родной литературы.

Нельзя забывать и о том, что развитие — это вовсе не простое отрицание. Снимается только отжившее, остается новое. Марксистский закон отрицания подразумевает преемственность, которая в искусстве и литературе выступает в виде традиции.

В этом плане роль переводчика, как мы уже выше говорили, особенно велика. Он может сделать достоянием родной литературы новые средства художественной выразительности, ибо перевод — одно из средств взаимообмена литератур (не только в плане взаимопознания, но и взаимообогащения).

Наконец, национальная специфика — это специфика самой действительности, а потому она проявляется во всем произведении, без его условного деления на форму и содержание. Какова национальная специфика лермонтовского «Мцыри»? Конечно, грузинская. То же самое можно сказать о грузинских стихах Полонского, о кавказских повестях Толстого, о стихах, посвященных Грузии, — Маяковского, Тихонова, Антокольского и других советских поэтов.

Но все эти произведения являют-

ся достоянием русской литературы, ибо в отражении действительности, в отношении к ней эти писатели выступали представителями своего народа. Изучение их творческого опыта весьма поучительно, ибо оно помогает понять пути и средства передачи национальной специфики, что особенно важно для переводчика, предохраняет от закоснения и догматизма в творчестве.

А между тем уже созданы настоящие «практические руководства» по переводу наименований предметов местного быта. Все эти «руководства» сходятся на том, что переводить надо все слова, исключая названия реалий, которые, мол, могут быть прямо переданы (либо в виде кальки, либо в виде простой передачи фонетического звучания). Ясно и определено! Но на практике, однако, задача выглядит значительно сложнее, ибо переводчик имеет дело не с одной или несколькими изолированными реалиями, а с художественным произведением, где все находится во взаимном подчинении.

Приведем лишь один, на наш взгляд, очень поучительный пример из «Хаджи-Мурата» Толстого. В девятой главе повести действие впервые переносится в Тифлис. Казалось бы, что смена места действия должна быть подчеркнута и местными, типично тифлисскими реалиями. Но тщетно было бы искать их в тексте, который, впрочем, весьма богат собственными именами, названиями стран, именами исторических героев. Вот некоторые из них: «Воронцов, Михаил Семенович, воспитанный в Англии, сын русского посла...»; «Он имел все высшие чины и ордена и считался искусным военным; даже победителем Наполеона под Красным»; «Обойдя всех гостей, князь сел за карты. Он играл только в старинную игру — ломбер»; «Воронцов разодрал атласные карты и хотел разостлать их, когда вошел камердинер, итальянец Джовани». Как видим, в этой главе немало собственных имен, названий, но это отнюдь не грузинские реалии. И сделано это Толстым — великим художником — не случайно. Писатель всей этой французской речью, упоминанием Англии, Наполеона, итальянца-камердинера только подчеркивает отор-

ванность Воронцова от родного народа. Поэтому нет и грузинских реалий, ибо подлинная жизнь Грузии так же далека от наместника, как и подлинная жизнь России.

Могут сказать: подобных задач перед переводчиком не возникает, ибо он имеет дело с уже готовым текстом, и если там даны реалии, то значит их нужно переводить (т. е. сохранять), а если нет, то не к чему их и придумывать. Но и это правило имеет, на поверку, бесчисленный ряд отступлений, только доказывающих невозможность догматических решений сложных задач творческой работы переводчика. Ведь переводить реалии, скажем, на русский язык, можно и близкими русскими словами, т. е. так, как это обычно делается в сносках: «коши — туфли без задников», «дастури — помощник хевисбери», а «хевисбери — старшина рода». Нередко, однако, можно обнаружить и другую картину. Обычные грузинские слова, обозначающие понятия, хорошо известные русскому читателю, остаются без перевода — для колорита.

Переводчик, думается, должен соотносить решение частной задачи со всем произведением, с рисуемой картиной. И поэтому, даже придерживаясь правила — переводить все слова за исключением реалий, обогащающих родной язык новыми понятиями, он не может забыть о главном — о сложном, но слаженном механизме произведения. Если, конечно, переводчик — художник.

Трудные творческие задачи возникают при переводе прямой речи героев. Она (мы не говорим сейчас о ее индивидуализации) строится по законам языка, на который переводится произведение. Но не сотрется ли национальная принадлежность героя, и не вступят ли, в этом случае, поступки его, образ мыслей в противоречие с языком, не потеряет ли, наконец, произведение в своей национальной специфике? У переводчика-художника — нет. Его знания, вкус, чувство меры, позволят ему так построить речь героев, что, не греша против языка перевода, она в то же время не будет выглядеть выхолощенной в своем национальном своеобразии.

Опыт классиков и здесь поучите-

лен. Пушкин, переводчик «Воеводы» Мицкевича, сохранив в переводе все богатство русского языка, сумел, однако, передать художественно-национальную самобытность образа. В «Воеводе» строй польского языка воспроизведен только в одной строке: «Пан мой, целить мне не можно». «Но одна эта строка, — как пишет исследователь языка Пушкина-переводчика, — придает «польскость» всему переводу»¹. Это не нарушение внутренних законов языка, а один из компонентов художественной формы.

* * *

Каждый язык имеет свои внутренние законы, свой синтаксис, свою грамматику, свой словарный фонд. И эти законы языка в переводе должны неукоснительно соблюдаться. Законы языка, но не привычной, устоявшейся в данной литературе формы. Форма оригинала должна быть передана во всей полноте, во всем своеобразии. И если копии иноязычной фразеологии немислимы (это привело бы к буквализму), то всякого рода повторы, параллелизм, единоначалия, симметрические словесные ходы, то есть элементы формы, как совокупности и единства средств художественной выразительности, должны быть воспроизведены со всей тщательностью и бережностью.

В своей книге «Высокое искусство» К. Чуковский привел следующее стихотворение:

«Когда навек замолкну я,
Когда последнее стенанье
Порвет все струны бытия,
Весь трепет сердца, все желанья:
Когда лишусь я созерцанья
Твоей волшебной красоты. —
И к небу, светлому, как ты,
Мой взор угасший не воспрянет
Из мира вечной темноты.
Когда всему конец настанет,
И рок нещадный, как палач,
Свершит решение зараней. —
О, друг! По мне тогда не плачь,
Не надо скорбных одеяний!..»

¹ Г. Д. Владимиров. «Пушкин-переводчик», «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 4—5, М.-Л., 1939 г., стр. 300.

Читателю был задан законный вопрос: попробуйте определить, к какой национальности принадлежит автор этих излияний. Определить это невозможно, так как написанные истасканным ямбом, без единой национальной черты они могут быть отнесены к автору любой национальности. А стихи имеют заголовки «Грузинская лира» и подзаголовок «Из Гр. Умдинарадзе». Переводчик их Вас. Величко в той же стилевой манере переводил и Бараташвили и Чавчавадзе. Как замечает К. Чуковский, «основа этой установки — неуважение к народу, создавшему данные тексты. Недаром переводчик этих грузинских стихов был Василий Величко, великодержавный шовинист, нововременец»¹. Методы Величко были те же, что и у одного из немецких переводчиков «Илиады» — Шульца, который отказался в своем переводе от гекзаметра и остановился на размере «Песни о Нибелунгах». Размер этот, очень далекий от размера «Илиады», конечно, был немецкому читателю привычней, но он отнюдь не говорил об уважении к Гомеру и не вел к бережному сохранению всего богатства содержания и формы великого литературного памятника древней Греции.

В этой связи уместно сказать и о принципах перевода пословиц и поговорок, которые также играют большую роль в передаче национальной специфики.

Пословицы и поговорки, вошедшие в повседневный язык народа, от этого не потеряли своих качеств художественной речи. Это, грубо говоря, миниатюрные произведения, имеющие свое содержание и форму, которые, понятно, должны быть переданы полно и верно. Ссылаются на поговорки и пословицы, имеющиеся на многих языках. Очевидно, что поговорки и пословицы, уже переве-

¹ К. Чуковский. «Высокое искусство», стр. 45.

денные народом с другого языка, или возникшие одновременно на нескольких языках, заново переводить никто не будет. Но пословицы и поговорки, имеющие, так сказать, одну мораль, но разное образное содержание, переводить можно и нужно, ибо в них заключен многовековой опыт создавшего их народа, результат его познания действительности.

На страницах журнала «Огонек» в последнее время напечатан целый ряд пословиц и поговорок, переведенных с разных языков. Приведем наугад всего несколько: «Рис рассыпалешь — собрать можно, слово скажешь — назад не вернешь» (с корейского); «Тот, кого змея укусила, и ящерицы боится» («Пословицы народов Югославии»); «Смирная кошка сильнее царапает» (с румынского). Казалось бы, чего проще — подставить вместо корейской привычную пословицу «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь», вместо югославской — «Пуганая ворона куста боится», вместо румынской — «В тихом омуте черти водятся». Просто, но неверно, ибо здесь пропало главное — одно содержание и форма заменены совершенно другими. Перевод этот мнимый, лишивший оригинал всего его национального своеобразия. Переводчик-художник в таких случаях будет стремиться к передаче оригинальной поговорки, а не к ее замене, — ведь читателя интересует не то, какую бы поговорку использовал он, а его интересует, какую поговорку использовал писатель в своем произведении.

Перевод пословиц, поговорок — это только частный случай передачи и национальной специфики и национальной формы. Но он с большой силой подчеркивает главный принцип советской переводческой школы — максимальное стремление к сохранению на другом языке всего богатства оригинала, как единства содержания и формы и неотъемлемого их качества — национальной специфики.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ
КНИГИ

ПОЭЗИЯ ТИЦИАНА ТАБИДЗЕ

Творчество Т. Табидзе занимает значительное место в грузинской поэзии.

Конечно, не все из созданного поэтом одинаково приемлемо и близко для нас. Читателям недавно вышедших на русском языке книг его избранных стихов и поэм нетрудно будет убедиться, насколько сложным был путь поэта от символизма и эстетства к истинно народной, реалистической литературе.

Но книги эти, являющиеся плодом благородных творческих усилий подлинных друзей грузинской поэзии, сделавших лучшие ее творения достоянием всех советских людей, говорят нам и о другом.

Они — живое свидетельство того, что лучшие стихи Тициана Табидзе, созданные им в пору полной творческой зрелости, выдержали проверку временем, сохранили по сей день неповторимую свежесть «апрельских лепестков» и ту стремительную силу весеннего обвала, с которой Т. Табидзе сравнивал действие истинной поэзии:

Тициан Табидзе. Избранное. Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1957 г.

Тициан Табидзе. Избранное. «Заря Востока», Тбилиси, 1957 г.

«Не я пишу стихи.

Они, как повесть, пишут
Меня, и жизни ход

сопровождает их.
Что стих? Обвал снегов.

Дохнет—и с места сдышит,
И заживо схоронит.

Вот что стих.

Под ливнем лепестков
родился я в апреле,

Дождями в дождь, белея,
яблони цвели.

Как слезы, лепестки дождями
в дождь горели.

Как слезы глаз моих,
они мне издали.

В них знак, что я умру.

Но если взоры чьи-то
Случайно нападут на строчек

этих след,
Замолвят без меня они

в мою защиту,
А будет то поэт —

так подтвердит поэт...»

* * *

В 1915 году молодыми поэтами П. Яшвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, К. Надирадзе и Р. Гветадзе была создана в Кутаиси группа грузинских символистов, под названием

«Голубые роги». Позже к ней примкнули Г. Леонидзе, Н. Мицишвили, Ш. Апхаидзе и др.

В период меньшевистского господства в Грузии «Голубые роги» представляли собой «ведущую» декадентскую группу поэтов.

В ранних поэтических произведениях Т. Табидзе мы найдем почти все характерные для грузинского символизма темы и мотивы.

В ряде своих стихов он предстает перед читателями в позе пресыщенного жизнью эстета, этаким «дэнди в восточном халате», равнодушно взирающим на окружающий мир. С каким-то лихорадочным упорством старается он казаться отгороженным от «грубой» реальности и от обыкновенных человеческих страстей, оставаясь в своем замкнутом мирке утонченных переживаний, в обществе изысканных компаньонов — образов Уайльда, Малларме и Эредиа.

Однако даже в самых ранних стихах Т. Табидзе, при их внимательном изучении нетрудно обнаружить, что бесстрастный дэндизм — для него во многом литературная поза, скрывающая совершенно другой поэтический темперамент.

Несмотря на антиреалистическую и асоциальную программу «Голубых рогов», творчество Тициана Табидзе все-таки не являлось за все это время чем-то совершенно чуждым каких-либо общественных интересов и гражданского звучания.

Не заметить это внутреннее противоречие в его ранних поэтических произведениях можно только на основе крайне предвзятого, схематического подхода к ним.

Чтобы читателю стало сразу ясным, о чем идет здесь речь, достаточно вспомнить хотя бы такое стихотворение, как «Петербург», написанное Т. Табидзе вскоре после возвращения на родину из революционной России:

«...Жаркий бой. Жестокой схватки
звuki.

Мокрый пар шинелей потных.

Мгла.

Медный всадник опускает руки.

Мойка лижет мертвые тела.

Но ответ столетий несомненен,
И исход сраженья предрешен.

Ночь запомнит только имя «Ленин»
И забудет прочее, как сон».¹

Как бы это стихотворение не диссонировало с общим идейно-творческим направлением «Голубых рогов» того времени, сегодня оно уже не представляется нам плодом какой-то случайной прихоти поэта.

Вновь перечитывая его тогдашние стихи и внимательно вслушиваясь в его голос, мы все чаще обнаруживаем, что Т. Табидзе, не мог оставаться совершенно глухим к тем событиям, которые происходили как в далекой России, так и в жизни его собственной страны и народа.

Мучительной думой о судьбе многострадального грузинского народа проникнуто стихотворение Т. Табидзе «Второе апреля» и особенно «Орпирский Златоуст».

Трагическая интонация стихотворения «Орпирский Златоуст» обусловлена уже не какими-либо чисто-интимными факторами эгоцентрического мироощущения поэта, а его глубокой обеспокоенностью за историческую участь своей родины.

Т. Табидзе глубоко ошибался в то время, усматривая печать «злого рока» во всей истории грузинского народа как в прошлом, так и в настоящем. Но, когда он в своем стихотворении, написанном в период меньшевистского господства, восклицал, что «звезда Грузии уже погасла» и что «все песни для него звучат, как реквием», — это было не просто игрой в «мировую скорбь», а совершенно искренним выражением глубокого отчаяния, которое охватило Тициана Табидзе и его современников в те, в самом деле трагические для грузинского народа, годы.

Конечно, сердцу современных читателей более близки другие, проникнутые верой в завтрашний день песни Т. Табидзе, которые он сложил позже о своей свободной и возрожденной родине. Но следует помнить, что эти песни и эта счастливая вера пришли к нему не сами собой, а явились логическим исходом и разрешением тех мучительно противоречи-

¹ Это стихотворение датировано 25 октября 1917 г.

вых вопросов, которые ставились и в ранней его поэзии.

• • •

Сам Т. Табидзе своим первым крупным советским произведением считал поэму «Рион-Порт» (1928 г.).

Однако еще в предыдущие — 1926—1927 годы им был создан целый ряд поэтических произведений, которые органически вошли в грузинскую советскую поэзию.

Общей чертой большинства этих лирических стихотворений является совершенно новое для Т. Табидзе радостное ощущение бытия и мощная жизнеутверждающая интонация.

Наращение жизнеутверждающих мотивов в его творчестве происходит на основе острой борьбы и постепенного преодоления противоречий в сознании поэта.

Однако содержанием «внутреннего диалога», который ведется поэтом почти в каждом стихотворении тех лет, является глубоко убежденный спор со своими былыми декадентскими взглядами на мир и со всей упадочной философией, которая теперь представляется поэту выражением морального бессилия и позорной трусости перед жизнью.

«По Казбеку вихрь метет с вершины,
В пурпуре зари его висок.
Стыд тому, кто пред такой картиной
Смерти бы еще бояться мог.
Я стою внизу оцепенелый
И себя совсем не узнаю,
Точно вдунул сам Важа Пшавела
Жар Химикаури в грудь мою».

Нужно отметить, что в лучших стихах Т. Табидзе 1926—1929 годов, таких, как «Если ты брат мне», «Ликование», «Не я пишу стихи», «Иду со стороны Черкесской», «Окроканы», «Тамуне Церетели», «В Ананури», «Восходит солнце, светает» и т. д., его поэтическое слово достигает значительно более высокой степени эмоциональной впечатляемости по сравнению с ранними произведениями поэта.

Дело в том, что именно в этих произведениях Тициан Табидзе как бы впервые находит самого себя и свой

истинный поэтический голос, очищенный от всего наносного и неорганического.

Как будто с глаз поэта только что сорвали слепящую пелену, и он, потрясенный могучим разливом земных красок и цветосочетаний, восторженно раскрывает свои руки, стремясь обнять весь этот воскресший из мрака мир.

Ощущение беспредельного восторга перед благодатной красотой мира с самого начала носит у Т. Табидзе совершенно конкретный характер и органически сливается с другим, еще более сильным, чувством самоотверженной любви и преданности к своей родной земле.

О том, насколько созвучными и неразрывными стали в то время для поэта эти два эмоциональных мотива — любовь к жизни и любовь к родине, свидетельствуют следующие строки:

«Кто дал окраску мухранскому соку?
Кто—зеленям на Арагвинском плесе?
Есть ли предел золотому потоку,
Где б не ходили на солнце колосья?
Если умрет кто нездешний, то что ему
Гора иль сон, эта высь Голиафья?
Мне ж, своему, как ответить по-своему
Этим горящим гостям полуяви?
Где виноградникам счет, не ответишь ли?
Кто насадил столько разом лозины?
Лучше безродным родиться, чем детищем
Этой вот родины неотразимой.
С ней мне и место, раб, волочащему
Цепью на шее ее несказанность.
Здравствуй же, здравствуй, о жизнь
сладчайшая.
Твой я вовек и с тобой не расстанусь!..»

Нельзя пройти мимо одной характерной черты, присущей не только этому стихотворению, но и всему творчеству Т. Табидзе, взятому в целом. Это — глубокий драматизм его поэзии. Но если в ранних стихах он имел характер безвыходной конфликтности с внешним миром и с самим собой, то с середины 20-х годов драматическая интонация у Т. Табидзе приобретает совершенно новый оттенок. В названных нами выше стихах 1926—1929 годов она выражает уже не декадентскую раздвоенность и неверие в жизнь, а страстный порыв к открывшемуся перед его глазами чувственному миру, к природе, к людям, к жизни народной.

Это — драматизм оптимистический, в который воплощается самозабвенный восторг и ликование зрелого человека.

Александр Блок писал, что «в эпохи бурь и тревог нежнейшие и интимнейшие стремления души поэта также преисполняются бурей и тревогой».

В этом отношении несомненно, что мир лирических переживаний Тициана Табидзе так же не был свободен от глубокой печати того грозного времени, когда происходило формирование его сознания и художественных взглядов.

Этот острый драматизм, присущий «интимнейшим стремлениям души» Т. Табидзе, является, в частности, одним из обуславливающих факторов своеобразной романтической приподнятости, которая не только не исчезает, но как бы все более усиливается отныне в творчестве поэта.

Отсюда и та неспадающая торжественность интонации, которая придает подчеркнuto значительный, «монументальный» характер каждому предмету внешнего мира и каждому внутреннему порыву, находящему свое поэтическое преломление в лирике Т. Табидзе.

Это глубоко жизненный, здоровый романтизм, не боящийся больше испачкать свои крылья в «земной прозе». романтизм, который черпает свои силы и свое вдохновение из свежего источника самой жизни.

Одна из своеобразных черт творчества Т. Табидзе, которая в это время особенно сближает его с классическими традициями грузинской поэзии, заключается именно в том, что романтическое начало, выражающееся в высокой патетике чувств, органически сочетается у него с глубоким реализмом в видении и изображении предметного мира.

Следует отметить, что в грузинской классической поэзии у Т. Табидзе, как у художника слова, имелись свои особые симпатии, традиции, наиболее близкие его творческой натуре и темпераменту.

Среди мастеров прошлого он с особой любовью отличал две фигуры — гениального Важа Пшавела и его великого предтечи Давида Гурамишвили.

Если вспомнить здесь и ту глубокую привязанность, которую Т. Табидзе питал к творчеству известного грузинского живописца, вышедшего из народных низов самоучки Нико Пиросманишвили, то станет очевидным, какие именно стороны привлекали его в поэтической личности названных выше писателей¹.

Творчество Гурамишвили, Важа Пшавела и Пиросмани стало в то время для Т. Табидзе наиболее ярким олицетворением непосредственной связи искусства с миром реальных предметов и явлений, олицетворением того прирожденного, стихийного материализма в художественном видении действительности, который был так близок сердцу и вкусам самого Т. Табидзе.

В творениях этих мастеров он видел также своеобразное, во многом родственное его личным устремлениям воплощение другого начала — глубокой народности, выражающейся как в характере поэтического мышления, так и в конкретных образительных формах.

Последний момент играл существенную роль для Т. Табидзе, если учесть, что именно в те годы он приступал к созданию новых произведений, в которых намеревался как бы выйти за рамки обычного для камерной поэзии лирического «самовыражения» и найти более емкие формы и средства, соответствующие его новым замыслам.

Стихи Т. Табидзе «Апрельский сев», «Когда ласточка лепит свое гнездо», «Стихи к посевной, сказанные по радио», относящиеся к концу 20-х годов, содержат ряд новых особенностей.

Одна из них заключается в том, что здесь поэт как бы впервые открывает своего истинного читателя, посылая свой стих по совершенно точному адресу:

«Дыхание слова лети туда,
Где цвет грузинский,
Народ труда.

¹ Между прочим, о внутреннем родстве творчества этих двух поэтов у Т. Табидзе имеется специальная статья «Гурамишвили и Важа Пшавела».

Туда, где гулы фабричных труб,
В шалаш, землянку,
Под каждый сруб,
Где все рубахи
В седьмом поту,
Где все бессонны,
Как на посту».

Это, новое для Т. Табидзе, непосредственное обращение к народу, уже само собой предreshало характер тех поэтических задач, которые встали перед ним в названных произведениях.

Для того, чтобы слово поэта достигло своей цели, оно должно было быть сказано на предельно четком, доступном сердцу и разуму миллионов языке.

И неудивительно, что именно с этих стихов берут свое начало настоятельные поиски Т. Табидзе в области новой художественной формы, адекватной (с учетом новых условий) той классической простоте и «беспорности», которые были присущи поэтическому языку мастеров грузинского стиха.

★ ★ ★

Особое место в творчестве Т. Табидзе занимают его поэмы «Восемнадцатый год», «Роальд Амундсен» и «Рион-Порт», написанные в конце 20-х годов (все они датированы 1928 годом).

Это — произведения, которые условно можно отнести к лиро-эпическому жанру. В них нет обычной сюжетной схемы, и «лирический» элемент (особенно в двух последних поэмах), пожалуй, преобладает над «повествовательным».

Однако в целом все они отражают сознательное стремление поэта к большой, эпической тематике, рожденное ощущением величия и исторической важности «переживаемого момента».

«Рион-Порт» открывает новую главу в поэтической летописи Т. Табидзе, посвященной отражению великого процесса расцвета Советской Грузии.

Поэма начинается почти дословным пересказом гиппократовского описания гнилых болот и снедаемого лихорадкой населения старой Колхиды. За этим следует обращение поэ-

та к крестьянам родного села Орпири (к «домочадцам, соседям, товарищам»), которое переходит в взволнованное повествование о том, как

«Сбылась мечта. Из отдаленья
Плывут в Орпири корабли».

И как

«Бесследно старый призрак тает.
Все ближе наше торжество».

Сознанием великого героизма призванных к творческому созиданию народных масс вдохновлены слова поэта о «новом эпосе», не нуждающемся больше «ни в Язоне, ни в Медее».

Т. Табидзе первым в грузинской советской поэзии использует известную античную легенду о «золотом руно». Воспевая воскрешенную из болот новую Колхиду, он дает оригинальное, глубоко созвучное духу времени, поэтическое переосмысление этого мифа:

«Золотым песком не платим мы,
Золотым руном не бредим.
Обманулся ждавший золота, —
Ибо труд в цене от века,
Ибо труд дороже золота
В светлом царстве человека».

Поэма «Роальд Амундсен», несмотря на ее тематическую обособленность, имеет глубокое внутреннее родство с «Рион-Портом». Главной идеей этого произведения также является мысль о безграничных творческих возможностях свободного человека — идея победы человеческой воли и гения над темными силами природы.

Правда, этот замысел поэта здесь не облечен в развернутую форму собственно эпического повествования и конкретных реалистических образов. Как в «Рион-Порте», так и в этом произведении, утверждение героики созидания дано, главным образом, в лирическом монологе самого автора, а не в объективной передаче реальных событий и поступков людей. Между прочим, этим обусловлены элементы известной абстрактности и риторики в художественной манере автора поэм, а также некоторая расплывчатость, присущая их внешней композиции. Однако своим внутренним пафосом оба произведения по сей

день сохраняют свою поэтическую актуальность, почти непосредственно перекликаясь с событиями нашего времени, эпохи титанических усилий и побед человека над природой.

* * *

30-е годы вносят новые черты в творчество поэта.

Путешествия по Советскому Союзу, неоднократное посещение Москвы и Ленинграда, городов и сел Украины, Белоруссии, Армении, Северного Кавказа и республик Средней Азии значительно обогатили впечатления Т. Табидзе, расширив горизонты его поэтического мира.

Тема братства народов занимает центральное место в поэзии Т. Табидзе 30-х годов.

Мыслью о нераздельности Советского отечества и гордым сознанием духовного богатства нового социалистического человека, являющегося наследником Пушкина и Руставели, вдохновлены патетические строки стихов «Дагестанская весна», «Александр Пушкину», «Матери Маяковского», «Багдадские небеса», «Камни говорят», «Сбылась мечта поэтов» и других.

Т. Табидзе был одним из первых грузинских поэтов, который нашел наиболее простые и вместе с тем поэтически глубоко выразительные слова для воплощения идеи советского патриотизма:

«Возвращался я в Грузию, передо мной
Дагестан шел горами калеными,
Не чужим я увиделся с этой страной,
Точно вскормлен я горными склонами.
Если бы, у Мухрани сейчас появясь,
Я Кипчака бы встретил отчаянного,
Я б отчизну доверил ему, не боясь,—
В нас единой отчизны звучание».

В 30-е годы были созданы лучшие поэтические произведения Тициана Табидзе, посвященные Советской Грузии.

В этих стихах нашли свое наиболее четкое и завершенное художественное выражение те творческие замыслы поэта, которые намечались уже в

поэмах и стихотворениях конца 20-х годов.

То, что в таких вещах, как, например, «Когда ласточка лепит свое гнездо» или «Апрельский сев», было дано главным образом в форме своеобразной заявки на тему, теперь облеклось в живую плоть поэтически-конкретных, реалистических образов.

В этих стихах, венчающих творческий путь поэта, мы уже не найдем элементов той абстрактности и бесплодного экспериментаторства, которые нередко характеризовали некоторые ранние его произведения.

В одной из лучших вещей этого времени, в стихотворении «Родина», каждая фраза, каждое слово отчеканены в форму классически ясных, глубоко народных по своей четкости и простоте образов, которые вместе с тем оказываются поразительно емкими для вмещения самого смелого полета поэтической мысли автора.

В стихотворениях «Родина», «Колхида ждет Орфея», «Апрель в Орпири», «Праздник Алаверды», «Багдадские небеса», «Во веки веков не отнимут свободы» поэт по-прежнему остается восторженным певцом «райской красы» родного края:

«Горы и доли твои ненаглядные
Издавна слыли подобием рая.
Взглянешь—пылают сады
виноградные.
Взглянешь—и глаз не достанет
до края».

Однако главным источником вдохновения Т. Табидзе в этих стихах выступает не сказочная прелесть родной земли, а еще более чудесные свершения, происходящие в жизни грузинского народа.

Народ—это главная тема, главный герой и главный предмет поэтических раздумий автора этих произведений.

Дума о народной судьбе присутствует в качестве ведущей поэтической мысли даже в строках, воспевающих «горы и доли» Грузии, заставляя автора новыми глазами смотреть на знакомый пейзаж.

Так возникает новое осмысление величественной природы родного края в стихотворении «Во веки ве-

ков», в котором идея народной свободы воплощена в глубоко национальную поэтическую форму.

Провидя в свободном настоящем счастье и славу грядущих дней своей родины, Т. Табидзе по-новому осмысливает и трагическое прошлое грузинского народа.

В истории своей страны его волнует уже не одна горесть «судьбы грузинской», но и великий героизм народа, пронесшего сквозь кромешную тьму столетий лучезарные идеи патриотизма и свободолюбия.

«Много дорог с мамелюками
 пройдено,
Долго тянул янычар свою песню.
Все-таки, все-таки снится им
 родина,
Где же на карте она? Неизвестно...»

И один «золотой век» прошлого не может сравниться для Т. Табидзе с эпохой, давшей безграничный простор творческим силам народных масс.

«Разве мы раньше работали мирно
Правды, труда и свободы
 сторонники?
Вырви хоть день из неволи
 всемирной,
Перелистай наши древние хроники...»

Гордость за свое время, сознание грандиозности происшедших на его глазах перемен и событий, рождает в поэте мысль о соответствующем расцвете в духовной жизни народа, о закономерности появления новых титанов слова, новых орфеев и руставели — достойных певцов великой эпохи.

Самого себя Т. Табидзе считает лишь «бедным» предшественником грядущих поэтов, которые смогут воплотить в своих творениях всю широту и величие дел народных. Но он гордится своей миссией одного из первых певцов наступающей «весны человечества» и, стремясь запечатлеть неповторимые черты ее победоносного шествия на обновленной земле Грузии, призывает всех великих мастеров прошлого помочь ему в сложении этой песни.

★ ★ ★

В большинстве поэтических произведений, созданных Тицианом Таби-

дзе в конце 20-х¹ и в начале 30-х годов, авторское «я» поэта как бы отодвигается на второй план, уступая место образам и картинам, взятым из действительности. Внешние впечатления и общественные мотивы как бы вытесняют из его поэзии тематику личных, интимных переживаний.

Поэт стремится открыть пошире двери своего поэтического мира большим эпическим темам и образам современности.

Но Т. Табидзе по своей творческой природе всегда был и оставался прежде всего лириком, поэтом большого лирического накала и поэтому это внутреннее давление его поэзии должно было в конечном счете слиться, прийти в известную гармонию с эпической темой его творчества.

Стихотворение 1935 года «Родина» замечательно и тем, что здесь поэт в полной мере обретает это искомое единство. Нераздельность субъективного и общественного, глубокая внутренняя связь и взаимообусловленность «лирического» и «эпического» в этом произведении выражены в форме единства личной биографии поэта с «фениксовой судьбой» своей родины:

«Сорок мне стукнуло. Если пригнать
 еще
Новых мучительных сорок на
 старость,—
Не остановит поэта и кладбище—
Молодость той же безусой осталась.
Родины участь—как матери участь,
Заново к сердцу пришла, позвала
 меня,
И без кремня, не стараясь, не мучась,
Сердце охвачено песней, как
 пламенем...
Сорок мне стукнуло. Только бы
 выстоять
Сорок еще с ремеслом стихотворца.
Лишь бы страну освещало лучистое
Счастье и слава ее ратоборцев».

Стихи Тициана Табидзе сегодня снова в строю лучших ратоборцев за славу и счастье нашей Родины, они вновь помогают советскому человеку в его труде и испытаниях, в праздниках и в буднях, в радости и любви.

¹ Мы имеем в виду такие стихотворения, как «Когда ласточка лепит свое гнездо», «Апрельский сев», «Стихи к посевной», «Новый Мцхет» и некоторые другие.

В МАСТЕРСКОЙ И. Е. РЕПИНА

Воспоминания народного художника СССР Мосе Тоидзе (1871 — 1953 г.) найдены в архиве художника. Публикуемые нами отрывки переданы журналу женой М. Тоидзе — Е. А. Тоидзе.

Мое знакомство с Репиным состоялось в 1896 году, когда я, совсем еще молодой художник, сколотил небольшую сумму денег и с незатейливым багажом, состоявшим из свертков с рисунками, отправился в далекий Петербург — поступать в Академию художеств.

Попасть в Петербургскую Академию художеств тогда было нелегко. Принимали немногих — даже из тех, кто получил уже среднее образование в специальных художественных школах.

У меня на родине средней художественной школы не было. Я держал экзамен без всякой подготовки и, конечно, потерпел поражение. Положение было безвыходное, я был подавлен и растерян. Не имея ни средств, ни мастерской для работы, я должен был навсегда оставить мысль об учебе в Академии.

Кто-то посоветовал пойти к И. Е. Репину. Говорили, что он очень интересуется способной молодежью, при его содействии в Академию поступило немало талантливых юношей. Многие из них — Малявин,

Иванов и другие стали впоследствии знаменитыми художниками.

Квартира Репина находилась тогда в здании Академии художеств. С замершим сердцем я подошел к двери с медной дощечкой, на которой было выгравировано «И. Е. Репин». Репина не оказалось дома. Но я решил непременно дождаться его и уселся прямо на лестнице.

Послышались шаги. По лестнице поднимался невысокий, худощавый, ничем не примечательный человек, очень скромно одетый. Я спросил, не знает ли он, когда вернется домой профессор Репин? В ту минуту мне даже в голову не могло придти, что я разговариваю с прославленным художником.

— А зачем вам Репин? — спросил он меня. Я объяснил, что приехал из Грузии и хочу показать свои рисунки. Илья Ефимович тут же попросил развязать свертки и стал рассматривать работы.

— Очень, очень интересно, — сказал он и пригласил меня в квартиру. Репин разговаривал со мной так просто и задушевно, что я сразу поза-

был обо всех волнениях, которые я испытал в ожидании встречи с великим художником.

— Вы, должно быть, не выдержали приемных испытаний, — сказал он. — Но не тревожьтесь, я вам помогу, мне такие ученики нужны. — И тут же добавил: — Я мечтаю побывать в Грузии, поработать там.

Я начал рассказывать о красоте кавказской природы.

— Ваши этюды рассказали мне о многом, — ответил он. — Я сейчас напишу письмо вице-президенту Академии художеств, он распорядится, чтобы вас приняли.

Я молчал, растерявшись от счастья.

Написав письмо, он пригласил меня обедать. Но я, собрав этюды, уже торопился по указанному на письме адресу. И Репин, поняв мое состояние, с улыбкой проводил меня.

На следующий день я уже работал в мастерской Репина.

* * *

В те годы Репин был особенно увлечен своей педагогической деятельностью. Аккуратно, раз в неделю, он приходил в мастерскую и весь этот день полностью отдавал нам. Обходил по-очереди всех учеников, помогал, указывал, советовал, но поправлял работы своей рукой очень редко. Он не любил навязывать свои мысли, свой метод работы.

Репин редко прибегал к отвлеченным теоретическим объяснениям. Зато он часто при нас писал этюды с натуры, чтобы показать, как должен работать настоящий мастер. Трудно переоценить значение этих уроков.

Особенно любили мы, когда Илья Ефимович разрешал нам присутствовать во время работы в его мастерской. В часы творчества он находился в полном самозабвении, и мы наслаждались, глядя, как преображается Репин во время работы, как он лепит красками, как из-под его волшебной кисти рождается «живое тело».

Репин был чрезвычайно скромно, очень не любил, когда говорили о его таланте и заслугах, терпеть не мог никаких торжеств и церемоний.

В день своего юбилея — двадцати-

пятилетия художественной деятельности — Репин на весь день ушел из дому, чтобы избежать какого-либо торжества. Тогда студенты отправились к нему на квартиру и решили дождаться его возвращения. И Репин вынужден был принять пришедших к нему с приветствиями учеников Академии.

Но затем он смягчился, тепло и радушно принял нас. В этот незабываемый вечер мы устроили скромное, но по-студенчески веселое и шумное пиршество.

* * *

Я не раз наблюдал в мастерской за работой Репина, и меня всегда поражали необыкновенный темперамент и настойчивость, с которыми художник трудился над полотном. И можно представить, как был я взволнован, когда однажды оказался соучастником его творчества.

Как-то Репин зашел в мастерскую после занятий. Мы складывали этюды, собирались домой, и появление Репина в такое время нас очень удивило.

Репин направился прямо ко мне и сказал:

— А я вас жду. Уже несколько лет я ищу натурщика для образа Христа. А когда присмотрелся к вам, понял, что нашел натуру в своей собственной мастерской. Не откажете ли вы в любезности — придти ко мне на несколько часов и помочь мне в работе?

Я был очень смущен, но с радостью выразил готовность позировать тотчас же.

Большая мастерская Репина освещалась сверху и сбоку. Над небольшим возвышением, напомиавшим эстраду, спускались занавеси. Посредине мастерской была сооружена платформа с лестницей. Когда Репин предложил мне подняться на нее, осветив меня снизу фонарем, я понял, что платформа была приготовлена специально для этого сеанса.

— Я целый месяц вел подготовку, — сказал мне Репин, — и надеялся, что вы не откажете мне в любезности.

Работал Репин так увлеченно и горячо, что я видел, как под его рукой дрожали полотно, рама и моль-

берт. Лицо его было сосредоточенным и углубленным, он ничего не замечал вокруг, ничего не видел, кроме натуры. Время от времени он спрашивал меня:

— Не устали? Может, отдохнете?

Но я стойко, не двигаясь с места, продолжал позировать в течение нескольких часов, пока Репин не отложил палитру и кисть.

— Я окончил! — радостно произнес Илья Ефимович. — Вы так замечательно позировали, что я успел сделать все, что хотел. А вы, оказывается, не только художник, но и большой артист! Вы мне казались настоящим Христом, и я убежден, что в тот момент вы сами чувствовали себя Христом.

— Благодарю, Илья Ефимович. Благодарю за то, — пошутил я, — что удостоился стать Христом хоть на один час!

★ ★ ★

В своих взаимоотношениях с учениками Илья Ефимович бывал очень прост, внимателен, по-отечески заботлив. Не раз он помогал учащимся материально, обеспечивал их работой, давал им свои заказы.

Как-то Репин сказал мне:

— Я слышал, да и сам понимаю, что вы материально не обеспечены. Мне заказана копия с картины «Запорожцы», и я хочу эту работу поручить вам.

Нет слов, чтобы описать восторг, охвативший меня при этом предложении. Я сразу же приступил к работе. Копия оказалась удачной, и Репин получил еще много заказов. Последние три года пребывания в Академии я жил на заработки, полученные от «Запорожцев».

Репин всегда старался встать на защиту молодых художников, всегда радостно и восторженно встречал их произведения.

★ ★ ★

Встречи с великим русским художником навсегда остались в моем сердце, как самое дорогое воспоминание. Я счастлив, что учился, воспитывался под влиянием его блестящего таланта. Его темперамент, работоспособность давали зарядку его ученикам на всю жизнь. И вступив на самостоятельную дорогу, я всегда ощущал репинский бодрый, могучий и вечно живой реализм.

НА ВКЛАДКЕ

В этом номере журнала мы публикуем фоторепродукции с двух работ И. Е. Репина, находящихся в фондах Государственного музея искусств Грузинской ССР.

Одна из них — портрет неизвестного старика, выполненный пастелью и углем, — относится к девяностым годам прошлого столетия, другая — акварельный портрет неизвестной — не датирована вовсе, но по всем признакам относится примерно к тому же периоду творчества художника.

Репродукции с обеих работ публикуются впервые.

БЛАГОРОДНЫЙ ТРУД ПЕРЕВОДЧИКА

В серии «Библиотека поэта» издательством «Советский писатель» выпущены стихотворения и поэмы Важа Пшавела в переводе Н. Заболоцкого. В книгу включено несколько лучших стихотворений и великого грузинского поэта и его известные поэмы «Гоготур и Апшина», «Алуда Кетелаури», «Копала», «Раненый барс», «Этери», «Бахтриони», «Гость и хозяин», «Оленья лопатка», «Кровная месть», «Змеед» и «Дзаглика Химикаури». Книга снабжена примечаниями и вступительной статьей поэта Симона Чиковани, в которой автор дает обстоятельный анализ творчества Важа Пшавела.

Важа Пшавела. «Стихотворения и поэмы». Вступительная статья и примечания С. Чиковани. Редактор В. Н. Орлов. Издательство «Советский писатель», Ленинград, 1957 г. Перевод с грузинского Н. Заболоцкого.

Видному поэту Н. Заболоцкому, большому мастеру-переводчику, грузинская поэзия обязана многим. Его переводы — свидетельство напряженной творческой работы и глубокой любви к грузинской поэзии.

Важа Пшавела является одним из самобытнейших поэтов. Его характерная стихотворная речь и поэтическое видение мира уходят вглубь народного творчества. Герои его — Алуда Кетелаури, Джохола, Муцали, Миндиа, Гоготур, Квирия, наделенные большим благородством, олицетворяют мужество и моральную силу народа, его свободолюбие и патриотизм.

Крупный мастер эпического повествования Важа Пшавела в своих произведениях рисует нравы и обычаи родного народа. Но Важа Пшавела не только широко использовал образцы фольклорной поэзии, он углубил их и возвел до философских обобщений. Он часто прибегал к легендам и сказаниям, придав своим образам сугубо национальный характер. Лексика, образный строй, идейная направленность, интонационное звучание его произведений приводят к народным истокам. Важа Пшавела был непревзойденным певцом природы. Пахарь и страстный охотник — он вдыхал аромат горных цветов, пил хрустальную ключевую воду, слушал пение птиц и грохот обвалов. Он всем своим существом был связан с величавой природой Пшаветии. Все эти качества и особен-

ности поэзии Важа Пшавела делают ее труднопереводимой. Следует отметить, что, благодаря творческому подвигу Н. Заболоцкого, эти трудности преодолены, и творчество Важа Пшавела сделалось достоянием всей советской, а значит и мировой культуры.

Большой творческий успех Н. Заболоцкого — это результат его высокой поэтической культуры и той требовательности, с которой он подходит к переводческой деятельности. Н. Заболоцкий вошел в глубины поэтического мира Важа Пшавела, нашел те черты в его творчестве, которые оказались близкими для него, и проникся большой любовью к мужественной поэзии грузинского поэта. Высокое качество перевода обусловлено и тем обстоятельством, что, видимо, Н. Заболоцкий близко ознакомился с нравами и обычаями пшавов, с их героическим прошлым, легендами и сказаниями, бытовавшими в народе, с величественной природой, на фоне которой разворачиваются события, уловил особенности стихотворной речи Важа Пшавела.

Проникновение в мир идей и художественных образов Важа Пшавела дает полную возможность Н. Заболоцкому передать интонационное звучание, эпическую стройность и богатство красок оригинала. Для передачи народного колорита поэм Н. Заболоцкий находит в русском языке соответствующие выражения, емкие слова.

Н. Заболоцкий нигде не придерживается метода дословного перевода, потому-то его переводы и оказываются такими близкими к оригиналу. В переводах сохранены мысли, идеи, образы и высокая поэзия произведений Важа Пшавела. Еще больше — Н. Заболоцкий, как опытный переводчик, передает и национальный колорит, и художественную выразительность, и глубокое патриотическое звучание оригинала. Читатель не может не почувствовать в этих переводах живую интонацию переведенных стихов и поэм, ту эмоциональную окраску, ту внутреннюю энергию, которыми отличаются эти произведения.

Из переведенных стихов следует отметить наиболее популярные и любимые грузинским читателем — «Орел», «Жалоба меча», «Письмо солдата-пшава», «Памяти Давида Гурамишвили» и др., в которых воплощены глубокое патриотическое чувство Важа Пшавела и его гуманистические идеалы. Переводы этих стихов безупречны. В переводе они звучат так же свободно, как и в оригинале. В них сохранены почти все те поэтические образы, метафоры, сравнения, эпитеты, которыми так богат оригинал. Вместе с тем, Н. Заболоцкий прекрасно передает народный характер стихов («Гири», «Бакур» и др.). Следует отме-

тить, что и ритмическая организация стиха в переводе в большинстве случаев совпадает с оригиналом.

Высоким качеством выделяются переводы поэм. В них сохранены и музыкальность и пластичность поэтического слова. Эти переводы дают полную возможность читателю представить богатство поэтического языка Важа Пшавела, те специфические качества, те изобразительные средства, тот поэтический язык, тот мир идей и образов, которые свойственны оригиналу.

Приведем лишь одно место из поэмы «Бахтриони»:

«Туманы — это размышленья
Могучих гор, седой венец
Их человечности, томленья
Несокрушимых их сердец.
Люблю травы я колыханье
На их груди и в поздний час
Ветров безродных завыванье,
Испепеляющее нас.
Парят орлы, пронзают оком
Глубины черных пропастей,
Где спят в забвении глубоком
Остатки тлеющих костей».

Вольное течение стиха, ритмическое строение его, богатство перекрестных рифм, все образы точно совпадают с грузинским оригиналом.

Глубокое душевное потрясение, которое испытала жена Джоколы Агаза («Гость и хозяин») в русском переводе передано в сильных, доходящих до трагического звучания стихах:

«Но что за шум на дне могилы?
Откуда этот смутный зов,
Откуда этот вопль унылый,
И плач, и ропот мертвецов?
Чьи это детские рыдания,
Невыносимые вдвойне?
Всеобщий крик негодованья
Встает пред нею в тишине:
«Бесчестная! Над чьим ты прахом
Рыдала тут? Над чьей душой,
О, будь ты проклята аллахом,
Обряд свершила гробовой?»

Переводы всех поэм исполнены подобными энергичными и полными вдохновения стихами, передающими не только идейную сущность, но и всю художественную ткань оригинала. Во всех переведенных поэмах Н. Заболоцкий, передавая силу и красоту поэзии великого поэта, оставаясь верным его поэтическому видению мира, достигает предельной близости к оригиналу и, «рисуюя словами», сохраняет конкретность и предметность образов Важа Пшавела.

Сказанное можно подтвердить хотя бы строками из пролога к поэме «Бахтриони»:

«О горы! Здесь, в краю скалистом,
Несу я поздний вам привет!»

Пусть будет вашим остролистом
Мой холм кладбищенский одет.
Моя душа повсюду с вами,
Я сам питомец этих скал,
Недаром жадными устами
К сосцам я вашим припадал».

В этих стихах чувствуется тот же взлет поэтической фантазии, та же душевная гармония, установившаяся между поэтом и природой, тот же голос гор, как и в грузинском тексте. Во всех картинах природы звучит шум водопадов, шелест горных цветов и аромат горного воздуха...

Издание лучших произведений Важа Пшавела на русском языке в блестящем переводе Н. Заболоцкого является крупным литературным явлением, большой радостью для грузинской литературы.

Ш. АПХАИДЗЕ.

ВЕРНОСТЬ ИДЕЕ

Имя народно-го поэта Абхазии Дмитрия Гулиа хорошо известно в Грузии. Известно давно. И как автора многих произведений и как переводчика.

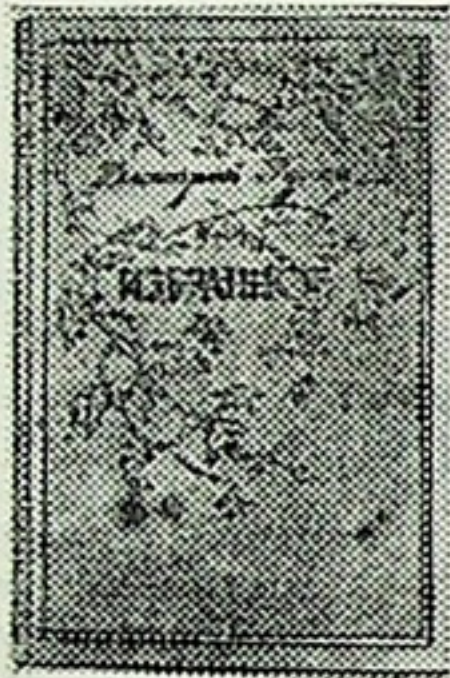
Еще до революции задумал Д. Гулиа перевести на абхазский язык шедевр грузинской литературы — «Витязь в тигровой шкуре».

Поэт решил сделать это в интересах развития абхазской культуры и во имя дружбы, покоившейся на такой незыблемо прочной основе, как исторически сложившееся братство двух народов. И хотя совершен был этот подвиг уже перед второй мировой войной, поэт не мог не заслужить признательности всей грузинской общественности.

Вместе с тем, выбор для перевода именно этой великой поэмы, воспевающей высокие идеалы человечества, вполне определенно характеризовал и идейно-творческие позиции самого Д. И. Гулиа.

Ныне поэту уже за восемьдесят. Он пишет стихи и прозу, пишет о старости и юности, о Партии и о Родине, всегда

Дмитрий Гулиа. «Избранное». Редактор М. Лохвицкий. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1957 г. Перевод с абхазского.

глубоко раздумывая о судьбах родного народа. Его произведения согреты тем чудесным огнем, который дается лишь художникам, верным высоким идеалам народной, трудовой правды, поставившим свое творчество на службу настоящему и будущему, и который можно назвать молодостью духа. Этой неиссякаемой молодостью духа впечатляет и новая книжка Д. И. Гулиа — сборник «Избранное», выпущенный недавно издательством «Заря Востока». В сборник под этим обязывающим названием включены (в переводах ряда русских поэтов) только стихи и две поэмы — «Осень в деревне» и «Мой очаг», одним словом, только поэзия, что, несомненно, суживает представление читателей о творчестве Д. И. Гулиа, который является не только поэтом, но и драматургом, прозаиком, критиком, собирателем фольклора. К сожалению, издательство не снабдило книгу ни комментариями, ни совершенно необходимым предисловием, которые давали бы более или менее полное представление о творческом облике Д. И. Гулиа.

Хронологический принцип расположения материала позволяет читателям проследить, как эволюционировало творчество Д. И. Гулиа, какими путями пришел поэт на позиции коммунистической партийности, социалистического реализма.

Открывает сборник стихотворение «Милое» создание», написанное Д. И. Гулиа в 1907 году и уже в наши дни переведенное на русский язык В. Потаповой. Речь в этом стихотворении идет о человеке, морально нечистоплотном, вредном для общества. Стихотворение это несколько наивно и, пожалуй, иллюстративно. Но уже в нем, если и не в полную силу, то, во всяком случае, вполне определенно выявляется идейно-эстетическая концепция поэта, постоянно обогащаемая и углубляемая им, воплощаемая с достойной уважения последовательностью. Позже поэт с достаточной ясностью определит эту концепцию, теоретически обоснует ее. Но и в раннем творчестве Д. И. Гулиа она существует не случайно, а, несомненно, является результатом тесной связи поэта с родным народом, с традициями его фольклора.

Концепция эта может быть кратко сформулирована так: «Литература должна служить народу». Выражал ли ее Д. И. Гулиа подобной фразой, вменял ли, подобно великому русскому поэту, себе в обязанность «глаголом жечь сердца людей» или же утверждал необходимость активного вторжения в жизнь, — то есть свое отношение к назначению поэта определял так, как это делается в наши дни, — все равно. Дело не в словах, а в самом отноше

нии поэта к жизни, своему труду. Эту верность собственным принципам подтверждают и короткие рассказы Д. И. Гулиа, и его роман «Камачич». Но обратимся лучше к тому материалу, который представляет читателю его «Избранное».

В 1920 году, в годы господства в Грузии меньшевиков, Д. И. Гулиа пишет стихотворение «Если б мог», которое можно назвать поэтическим кредо поэта-бойца:

«Если б мог добро я напевом слов приманить!
Об одном благом для людей готов я творить!
Чтоб, сроднясь в труде, мог бы дружный люд
ладно жить,
Чтоб с познашьем он мог бы жаркий труд
дружно слить,
Если б зависть мне да незнанья зло удалить,
Чтобы время всем навсегда пришло не тужить!»

Несмотря на тяжелый язык перевода, стихотворение очень ясно говорит о передовых идейных позициях поэта.

В 1938 году он пишет стихотворение «Джамбул», в котором нетрудно увидеть еще более требовательное отношение к назначению поэта и поэзии, нежели то, которое с такой прямотой было сформулировано им в стихотворении «Если б мог».

Приведем, наконец, строки из стихотворения «Лесоруб», датированного 1954 годом и открывающего в рецензируемом сборнике раздел «О поэзии»:

«Поэт...
Но во сто раз ты будешь мне дороже,
Войдешь в сердца, народу будешь люб,
Когда стихами людям путь проложишь,
Как проложил сквозь чащу лесоруб!»

В самом деле, поэт своими стихами учит человека быть честным и стойким, верным и благородным. Так он делает и в своих «Стихах о любви». Интимность, глубокая психологичность и высокая гражданственность образуют в них единый сплав. Не стоит пересказывать эти стихи. Многие их знают, незнанием мы рекомендуем обратиться к книге. Но стихотворение «Чтоб она любила» стоит упомянуть особо — столько в нем веселого лукавства и мудрости.

Верность идее — поэзия призвана бороться за человеческое счастье — ощущается в творчестве Д. И. Гулиа с той последовательностью, которая не терпит ложных истолкований. Но было бы неправомерным видеть в Д. И. Гулиа поэта, голословно декларирующего эти свои принципы, твердящего о них упорно в лоб. Нет, они, эти принципы, органически присущи стихам Д. И. Гулиа, и в этом — один из источников очарования его поэзии, которой предназначает он высокую роль учителя жизни.

С. ГВЕЛЕСИАНИ.

Это было в начале империалистической войны. Печально оглядев своих малолетних детей, свое убогое хозяйство, крестьянин Тедоре подумал: «На кого я оставлю семью, кто их прокормит?»

Чтобы уклониться от призыва в царскую армию, он решает на отчаянный поступок — топором отсекает себе указательный палец. «...С мотыгой и топором как-нибудь справлюсь», — оправдывается он.

«А вот с ружьем тебе уже не справиться», — с презрением замечает Миха Чхетиани, главный герой романа Э. Зедгинидзе «Перед восходом солнца».

Миха с первых страниц романа успел завоевать симпатии читателя, а в этом эпизоде он уже предстает как цельный характер, нравственно стойкий, деятельный, жизнеспособный.

Он осуждает своего родственника не потому, что ему менее, чем Тедоре, ненавистна война, которая стоит народу моря крови и которая нужна только царю, чтобы «покорять новые страны и земли». Ему так же, как и Тедоре, нелегко, уходя на войну, оставлять семью и хозяйство. Но Миха органически не приемлет трусости и малодушия. В этом человеке — большой заряд жизненной энергии, здоровых, не искалеченных, не надломленных духовных и физических сил. Такие характеры внутренне подготовлены к настоящей борьбе. Жаль только, что, повествуя о дальнейшей судьбе Миха Чхетиани, автор романа не всегда находит пластически выразительные средства и насыщенные внутренним драматизмом ситуации, чтобы во всей полноте раскрыть духовный облик своего героя.

Для Миха Чхетиани фронт стал серьезной революционной школой. Знакомство с большевиками, с социалистическими идеями помогает лихому, отчаянному парню стать опытным организатором, вожаком масс. Но говоря об этом, автор, подчас, сухо регистрирует действия и поступки Миха, которым явно не достает психологической убедительности, полнокровных художественных красок. Отчасти страдают схе-

Э. Зедгинидзе. «Перед восходом солнца». Редактор А. Зурабов. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1957 г. Авторизованный перевод с грузинского В. Киреевой.

матичностью и образы большевиков Саши Гегешидзе, Акакия Очигава, Павле Дзигуа.

Много жизненной правды в образе отца Миха — старика Иванэ. Верно раскрытый, этот образ оказался в романе наиболее завершенным.

В трагической биографии Иванэ, как в капле воды, отражаются биографии сотен тысяч грузинских бедняков, угнетенных и обездоленных, веками тянувших лямку судьбы.

Иванэ как будто робок, покорен, уступчив, но в нем созревает сознательный протест против существующих порядков. Он уже отказывается спокойно принимать жизнь, полную бедствий и лишений.

Общая тема романа — тема борьбы за Советскую власть в Грузии — органически связана с темой мужества и душевной чистоты людей из народа, возглавляющих эту борьбу. В книге безусловно, чувствуется революционный накал в Грузии накануне установления Советской власти.

На примере исторических событий, в частности, вооруженного восстания крестьян Лечхумского уезда в феврале 1918 года, автор сумел убедительно показать, что социалистическая революция в Грузии зарождалась в недрах народной жизни, что она не пришла извне, а была обусловлена всем ходом внутреннего развития страны.

Трагична судьба героев романа, трагичен финал произведения: Миха Чхетиани и Акакий Очигава погибают от рук меньшевистских палачей, хорошо вооруженным карательным отрядам удается сломить героические усилия лечхумских крестьян. Но несмотря на это, в романе ощущается предрассветный чистый воздух, лучезарная перспектива — перспектива революционного преобразования страны. Все произведение, от первой до последней страницы, проникнуто животворным оптимизмом.

Но надо отметить, что эмоциональная насыщенность романа не стоит на уровне его идейной нагрузки. В первой части книги писатель неторопливо, стараясь широко охватить действительность, раскрывает сложные жизненные процессы — упадок и разложение господствующих классов, революционный порыв, который овладевал угнетенными массами. По всем жанровым признакам первая часть произведения воспринимается как социальный роман. Но в последующих частях книги автор начинает сухо описывать боевые действия повстанцев, партизанские выступления, лихорадочную подготовку к сопротивлению в лагере врагов, снаряжение карательных отрядов. Сюжетные линии романа не концентрируются на остро драматических

эпизодах. Спокойное эпическое повествование сменяется беглыми зарисовками очеркового характера, которые часто напоминают документальную хронику.

И именно то, что роман Э. Зедгинидзе не выдержан до конца в жанровом отношении, привносит в его интересно задуманную композицию элементы рыхлости, разбросанности.

Иногда в диалогах чувствуется подсказка писателя. Переживания, мысли, высказывания маленького Зуры — сына Миха Чхетиани — часто облечены в несвойственную его возрасту форму. Наивными и прямолинейными выглядят рассуждения героев на социальные, а подчас, и философские темы.

В некоторых эпизодах видна художественная неточность. В экспозиции романа, например, трудно определить, в какое время суток происходят конные состязания. Автор пишет:

«Первый день сентября подходил к концу. Солнце тихо скатывалось по ясному небосклону. И когда оно скрылось за Ахоской горой, чтобы зажечь где-то в далеких краях новую зарю, — прохлада зеленых лесов и сумерки разлились вокруг». За описанием состязания, длившегося в течение нескольких часов, снова следует пейзажная зарисовка автора: «Спускались сумерки, все вокруг подернулось сизой мглой».

Но при всех недостатках, роман Э. Зедгинидзе (перевод его хорошо сделан В. Киреевой) правдиво и интересно рассказывает о бурных событиях тех незабываемых лет, когда в муках рождался новый мир. Книга «Перед восходом солнца» несомненно найдет живой отклик у читателей.

Л. КАЛАНДАДЗЕ,
Л. БРАЙЛОВСКАЯ.

ОБРАЗ ДЕВУШКИ-ВОИНА

Советский народ торжественно отмечает сорокалетие своих Вооруженных Сил. Созданные, воспитанные и руководимые Коммунистической партией, они заслужили всенародную любовь и неувядаемую в веках великую боевую славу.

Этой всенародной славой овеваны имена и многих советских женщин, которые в грозные боевые годы не только несли основную тяжесть работ в тылу, но и на

Юрий Рышков. «Капитан Быстрова». Редактор А. Кузьмичев. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1957 г.

передовых позициях были смелыми, отважными воинами.

Светлому образу советской женщины — матери труженицы бойца в нашей литературе посвящено немало ярких страниц. Недавно вышел в свет роман Ю. Рышкова «Капитан Быстрова». В нем верно нарисованы некоторые характерные черты героинь Великой Отечественной войны.

Деревенская девушка, активная комсомолка Наташа Быстрова училась в техникуме и одновременно в аэроклубе. Она проявила незаурядные способности и стала планеристкой. «Дальше — летная школа, жизнь отдельно от семьи, учебно-тренировочные сборы, полеты... Затем война...»

Черные тучи войны отняли у Наташи мирное голубое небо, в котором так радостно было парить над просторами родной земли. И она решительно вступила на путь беспощадной борьбы с врагом.

В начале романа мы видим Быстрову среди летчиков — истребителей, которые прикрывают операции кораблей Черноморского флота, охраняя их от вражеских бомбардировщиков. Не сразу молодая летчица становится умелым и смелым бойцом. В одной из схваток с многочисленными фашистскими истребителями она уклонилась от боя: сказала неуверенность в своих силах, сдали нервы. Заместитель командира полка по политчасти майор Станицын, обладающий хорошими качествами партийного воспитателя, ободрил и воодушевил ее. В очередном бою она совершила славный подвиг: искусно сбила гитлеровский «Юнкерс».

С каждым боевым вылетом совершенствуется мастерство и закаляется характер девушки-пилота. Уже по одному исключительно уверенному и точному летному «почерку» узнают ее боевые друзья — моряки, любовно называя «нашей Наташей».

Автор романа «Капитан Быстрова» Юрий Рышков работает кинооператором Тбилисской ордена Ленина киностудии «Грузия-фильм». Не является он новичком и в литературном труде, с юных лет пишет стихи и рассказы, печатался во фронтовых газетах. Но «Капитан Быстрова» — первое крупное произведение писателя, и оно не лишено серьезных недостатков.

Роман написан простым и ясным языком, читается легко. Но иногда образная выразительность художественного слова нарушается, на стилистическом поле возникают скудные протокольные записи. Особенно небрежны речевые характеристики героев.

Одним из действующих лиц романа является Козьма Нефедов, человек от-

сталый, единоличник. Трудно поверить писателю, что этот малограмотный старый крестьянин разговаривает с женой так: «Я тебя не заставлю с ним дела вести и разрешать всякие оперативные и актуальные вопросы. Тебе спецнагрузка по хозяйственной линии. Материальное обеспечение. Проблема не из чрезвычайных».

Не уделено внимания портретам героев. Можно различить их по фамилиям и по воинским званиям, по добрым делам и славным поступкам, но лиц их не видно, и трудно представить себе, как они спорят и слушают, хмурятся и улыбаются. Так и хочется сказать писателю:

— Почему вы организовали встречу с такими интересными людьми в темной комнате? Зажгите свет!

Несколько скупо обрисован и внутренний мир героев. Автор прав, когда он показывает передовых людей нашей армии скромными, совершенно не способными выставлять напоказ заветные чувства беспредельной преданности партии и народу. Но он совершает большую ошибку, лишая себя смелости художника, связанного до конца раскрыть заповедное, самое душевное и дорогое в советском человеке. Эта робость очень ослабляет воздействие произведения.

И все-таки, несмотря на столь значительные просчеты в первой большой работе писателя, его книга привлекает внимание, вызывает горячее сочувствие к ее героям, заставляет задуматься над их судьбами.

Сила книги в том, что в ней правдиво показаны советские люди в действии, в суровой боевой страде. Ее содержание пронизано чувством большой любви к отважным защитникам и защитницам нашей Родины, чувством гордости их массовым героизмом.

Реалистичны и впечатляющи многие картины военных лет, изображенные в романе.

Выздоровливающая после ранения Наташа Быстрова отдыхает в семье военного врача Бокерия, в грузинском селе Ревы. Как родную, приняли в трудовой грузинской семье русскую девушку. Эти взаимоотношения советских патриотов полны глубокого смысла.

Авиадивизия перебазировалась в район Курска и вела бои за освобождение Украины. После ряда боевых удач Наташа была вынуждена оставить подбитый самолет и, выбросившись с парашютом, оказалась в глубском вражеском тылу, недалеко от своей деревни Пчельни. Советские люди с риском для жизни помогли ей найти партизанский отряд. Живо описаны сцены в семье

Нефедовых, свидания с матерью и маленьким братом, тяжелого единоборства с группой фашистов.

Членом партии. Героем Советского Союза встретила Наташа Быстрова великий День победы своей Родины. Снова засияло над Советской страной мирное голубое небо. Заживают телесные и душевные раны, знакомое Черное море ласково зовет отдыхающую девушку к радостям жизни. Вместе с моряком Игорем Сазоновым, в одном строю с боевыми друзьями Головиным, Станицыным, Мегрелишвили, Бокерия, Кузьминым она будет и впредь бдительно охранять счастье своего народа.

Писатель создал не вполне законченный, но привлекательный образ советской девушки - бойца. Знакомство с фронтовыми буднями и подвигами Наташи Быстровой для многих читателей, особенно молодых, будет интересным и полезным.

Подполковник Б. СОКУРОВ.

РАССКАЗЫ О ХОРОШИХ ЛЮДЯХ

«По скрытым следам» — таково название изданного недавно на русском языке сборника произведений армянского писателя М. Асланяна, которые, несомненно, заслуживают внимание читателя.

Различные произведения, вошедшие в сборник, различны герои этих произведений, наконец, различны эпохи, в которых они живут. Но многое придает сборнику целостное звучание — и это, прежде всего, пронизывающие его темы патриотизма, дружбы народов, темы простых, благородных людей.

Книга М. Асланяна — волнующий рассказ о хороших людях, об их повседневных, но в то же время больших делах.

Сам автор прошел большой жизненный путь от сельского пастушка до писателя. Он испытал тяготы несправедливой жизни, был свидетелем великих преобразований, свершенных Октябрем, слу-

жил в рядах Советской Армии в годы Великой Отечественной войны. Поэтому так достоверны события и люди, описанные в рассказах, содержащих, кстати, немало автобиографического.

Произведения М. Асланяна, вошедшие в сборник, можно условно разбить на два цикла. Если действие первых трех рассказов сборника — «Кярам», «Фило» и «Буря» (перевод А. Татевосян) происходит до революции, то повесть «По скрытым следам» (перевод А. Татевосян) и рассказ «Подрубленный столб» (перевод Э. Фейгина) посвящены советским людям, их героическим боевым и трудовым подвигам во время Великой Отечественной войны.

В центре внимания первых трех рассказов М. Асланяна — бесправное положение простых и скромных тружеников до революции. Горе и нужда, издевательства и гонения — вот удел армян-бедняков, стонущих под гнетом угнетателей.

Со всей остротой показывает автор борьбу бедняков с беззаконием и эксплуатацией. Растет самосознание крестьян. Если Сероб («Кярам») еще не видит путей к народному счастью, если Фило («Фило») видит их лишь в приобретении знаний, то Оган, Мсто и другие герои рассказа «Буря» уже с оружием в руках вступают в борьбу за свое будущее. Герои М. Асланяна верят в народные силы, в светлое завтра. «Вот там, — говорит Фило Вагаршу («Фило»), — где небо сливается с землей, скрыт от нас другой мир, где раскинулись широкие синие моря, где крестьянин — хозяин тьме, что заработал своим потом, где нет ни голода, ни нищеты»... В борьбе за этот мир куется нерушимая дружба народов. Рядом с армянином Оганом сражается его побратим курд Мсто («Буря»). В самый напряженный момент борьбы на помощь армянским повстанцам приходят русские солдаты. Буря народного гнева выметает поработителей с армянской земли.

С большой любовью рисует М. Асланяна в своих рассказах образы детей. От их лица ведет он повествование в рассказах «Кярам» и «Фило», их подвигами восхищается он в повести «По скрытым следам».

Черными пытливymi глазенками глядит герой рассказа «Кярам» на окружающий несправедливый мир. Но этот мир заселен не только дурными людьми. Мальчик знакомит нас с Серобом, с мужественным Зебо и с другими крестьянами небольшого армянского селения, которые покоряют силой больших человеческих чувств. А маленький Вагарш («Фило») знакомит нас с удивительным человеком — старым пастухом Фило, мудрым, гуманным, исполненным духовного величия. Образ Фило — один из лучших образов сборника.

М. Асланяна. «По скрытым следам». Редактор М. Заверин. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1957 г. Перевод с армянского.

С чутким вниманием настойчиво внушает старик Вагаршу мысли об учебе, о светлом будущем, ибо он не хочет, чтобы мальчик прожил такую же тяжелую жизнь, какая выпала на его долю.

В повести «По скрытым следам» автор рассказывает о героических делах советских разведчиков в годы Великой Отечественной войны.

Разные люди в подразделении разведчиков. Тут и вдумчивый капитан Сазонов, и исполнительный майор Алиев, и смелый старшина Патаридзе, и решительный сержант Айказян. Всех их роднит чувство любви к Родине, ненависть к ее врагам, чувство подлинной дружбы. Героическое нередко скрывается в будничном — вот, что утверждает М. Асланян в своей повести.

Для героев М. Асланяна нет выше чувства, чем любовь к Родине. Не даром так тяжело переносит Саро («Подрубленный столб») свое горе, узнав о бесчестии сына.

В создании многих характеров сборника проявляется мастерство автора. Скупые, точные детали — и у читателя создается нужное впечатление, нужное настроение.

Жаль только, что не все образы сборника очерчены так ярко, как Фило, Вагарш, Оган, Мсто, Махмуд-бек, Саро. Схематичны, например, образы Айро, Нушо, Мелкона, Закара.

Действие в произведениях М. Асланяна развивается остро и динамично. Читатель как бы втягивается в круговорот событий. И тем более досадно, что порой автору изменяет чувство меры. И сколько длинны для небольших рассказов этнографические сценки угощения в доме Сероба («Кярам») и свадебного обряда («Буря»), они замедляют повествование и не очень много прибавляют к самим рассказам.

Хочется сказать хотя бы вкратце о качестве переводов, выполненных, в основном, А. Татевосян. Переводы эти осуществлены с определенным знанием дела и тем большую досаду вызывают отдельные неточности.

Отдавая сына в учение, Вардуи говорит пастуху («Фило»): «Мясо — тебе, кости — мне». Идиоматическое выражение в буквальном переводе на русский язык теряет свой смысл и вызывает у читателя лишь чувство недоумения. Неважно переведены некоторые стихи, имеющиеся в текстах («Кярам», «Буря»).

Хотелось бы также, чтобы в конце каждого произведения (или же в биографической справке) указывалась дата его создания.

В заключение нельзя не упомянуть художника И. Гурро, который с большим вкусом оформил сборник «По скрытым следам» — интересную книгу о жизни и борьбе простых людей.

И. БОГОМОЛОВ.

Издательство Союза писателей Грузии «Заря Востока» выпустило в свет книгу рассказов грузинского писателя Андро Ломидзе «Подковы и цветы».

Двадцать четыре рассказа, собранные в этой книге, дают достаточное представление о творческом своеобразии писателя.

Андро Ломидзе успешно работает в жанре коротких рассказов.

Портовая и морская жизнь, тяжелый труд рыбаков, живые человеческие страсти простых тружеников, их трудовая доблесть, советский патристизм — вот круг тем, интересующих писателя. А. Ломидзе рисует благородные чувства советских людей, чтобы читатель мог узнать в них своих современников, с присущей им радостью труда и борьбы, любви и дружбы, преданности и отваги.

Вода читателя по живописным местам Кахетии или по Караязским горам, по лесам и степям Восточной Грузии, или по рекам и озерам Колхиды, по черноморским портам, он всюду помогает ему ощутить прелесть родной природы, к которой сам питает поэтично прочувствованную любовь.

«Ни один уголок Грузии не волнует меня сильнее, чем эти пустынные места, — говорит автор в рассказе «Песня жизни», который по существу является поэтическим вступлением к сборнику. — Каждый клочок земли освящен страданиями и радостями моих предков... Мне чудится неумолчное эхо их воинственных криков и тихая, ласковая колыбельная «Иав-нана».

Такую любовь к весне жизни вместе с автором питают и герои его охотничьих рассказов. Зная о тайнах природы, они видят смысл жизни в их познании. С другой стороны, не менее интересен и сам герой рассказов, будь то охотник или рыбак, простой моряк или портовый рабочий, — человек интенсивно мыслящий и деятельный, со своим обширным кругозором и с большими нравственными запросами. Познание умственной и эмоциональной жизни этих простых людей занимает автора в рассказах, посвященных охоте («Лебедь», «Козуля», «Чайка», «Из дневника охотника»,

А н д р о Л о м и д з е. «Подковы и цветы». Редактор Э. Фейгин. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1957 г. Перевод с грузинского.

«Мой друг Тахар», «Перелет уток» и др.).

В рассказах «Моряна» и «Спасатель» Андро Ломидзе раскрывает высокие моральные черты советских людей, их подлинный гуманизм. В этих рассказах писатель обнаруживает умение подметить типичное и обобщить его.

К сожалению, этого нельзя сказать о рассказе «Кочегар» и даже о рассказе «Подковы и цветы». События, описанные в них, протекают уже после революции 1905 года, а основным средством борьбы героев рассказов (революционно настроенных матросов), как утверждает автор, является индивидуальный террор. К нему прибегают и Лаврентий Гогинава, и Вахтанг Дарджания, и Демна. Это, несомненно, не только суживает, но и смещает историческую перспективу.

Герои же лучших произведений А. Ломидзе, повторяем, подкупают силой внутреннего пафоса. На их примерах читатель видит красоту души людей нашей великой эпохи, которым доступны и тайны природы и радости труда и борьбы за светлое будущее человечества.

В переводе рассказов А. Ломидзе на русский язык А. Зурабов, М. Лохвицкий, Э. Фейгин и Н. Чхеидзе сумели, во многом, сохранить колорит и звучание оригинала.

Достоин похвалы оформление книги, исполненное художницей Д. Нодия.

Б. АБУЛАДЗЕ.

КНИГА О МОЛОДОМ ГОРЬКОМ

В жизни Максима Горького особое место занимает период его пребывания в Грузии в 1891—1892 годах. Закончив в Тбилиси свое «хождение по Руси», принесшее так много для формирования его мировоззрения, Горький именно здесь вступил в литературу. Здесь состоялось его рождение как революционного писателя.

Широко известны слова Алексея Максимовича: «Я никогда не забываю, что в

Борис Пирадов. «У истоков творчества Максима Горького». Редактор Г. Бебутов. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1957 г.

этом городе (Тбилиси—Э. Е.) сделан мною первый неуверенный шаг по тому пути, которым я иду вот уже четыре десятка лет».

Поэтому каждый новый вклад в дело изучения этого периода в биографии писателя важен и интересен. В научной литературе теме «Горький в Грузии» посвящены труды и исследования И. Груздева, Е. Чарквиани, А. Николадзе, В. Имедадзе и др. Недавно была издана книга Б. А. Пирадова «У истоков творчества Максима Горького».

Эта небольшая по объему книга привлекает внимание читателя обилием фактического материала, посвященного пребыванию Горького в Грузии, а также его окружению.

Документы Центрального Государственного архива Грузии о молодом Горьком, с исчерпывающей полнотой представленные Б. Пирадовым в его книге, дополняются многочисленными воспоминаниями современников и высказываниями самого писателя. Все это помогает читателю увидеть эволюцию, в процессе которой Алексей Пешков вырос в пролетарского писателя Максима Горького.

Хронологически события и факты, описанные в книге, выходят за рамки первого пребывания А. М. Пешкова в Грузии. Исследователь подробно описывает круг его знакомств во время пребывания в Казани и Нижнем Новгороде. Этот экскурс необходим не только для того, чтобы показать связи будущего писателя с революционно настроенными деятелями, находящимися под надзором полиции. Б. Пирадов прослеживает, как один за другим члены нижегородского кружка, в котором участвовал и А. М. Пешков, покидают по разным причинам свой город и вскоре снова собираются все вместе, но на этот раз — в Грузии, в Тбилиси.

Здесь оказывается А. В. Чекин, который в 1889 году был арестован вместе с Горьким; переезжают в Тбилиси М. Началов, Б. Корсак, Е. Добровольский, О. Каминская... В свете этих фактов прибытие сюда же Алексея Максимовича воспринимается по-новому: может быть, «скитания» писателя по Руси неслучайно привели его в Тбилиси, к людям, с которыми его связывала не только дружеская, но и идейная близость.

Подробно и внимательно анализирует автор книги состав кружка В. В. Берви-Флеровского и М. Я. Началова, к которому примыкает в Тбилиси будущий писатель. Интересны и факты о приобретенных уже в Тбилиси знакомствах А. М. Пешкова, в частности с грузинскими общественно-политическими и литературными деятелями. Среди них отметим Иванэ Джабадари, «отца для всех ссыльных», братьев Гола и Шио Читадзе, Ваню Стуруа, выдающегося писателя-революционера Эгнатэ Ниношвили.

Особого внимания заслуживает в книге Б. Пирадова глава «Еще один университет». Б. Пирадов подробно описывает состав «Рабочего Союза», состоящего главным образом из рабочих Главных железнодорожных мастерских. В программе этого кружка, руководимого Ф. Гузенко и Н. Еромолаевым, были такие пункты, как устройство рабочего центра «Рабочего Союза», основание боевой дружины, проведение сходок и групповых занятий. Близкое знакомство А. М. Горького с революционно-настроенными рабочими Железнодорожных мастерских не могло не отразиться на формировании мировоззрения будущего писателя, который впоследствии создает незабываемый образ машиниста Нила.

Из книги Б. Пирадова видно, что М. Горький хорошо узнал нужды и чаяния грузинского народа, познакомился со многими местными жителями. Нельзя не отметить страниц, посвященных знакомству Горького с Э. Ниношвили.

Следует отметить, что обилие фактического, архивного материала иногда

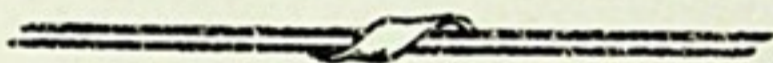
довлеет над автором: стремясь ознакомить читателя с малоизвестными документами, он иногда приводит весьма отдаленно относящиеся к теме книги материалы. Кажутся не связанными с основным содержанием книги, например, сведения о грузинских газетах и журналах, составе их сотрудников и т. п.

Обогащают книгу богатая галерея портретов тифлисских знакомых Горького и интересные линогравюры художника Н. Чернышкова.

А. М. Горький с признательностью писал о крае, где он вступил на литературную арену: «Можно думать, что именно величественная природа страны и романтическая мягкость ее народа — именно эти две силы — дали мне толчок, который сделал из бродяги — литератора».

Книга, рассказывающая о жизни Горького в этот переломный для него момент, с интересом будет встречена читателями.

Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ.

Технический редактор К. Коринтели.

Подписано к печати 31/1-58 г.

Формат бумаги $70 \times 108 \frac{1}{16}$ 8 печ. натур. л. + 3 вкл.

Заказ № 35

Тираж 5.000.

УЭ00526

Цена 5 руб.

Типография «Заря Востока» имени А. Ф. Мясникова,
Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, 42.